

Русская традиционная культура

4-5'97

Фольклор Калужской губернии

Выпуск 1

Народные обряды и поэзия

Российский фольклорный союз

Российский фольклорный союз

4-5'97 Русская традиционная культура

Альманах

Тематические выпуски
по русскому
фольклору

Основан в декабре 1995 года

Выходит 3 раза в полугодие

Учредитель и главный редактор
Н.Н. Шантаренков

Издатель и распространитель
ООО "Издательство "РОДНИКЪ"

Свидетельство № 014280
от 19.12.95 г. Роскомпечать

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

Подписка на всей территории
России и СНГ по Объединенному
Каталогу "ПОДПИСКА-98",
г.1 - "Газеты и журналы России,
книги и учебники"

Фольклор Калужской губернии
в записях и публикациях
XIX - начала XX вв.

Подписные индексы (стр.142):
34242 (без аудиоприложения)
34278 (с аудиоприложением)

В розничную продажу выпуски
журнала поступают крайне
ограниченно.

Выпуск 1

При перепечатке материалов ссылка
на "Русскую традиционную культуру"
ОБЯЗАТЕЛЬНА.

НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОЭЗИЯ

© ООО "Издательство "РОДНИКЪ"

103030, Москва, ул.Суцёвская, 21

С аудиоприложением

Отпечатано в типографии ООО "Копия-С"
141960, М.О., п.Загрудня, ул.Ленина, д.16

Министерство культуры Российской Федерации
Российская Академия наук
Российский НИИ культурного и природного наследия

Калужский областной научно-методический центр
народного творчества

ФОЛЬКЛОР КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЗАПИСЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Выпуск 1

Народные обряды и поэзия

Составитель Н.М.Ведерникова

- © - Российский НИИ культурного и природного наследия
- © - Ведерникова Н.М. – составление, предисловие, 1997 г.
- © - ООО «Издательство «Родник»

Летом 1995 года экспедиция Российского НИИ культурного и природного наследия в д. Клюксы Козельского района встретила замечательную певицу Екатерину Семёновну Соловьёву. Несмотря на свои 82 года, она обладает всё ещё хорошим, чистым голосом и великолепной памятью. Нимало не смущаясь перед микрофоном и телекамерой, Екатерина Семёновна пела свадебные, хороводные, лирические песни, рассказывала о новогодних гаданиях, припомнила, как в Петровке «караулили солнце», а весной «хоронили кукушку». Её песни и рассказы ярким kaleidosкопом высвечивали фрагменты старинных обрядов и обычаев, вводили в поэтическое прошлое. Так родилась идея — собрать в одной книге всё, что известно о фольклоре Калужского края в период, когда традиционная культура ещё составляла основу народной жизни.

Настоящий сборник посвящён народным обрядам и обрядовой поэзии Калужского края в публикациях XIX — начала XX веков. Обряды и обрядовая поэзия представляют наиболее древние пласты народной культуры. Тесно связанные с трудовой жизнью человека и важнейшими моментами в его жизни (рождение, вступление в брак, смерть), они призваны были

содействовать успеху, благополучию посредством магических действий. Материал, характеризующий эту часть народной культуры, чрезвычайно разнообразен: это описание крестьянских праздников, обрядов, обычаев, тексты песен, заклинания, заговоры, приметы, поверия и др.. Признаком, объединяющим все эти казалось бы разнородные материалы, является их отнесённость к обрядам, где действие поясняется словом, а слово — действием. Слово (заклинания, песни, присловья) служило поэтическим оформлением обряда и, вместе с тем, усиливало его магическую сущность. Даже сама предметная среда (дерево, вода, огонь, хлеб, полотенце и пр.) во время проведения обрядов становилась объектом или средством магического воздействия.

Традиционное деление народных обрядов на календарные и семейные (или семейно-бытовые) соответствует основам жизни человека — его заботам об урожае и семье.

Сборник открывают календарные обряды и обрядовая поэзия, связанные с народным хозяйственным, преимущественно земледельческим, календарём. Календарный год в соответствии с характером проводимых работ делился на определённые периоды: подготовка сельскохозяйственных работ, земледельческие работы и сбор урожая. Праздники, которые сопровождались обрядами, являлись своего рода вехами, отмечавшими начало того или иного периода с целью его благополучного завершения. Уверенность, что можно воздействовать на природу, чтобы обеспечить урожай, приплод скота и т.п., породила в сознании людей убеждённости в необходимости выполнения обрядов и следовании определённым обычаям. Весь комплекс обрядовых действий, исполняемых

песен, заклинаний призван был, с одной стороны, подсказать будущее, с другой — воздействовать на природу с тем, чтобы заручиться её поддержкой и обезопасить себя от возможных невзгод (неурожай, падёж скота, болезни и т.п.).

В календарной обрядности смешаны дохристианские верования (поклонение земле, солнцу, воде, культ умерших предков) и православные. Христианские святые были восприняты народным сознанием как могущественные покровители. Православные праздники и дни, связанные с почитанием святых, как бы уточняли народный календарь, закрепляя за определёнными днями особо значимые приметы, поверья и магические действия.

Крестьянский земледельческий год начинался новогодними праздниками, получившими название «святки». Это один из важнейших праздников, который длился две недели — с 25 декабря по ст. стилю (Рождество) по 6 января (Крещение). Многочисленные обряды, обычаи, поверья в эти дни имели особое значение, поскольку призваны были определить важнейшие события предстоящего года. Здесь всё обретало особый смысл: слова, сказанные колядовщиками, сколько «христовлавцев» войдёт в дом, какая из подблюдных песен во время гадания будет пропета. Даже ряженье, уже в XIX веке носившее характер молодёжного увеселения, в прошлом имело магическое значение — в звериных масках ряженных этнографы усматривают тотемных животных, сам характер разыгрываемых сцен заключал идею плодородия, а безудержное веселье и смех должны были разогнать мрак и нечистую силу, которая в эти дни особенно бесчинствовала.

Масленица — другой значимый праздник, отмечавший конец зимы. Масленица проводилась в течение недели перед Великим постом. Калужские запи-

си дают чрезвычайно разнообразный материал, характеризующий этот обрядовый праздник: описания встречи, катания и похорон Масленицы, чествования молодожёнов, поминовения умерших. Прощание с Масленицей, символизирующей зиму — это пародийные похороны, игра, в которой участвуют все жители села. Общему характеру масленичных гуляний соответствует ряженье, в эти дни вновь обретающее своё значение. Те, кто интересуются народным театром, найдут в книге описание масок и игр с «козой», «медведем», «кобылкой». ...Зима уходит, весна, новая жизнь на пороге. Частью масленичных обрядов стало чествование молодожёнов. В Калужской губернии в домах, где жили новообвенчанные, наряжали кукол из соломы и выставляли их на улицу. Куклы из соломы, катание с гор, валяние в снегу хранят в себе отголоски магических обрядов, связанных с подготовкой урожая.

Вслед за масленицей шел Великий пост, время, когда завершались зимние работы, просчитывались оставшиеся припасы, готовился сельскохозяйственный инвентарь. Здесь уже нет массовых гуляний и увеселений. Крестьяне как бы присматривались к наступающей весне, поторапливали её, ждали тепла, первой травы, примечали погоду, пытались точно определить сроки посадки овощей и начало сева. В это время крестьянский календарь особо выделяет 9 марта (Сороки — Сорок мучеников), Благовещение (25 марта), Чистый четверг, Пасху и Егорьев день (23 апреля).

9 марта закликали весну. Песни-заклички очень архаичны, они просты по форме и ясны по смыслу. Испечённые жаворонки (фигурное печенье), которые размещали на деревьях, плетнях, овинах, призывы-закликанья должны были позвать птиц, а с ними

весну, которая приезжала на «сохе», на «бороне», на «овсяном снопу». Последующие благовещенские обряды и обычаи развивают тематику заклинаний, связанных с пробуждением земли.

В Страстную неделю и Пасху приготавливали обрядовую соль и хлеб, освящали их в церкви, что надеяло и хлеб и соль особой возрождающей силой — с этим хлебом выходили в первый день сева, а соль использовали как целебное средство в течение года.

В Егорьев день впервые выгоняли скот на пастбища. К этому дню приберегали освященную вербу, пекли особые колобки, которые скармливали животным. Все обрядовые действия этого дня имели обережный характер.

Следующий цикл крестьянских праздников совпадает с периодом цветения — поздней весной и началом лета. Наибольшее число обрядов приходится на 40-50 дни после Пасхи, обозначенные праздниками Вознесения (40-ой день после Пасхи) и Троицей (50-ый день после Пасхи). Представлялось, что живительная сила земли может войти в человека. Поэтому и содержание всех обрядов определено поклонением, почестями, воздаваемыми росткам хлеба, березке, воде — природе, земле, от которой ждали богатого урожая.

Это самый поэтический период в русской обрядности, который сопровождается песнями, хороводами, девичьими гаданиями. Калужские записи сохранили описание уникального обряда на Вознесенье — кумления девушек («Крещение и похороны кукушки»). Обмениваясь поцелуями в дуге веток, крестами и платками, девушки как бы роднились, становясь единой семьей. Этот обряд перекликается с завиванием венков на Троицу, где также звучат мотивы «кум-

ления». Темы любви, согласия, единения становятся лейтмотивами всей обрядности этого периода.

Петровки (день апп. Петра и Павла) в Калужской губернии был отмечен особым обрядом, получившим название «сторожить солнце». Смысл этого обряда, который приходится на время летнего солнцестояния, — встреча (а значит почитание) солнца. В эту ночь принято было не спать, а напротив, производить как можно больше шума, поэтому розыгрыши, игры будоражили всё село до рассвета. Когда же поднималось солнце, играя всеми цветами радуги, смотрели на него через задымленные стеклышки.

Далее в народном календаре следуют обряды, связанные со сбором урожая. Начало уборочных работ отмечено обрядом «первого снопа», которому воздавали особые почести как предвестнику урожая.

Таким образом, калужские материалы достаточно полно представляют весь календарный год в его обрядах и поэзии, свидетельствуя о ещё значительной сохранности древних культурных традиций в XIX веке.

Второй раздел сборника — «Семейные обряды и поэзия» знакомит с основными обрядами, повериями, поэтическими произведениями, которыми сопровождалась важнейшие моменты в жизни человека — рождение, женитьба, смерть.

Многочисленны обычаи, отмечающие период, предшествующий браку — это молодёжные посиделки, новогодние и троицкие гадания, весеннее кумление, как бы санкционирующие переход девочки-подростка в клан девушек-невест. (Эти материалы публикуются в разделе «Календарные обряды и поэзия»).

Если рождение и похоронный обряды представлены скромными текстами, то свадебный обряд — чрезвычайно богатым материалом, отражающим все

стороны этого обрядового действия, всё многообразие поэтических произведений — свадебные песни, причитания, величания, корильные песни.

Во всех записях сохраняется значение свадьбы как экономического акта, заключаемого между семьями жениха и невесты, её общинный характер, отсюда обязательность присутствия во время сговора, смотрин, венчания и самой свадьбы друзей жениха и невесты, родни, старосты, как бы санкционирующих договор между семьями.

Ряд моментов, выглядящих уже поэтической условностью, восходит к древности, отражает экзогамный характер брака. «Свадебный поезд», название кучера «кормовым» (Малоярослославский уезд), поиски двора, — все это имитирует долгое путешествие, длительные поиски невесты «на чужой стороне», даже если невеста живет в той же деревне. Представленные записи свадьбы содержат описания различных обычаев и поверий, имеющих магический характер, их выполнение должно было способствовать благополучию и согласию в семье (сидение на шубе, обсыпание хмелем, связывание жениха и невесты поясом или полотенцем и др.). Калужская свадьба устойчиво сохраняет обрядовую роль хлеба, квашни, хмеля, воды и пр.

Ярко выраженная традиционность свадебного обряда, которая прослеживается в самом его построении как драматического действия, где определены основные части, кульминационный момент, состав участников свадебной «игры», точная отнесённость исполняемых свадебных песен и причитаний к определённому эпизоду свадьбы, даже реплики участников, представляющие традиционные поэтические формулы, наконец, широкая вариантность обряда

являются свидетельством живой культурной традиции, отголоски которой сохраняют и современные свадебные обряды.

Похоронный обряд, чрезвычайно развитый в русской традиции, представлен в сборнике лишь отрывочными материалами. Это может объясняться как трудностью записи такого обряда, так и узкими задачами, которые ставили перед собой собиратели. Тем не менее, публикуемое причитание позволяет говорить о бытовании этого вида народной поэзии в Калужской губернии.

В особый раздел сборника выделены заговоры, лечение травами, описания средств от болезней, а также различного рода «сглазов». В сущности, это единый материал, связанный, с одной стороны, с народной медициной, с другой стороны — с магией, часто сопровождаемой особыми «словами» — заговорами. Текстов заговоров немного, но они представляют наиболее характерные их виды — от коротких формул-заклинаний до поэтических развёрнутых текстов с обращениями к силам природы (заре, змее-шкурпее и пр.). Заговоры интересны прежде всего тем, что они сохраняют особенности народного мировоззрения, основанного на согласии человека с природой, понимании её и умении входить с ней в договор, а также своей поэтикой, обладающей столь сильными средствами эмоционального воздействия, что слову придаётся едва ли не большее магическое воздействие, нежели самому действию.

Помимо заговоров в крестьянском обиходе были и другие средства, с помощью которых люди стремились одолеть болезни. Это и особого рода приёмы, многие из которых строились на уподоблении природных свойств вещей или совершаемого знахарем

действия с самой болезнью (толченое стекло разбивает каменную болезнь, обруч на шее больного унимает лихорадку и др.). Однако народная медицина всё же больше полагалась на умение использовать лечебные свойства трав. Какие травы и для чего применялись в Калужской губернии, знакомят материалы П. Ляметри, записанные в середине прошлого века.

Сегодня слова «порча», «сглаз» стали почти обиходны. Многие верят в «сглаз». Что такое «порча», как она проявляется, кто наводит порчу — об этом уникальные записи того же исследователя П. Ляметри.

Весь материал по обрядам и обрядовой поэзии сгруппирован по указанным разделам. В целом он даёт представление об основных видах, содержании и поэтике обрядов, отмеченных на территории Калужской губернии в 1840-1920-х гг.. Но было бы неверно говорить о единой степени сохранности традиций в обозначенный период. Сами материалы, заметки собирателей показывают движение традиций, соответствующее общим закономерностям развития фольклора. Судьбы обрядового фольклора наиболее ярко демонстрируют процессы, происходящие в народной культуре. Изменения, наблюдаемые в обрядах и обрядовой поэзии, в целом выражались в следующем: постепенном забвении изначального смысла обряда, необязательности его выполнения, что объясняется изменением мировоззрения крестьянина; утрате обрядом целостности; обретении им как основной функции — развлечения, гуляния, отсюда вбирание обрядом необрядовых поэтических форм (лирических песен, частушек); переходе обрядовой поэзии в необрядовую.

Эти процессы особенно заметны в конце XIX—начале XX вв.. В начале XX века, особенно в 1920-х гг., собиратели отмечают, что записи велись в основ-

ном от женщин пожилого возраста и старух, припоминающих события 20-30-летней давности. Причины угасания традиции видели в близости Москвы, развитии фабрично-заводской деятельности, в веянии нового времени. Этнографы в это же время отмечают забвение старинной вышивки, замену традиционной крестьянской одежды и головных уборов одеждой городского типа.

Изменения, наблюдаемые в народном искусстве в начале XX века, являлись выражением естественного развития народной культуры. Деревня усваивала новое постепенно, во многом сохраняя черты старинного быта, приспособливая старые формы к современной жизни и вместе с тем творчески перерабатывая новации, идущие из города. Но этот путь естественного, живого бытования традиций и развития народного творчества был прерван разгромом церквей, образованием колхозов, внедрением идеологии советской власти, когда последовали официальные запреты на проведение старинных обрядов и определилось отношение к фольклору как искусству устаревшему, чуждому, противоречащему новой жизни. Этим и объясняется ограничение материала, включенного в настоящий сборник, записями 1927-1928 гг.

Материалы сборника очень неоднородны как по обстоятельствам и точности записей, так и по качеству текстов. Одни обряды (например, свадебный) представлены достаточно полно, другие (родильный, похоронный) — фрагментарно. Некоторые материалы даны в пересказах собирателей, другие, — воспроизводят речь информаторов. Многие песни записывались с пересказа (отсюда формальные указания на повтор стихов) и подвергались фонетической правке, ряд записей передает фонетические особенности ме-

стного говора и сопровождается пояснениями. Различия в подаче оригинального материала обусловлены различной степенью специальной подготовленности собирателей и задачами, которые перед ними стояли.

Наиболее ранние записи калужского фольклора относятся к 1840-м годам, времени, когда фольклористика как наука только зарождалась. Сам предмет исследования, как и методы фиксации материала, не были определены.

Первые записи фольклора в Калужской губернии (1845-1846 гг.) принадлежат Павлу Ивановичу Якушкину. Ещё учась в Московском университете, он увлёкся идеей П.В.Киреевского собрать старинные народные песни в разных губерниях России и на их основе подготовить к публикации специальные выпуски русского фольклора. По мнению П.В.Киреевского, фольклор должен был подтвердить такие воззрения славянофилов, как патриархальность русского народа, его привязанность к старинным верованиям и обрядам. Сам П.В.Киреевский в с.Слобода Боровского уезда записал несколько исторических песен.

П.И. Якушкин сначала в Орловской губ., откуда он был родом, а — затем в Калужской губ. (в Лихвинском и Жиздринском уездах), переодевшись офицером (бродячим торговцем), чтобы не выглядеть барин, праздно интересующимся народными песнями, общался с мужиками, мастерами, ночуя в крестьянских избах и постоялых дворах. Он решил записывать всё, что он слышит, ибо ему были интересны мысли, чувства, сама жизнь народа как она есть, без предвзятых суждений. В Лихвинском уезде Якушкин записал около сотни песен, загадки, несколько сказок. В числе его записей наряду с историческими песнями, народными балладами, лирическими пес-

нями, сохраняющими традиционный стиль и напев, оказались песни рекрутские, в которых отразилось отношение народа к рекрутчине, песни мастеровых, «афенский язык» и др. Якушкин, познакомившись с жизнью крестьян-отходников, отметил в их репертуаре песни, принесённые ими из других губерний и даже из Малороссии. Все это привело П.И. Якушкина к выводам о связи фольклора с «юридической, бытовой и экономической» жизнью народа. Якушкин сумел ощутить и красоту народного слова, его звучания, он первым пытался передать в записи диалектные особенности речи калужан. В его записях есть пометка: «Господи боже мой, какие песни!». В Калужской губернии определилось отношение Якушкина к народу, его поэзии, а также задачи собирателя фольклора. Методы записи, которые он применял и в последующей своей работе, использовались в дальнейшем многими фольклористами.

Калужские записи, собранные вместе, П.И. Якушкин назвал «Дневник пешеходца», который увидел свет лишь в 1983 г. Лишь одна из калужских песен (баллада) была опубликована при его жизни в сборнике «Русские песни, собранные Павлом Якушкиным» (СПб., 1860, вып. 2, с. 109). В настоящем сборнике приводятся его записи рекрутских песен.

Калужская губерния, находясь недалеко от Москвы, явилась местом, где определились интересы к народной поэзии не только П.И. Якушкина, но и других будущих известных фольклористов и этнографов — Н.А.Кострова, сопровождавшего Якушкина в его поездке по Лихвинскому уезду, А.В. Маркова, который в начале 1890-х гг. записал в д. Маковицы Тарусского уезда похоронное причитание и обрядовые песни.

1850-1880-е годы отмечены широким обществен-

ным интересом к народной жизни и народной поэзии. Это было время активного собирания фольклора, его публикации в академических изданиях, обобщающих сводах, на страницах местных газет и журналов. Среди тех, кто увлёкся изучением народного быта и народной поэзии, было немало людей талантливых, горячих энтузиастов, оставивших заметный след в науке. Одним из них по праву может быть назван Петр Александрович Ляметри, учитель Мещовского уездного училища, а затем Калужской гимназии, который в 1850-х гг. записал в Мещовском уезде множество поверий, различные обычаи, заговоры, приметы, дал описание свадьбы, составил лечебный травник. Его этнографические очерки публиковались на страницах «Калужских губернских ведомостей», а затем как целостный материал были напечатаны петербургским журналом «Экономист» (1862 г.), и впоследствии к очеркам П.Ляметри не раз обращались составители фольклорных сборников, фольклористы и этнографы, изучавшие народные обряды.

Постепенно собирание фольклора обретало свою методику, были разработаны инструкции по опросу информаторов и записи произведений фольклора. Многие материалы с мест поступали в архив Имп.Русского Географического общества (РГО), Этнографический отдел Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии или же к составителям фольклорных сводов. Особое место в ряду издававшихся материалов по фольклору занимает сборник Павла Васильевича Шейна «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п.» (вып. 1 — 1898, вып. 2 — 1900), материалы для которого собирались в 1860-1890-е гг.. В нём было опубликовано и немало калужских песен.

Сам Павел Васильевич по состоянию здоровья не мог заниматься собирательской работой, но его заслугой является умелая организация сбора материала. В Калужской губернии его постоянными корреспондентами были дочь священника г-жа Преображенская из Жиздринского уезда, местная помещица Е.Г. Дурново, присылавшая свои записи из с. Костино Малоярославского уезда, и М.А. Баскакова из с. Ахлебинино Калужского уезда.

В конце XIX-начале XX вв. собирание фольклора обретает всё большую целенаправленность, определяется научными интересами исследователей. Фольклор рассматривается как неоценимый материал для изучения всех сторон народной культуры, в том числе языка и особенностей русских говоров.

В 1901 году известный филолог, исследователь в области русского языка и его говоров, В.И. Чернышёв опубликовал в Петербурге сборник «Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда», составленный на основе записей Андрея Косогорова и Ивана Картукова, учеников Мещовского уездного училища. Следуя указаниям Чернышёва «по возможности точно передавать произношение», они записали около 200 произведений различных фольклорных жанров — песни (обрядовые и необрядовые), сказки, устные рассказы, загадки, а также поверия, обычаи, приметы. Качество записей вполне удовлетворило Чернышёва, и он счёл возможным опубликовать их в сборнике Отделения русского языка и словесности Имп. АН (т. LXX, №7). Оценивая представленный материал, В.И. Чернышёв отметил сохранность традиционной песни и вместе с тем появление в репертуаре крестьян Калужской губернии песен из других мест — Орловской, Курской, Тульской, Таврической

губерний, куда они отправлялись на отхожий промысел. В настоящий сборник из собрания В.И.Чернышёва включены только записи обрядового фольклора, которые распределены по соответствующим разделам.

В конце XIX века народные обряды, обычаи в их целостности проявления становятся предметом специального изучения. Исследователи стремятся не только с возможной точностью зафиксировать тот или иной обряд, но и отмечают его особенности, поэтическую наполненность, формы бытования, проявление локальных черт в рамках региональной и общерусской традиции. Поэтому меняется и характер записи.

В 1890-х гг. известный фольклорист, этнограф В.Н.Добровольский в нескольких деревнях Мосальского уезда записывает один и тот же (свадебный) обряд, отмечая малейшие подробности обрядового действия, реплики участников, отнесённость той или иной песни к определённом моменту свадьбы, сам характер передачи информатором материала. Безусловно, такие записи сохраняют не только познавательное, но и большое научное значение.

«Свадебный обряд в Калужской губернии», записанный В.Н.Добровольским, появился в журнале «Живая старина» в 1902 году. Через несколько лет журнал «Этнографическое обозрение» опубликовал «Гадания под Новый год в Козельском уезде Калужской губернии» (1909) и «Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях» (1912) — календарные обряды, записанные другим известным фольклористом Е.Н.Елеонской. Её записи отличает точная паспортизация материалов, т.е. указания где, когда, от кого, при каких условиях производилась за-

пись. Внимание к личности информатора, его репертуару, оценкам исполняемого становится частью работы фольклориста, ибо позволяет более точно характеризовать состояние традиции. Обряд «похороны кукушки» впервые был записан П. Ляметри в конце 1850-х гг. Публикация Елеонской подтверждала всё ещё активное бытование этого обряда и вместе с тем вносила ряд новых ценных наблюдений.

В начале XX века Отделением русского языка и словесности Имп. АН (ОРЯиС), Песенной комиссией Имп. РГО был организован ряд фольклорных экспедиций, в том числе в Калужскую губернию. В состав экспедиций входили музыканты, которые на фонографах записывали старинные мелодии, делали нотные записи песен. Участники экспедиции 1903 г., музыковед И.В. Некрасов и этнограф Ф.И. Покровский, в своём отчёте¹ отметили неравномерность бытования традиционных обрядов и старинных песен в Калужской губернии. Если в Боровском и Малоярославском уездах, по их мнению, «никаких следов старинной русской народной песни не сохранилось», то в Жиздринском, Мосальском уездах они записали множество свадебных и хороводных песен. Интересны и их наблюдения: «Записи приходилось делать... но большей частью от женщин, преимущественно пожилых или старух, мужчины поют мало и редко, причём, песни их, хотя и старинные, но уже достаточно известны. Молодые парни старых песен не знают, а поют новые, большей частью фабричные, городские, частушки и т.п. зачастую под гармонику. Девушки поют старинные песни только в тех местно-

¹ И.В.Некрасов. Песенные экспедиции 1903 г.// Изв. СПб. Общ-ва музыкальных собраний. 1903, июль/август.

стях, где ещё водят хороводы или сохранились свадебные обычаи «под старину».

Экспедиция 1911 года композитора Я.В.Прохорова посланная от ОРЯиС АН, для записи народных песен, преимущественно обрядовых, посетив Малоярославский, а также Козельский и Жиздринский уезды, отметила широкое распространение старинных свадебных, троицких, хороводных песен, а также бытование традиционного свадебного обряда².

Основные материалы по фольклору, в том числе по обрядам и обрядовой поэзии, публиковались в Москве и Петербурге — центрах русской фольклористики. Однако немало замечательных материалов издавалось и на местах, где наряду с краеведением развёртывалась серьёзная научная работа.

Большой вклад в изучение истории края, связанных с нею местных преданий, легенд, поверий, внесло Калужское историко-археологическое общество, с 1901 года издававшее журнал «Калужская старина». Среди различных материалов, опубликованных в 1901-1904 годах, обращают на себя внимание статьи Василия Михайловича Кашкарова. Изучая историю Калужского края, Кашкаров широко привлекает топонимические и исторические предания, устные рассказы, обычаи, поверия, называя предмет своих исследований «топонимической географией».

Заслуживает внимания и деятельность местного краеведа Николая Поликарповича Глухарёва, задумавшего собрать все материалы по истории г.Боровска и его уезда — документы, фотографии, карты, воспоминания старожилов, народные песни, пове-

2 Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Имп. АН за 1911 г. СПб., 1911.

рия, обычаи, сказки и т.п.. Для осуществления задуманной работы он через газеты обратился к жителям Боровска с просьбой присылать ему интересующие его материалы. Однако его обращение не получило отклика. В 1913 году в Боровске Глухарёв издал книгу «Материалы для истории города Боровска и его уезда». Не потеряв надежды получить нужные сведения, Н.П. Глухарёв в своей книге, которую он считал лишь первым томом, публикует фольклорные тексты, собственные записи поверий, обычаев, пословиц, поговорок, пересказы сказок, а также духовные стихи и песни, перепечатанные им из сборников П.В.Киреевского и П.В.Шейна. Несмотря на определённые недостатки этого сборника со стороны качества и подачи текстов, Глухарёв сумел показать локальные фольклорные традиции в их самых различных проявлениях.

Развитию краеведения, перерастанию его из сферы любительства в область профессиональных занятий, способствовала деятельность Калужского краеведческого музея, при котором в 1920-х гг. развернулась большая научная работа. С именем Марии Евгеньевны Шереметевой, сотрудника этого музея, связано изучение народных ремёсел и художественных промыслов Калужского края. Изучая народный костюм, набойку, вышивку, Шереметева рассматривала любое проявление творчества как органичную часть быта, выявляя глубинные связи предметной среды и духовной жизни. Это закономерно привело её к изучению обрядов и народной поэзии. В 1920-х гг. ей удалось быть свидетелем и записать уникальные обряды — «закливание весны» и «празднование масленицы», которые стали важным источником для современных исследований. Следуя традициям уже

Предисловие

сложившейся науки, М.Е.Шереметева не только выявила архаические стороны обрядов, но и отметила те изменения, которые в них происходят: включение в обрядовую поэзию лирических песен, страданий, частушек. Как это ни парадоксально, но эти позднейшие записи калужского учёного явились самым обстоятельным и подробным описанием древних обрядов, которые в записях XIX века лишь упоминаются или даются во фрагментах.

Таким образом, Калужский край даёт необычайно интересный и разнообразный материал не только по этнографии и фольклору, но и по истории его собирания и изучения, которое должно быть продолжено современными краеведами и учёными.

Сборник включает в себя три основные раздела: календарные обряды и поэзия, семейные обряды и поэзия, народная магия и медицина. Основная задача сборника — дать по возможности более полное представление об обрядах и обрядовой поэзии Калужской губернии — этой важнейшей части народной культуры, поэтому время записи того или иного обряда или фольклорного текста при определении его места в сборнике во внимание не принимается (отмечается в примечаниях). Это не стремление реконструировать древние обряды в их целостности, но лишь желание показать многообразие традиции, которая в каждом уезде и даже деревне могла принимать свои формы, т.е., варьировалась.

Научный аппарат состоит из вступительной статьи (предисловия), пояснительных текстов к разделам и примечаний. В примечаниях отмечаются издание, из которого извлечён текст; кем, когда, от кого был записан материал; приводятся комментарии. Сборник также содержит перечень используемой ли-

тературы (тексты), список избранных научных исследований по тематике сборника. В список собирателей внесены имена всех, чьи записи опубликованы в настоящей книге. В географический указатель включены названия уездов и деревень, где была произведена запись. В качестве словаря местных слов используется оригинальный материал — словарь, составленный в середине прошлого века.

Сборник подготовлен в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия старшим научным сотрудником сектора прикладных исследований традиционной культуры, кандидатом филологических наук Н.М. Ведерниковой. Все публикуемые материалы печатаются без какой-либо стилистической правки. Диалектные особенности воспроизводимых текстов сохранены, некоторые из песен, которые в оригинале переданы в сплошной записи, переведены в стихотворные строки, что отмечено в примечаниях. Тексты, дошедшие до нас в старой орфографии, частично адаптированы к современным нормам написания. Последовательность расположения текстов в разделах соответствует ходу обрядовых действий. Церковные праздники указаны по старому стилю.

Порядковые номера текстов в разделах даны арабскими цифрами, а внутренняя нумерация текстов выделена курсивом.

В последующем выпуске (вып.2) предполагается публикация произведений необрядового фольклора, духовных стихов, исторических, лирических песен, сказок, преданий и др.

Фольклор Калужского края

Фольклор Калужского края. Сборник по тематике «Святки». В список собирателей внесены имена всех, чьи записи опубликованы в настоящей книге. В географический указатель включены названия уездов и деревень, где была произведена запись. В качестве словаря местных слов используется оригинальный материал — словарь, составленный в середине прошлого века.

Сборник подготовлен в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия старшим научным сотрудником сектора прикладных исследований традиционной культуры, кандидатом филологических наук Н.М. Ведерниковой. Без какой-либо стилистической правки. Диалектные особенности воспроизведены сокращениями, некоторые из песен, которые в оригинале записаны в сплошной записи, переведены в стихотворные строки, что отмечено в тексте.

Святки

Святки открывают цикл народных календарных праздников и приходятся на начало года. Границами святок являются два важнейших православных праздника — Рождество Христово (25 декабря) и Крещение Господне (6 января). Все приуроченные к этому времени обряды и обычаи призваны были обеспечить благополучие в наступающем году — урожай, плодотворность скота, личное счастье и здоровье.

Калужские материалы показывают, что еще в XIX в. святки включали в себя все традиционные виды новогодней обрядности: колядование, гадания, ряженье. Атмосфера праздника, веселья особенно ощущалась в молодежных играх, частью которых являлись подблюдные гадания, загадывание загадок, игры. Исполняемые в это время поэтические произведения — колядки, подблюдные песни, загадки; они невелики по размеру, но очень емки и конкретны по смыслу, который скрыт в художественных образах. Умение разгадывать, правильно понять ситуацию, сказанное слово, пропеть песню составляет одну из сторон святочной обрядности. Крещенские обычаи (закрещивания, освящение воды), которые должны были оградить дом, человека от возможных несчастий, завершают этот праздничный период.

1. Колядование

24 декабря говеют «да звезды» (до появления вечерней зарницы). Лет пять тому назад мальчики ходили «калядавать». Толпа мальчиков с двумя мешочками — для хлеба и мяса ходит под окнами и кричит хором:

Каляда, каляда, накануне Рыжаства,

Блин да липёшка у задняя акошка.

Тётъ! дай сала кусок,

Штуп твой боров был висок,

А ни дашь сала да пирага,

Свяду карову зы рага.

Хозяйка дает им ломоть хлеба и мяса кусочек. Обойдя всю деревню, колядовщики отправляются к «бабылке» (бедные крестьянки) и продают ей свой сбор. Деньги, копейки 30, 40 или 50, делят поровну: старшие получают больше.

2. Святочные поверия

25 декабря если приходят два христовлащика вместе, то овцы будут «катить двоешки» (будут приносить двойни).

Для разговления (едят) легкое, чтобы быть легким весь год.

Святками крестьянки мотают пряжу на клубки, чтоб лучше вились кочанья капусты. Другие же против этого говорят, (что) у беременных животных будут завиваться «чирёвы» (кишки) и детеныши будут давиться от этого.

3. Бабы каши

26 декабря бабы каши, праздник крестьянок. Молодые и старые крестьянки ездят в гости к родным.

4. Игра в жмурки и лапту

Вечерами в святки не работают, а ходят играть в жмурки по очереди. Ту, которая «водить» (ловит с завязанными глазами), сильно бьют «жугами» или «жгугами» (хлыст, свитый из платка или пеньки). После игры в жмурки играют в «лапту». Кому достанется водить, кладет голову на колени одной из неиграющих, голову накрывают, чтоб не видно было, кто ударит. Крестьянки становятся полукругом около той, которая водит, и теми же «жугами» одна или несколько сразу бьют по спине (довольно сильно). Водящая вскакивает от удара и угадывает (по тяжести хлыста и по лицу), кто ударил; если угадает, то следующая ложится, а если нет, то опять первая.

5. Ряженье

Святками крестьянки наряжаются цыганами и цыганками. Подвязывают усы и бороду из овчинки. Одеваются одни в лохмотья, другие в лучшую одежду, поддевки тонкого сукна. Наряженные приходят туда, где играют в жмурки, а оттуда идут к более гостеприимным хозяевам. Играют на гармонике (если есть), пляшут, разговаривают, поддельваясь под говор цыган; торгуются, дерутся, воруют, пьют водку, если поднесут и т.п.

6. Загадывание загадок

Во время святок задают и отгадывают загадки, гадают, пляшут, наряжаются и поют подблюдные песни.

Загадки

1. Стоит дуб
Стародуб.

На том дубе
Стародубе
Сидит птица
Веретеница,
Никто ее не поймает:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица.

(Дуб — небесный свод,

Птица — солнце.)

2. Под дубком
Под карандуинском,
Ни клубком,
Ни камушком или
Без окон без дверей
Полна церковь людей.

(Огурец)

3. Летит ворон,
Нос окован,
И где панет,
Руда канет.

(Пуля, пущенная из ружья)

4. Выходит турица
Из-под каменной горицы.
«Турица, турица!
Где наша кесарица?»
«Ваша кесарица
Лежит на Печорских горах,
Хочет ваших детей ловить.»
«Ах! Горе-горевать,
Куда мне детей девать?»
«Али в старую нору сажать?»

*(Турица — крыса, кесарица — кошка,
дети — мыши.)*

5. Между нас, между нас
Поросеночек увяз.

(Мах.)

6. Без чорев собачка вяк, вяк.
(*Мяльница.*)
7. Сквозь стену быка испеку.
(*Яйцо.*)
8. Гнетенький, горбатенький все поле выходил.
(*Серп.*)
9. Красный петушок по жердочке бежит.
(*Огонь.*)
10. Скручен, связан, по избе скачет.
(*Веник.*)
11. Без рук, без ног под окошком стучит.
(*Ветер.*)

7. Подблюдное гадание

В канун Нового года «закидывают» серьги. Лет десять тому назад как самые лучшие дома крестьян принимали к себе закидывающих серьги; теперь же это делают только в тех домах, в которых есть зачинщицы этого обряда.

Молодки, девушки и дети собираются в указанные дома вечером часов с 6-ти. На стол ставят «даилинь или падойник», наливают его водой, кладут туда уголей, овса и хлеба, накрывают полотенцем и опускают туда серьги и кольца. Единственная или старшая дочь (хотя и не хозяйка) садится за середину стола, остальные размещаются вокруг стола и стоя начинают петь «загатки» (подблюдные песни); после каждой из них вынимают кольцо или серьгу и отдают тому, кому оно принадлежит. Когда все кольца и серьги вынуты, крестьянки разбирают овес, хлеб и уголь. Приходят домой и завязывают овес, уголь и хлеб в кончики платка и покрываются им на ночь или же кладут их под подушку и потом судят о жизни в этом году по виденному сну. За многочисленностью колец и серег «загатки» повторяются одни и те же.

8. Подблюдные песни

(«загатки»)

1. За речкью мужыки багатыи,
Грябуть золыта лапатыми,
Чиста серибра лукошками.
Каму выница, таму збудица.
(к богатству)
2. Пы правулку хажу,
Пылатенцы стилю.
Каму выница, таму збудица.
(к смерти)
3. Кык у стенки сучёк,
Тота мой мужичёк.
Каму выница, таму збудица.
(к свадьбе)
4. Свился клён сы бирёзыю,
Свыкся парень сы дивчёнкью.
Каму выница, таму збудица.
(к свадьбе)
5. Идет кузнец ис кузницы,
Адна пала во сто рублей.
Другая у тысячу,
Самэй шубы сметы нету.
Каму выница, таму збудица.
(к богатству)
6. Брысь, кошка, у пичурку спать.
Каму выница, таму збудица.
(к смерти)
7. Ды как на ниби три радуги,
У багатыва мужыка три радысьи.
Каму выница, таму збудица.
(к радости)
8. Уш ты, мать моя, миси теста, становь пираги:
Х табе сваты, ка мне жынихи.

- Каму выницца, таму збудицца.
(к святам или гостям)
9. Хорош котик по лавочке,
Слава, ладо мое!
Водит коморочку за лапочку,
Слава, ладо мое!
Он зовет кисурку спать в печерку:
Слава, ладо мое!
—Пойдем, кисурка, спать в печерку!
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(замужество на чужой стороне)
10. За дежой сижу, пятерней вожу
Слава, ладо мое!
И еще посижу, и еще повожу.
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(замужество)
11. Рассыпались игопочки по закрамцу,
Слава, ладо мое!
Кому эти игопочки собирать будет?
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(ожидание жениха или невесты)
12. Сидит воробей на тычинушке,
Слава, ладо мое!
Глядит на чужу сторонушку.
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(богатство)
13. На корыте — корысти жду,

- Слава, ладо мое!
И еще посижу, и еще подожду
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(ожидание жениха в рождественский мясоед)
14. На загнетке сижу, кулабушка жду
Слава, ладо мое!
И еще посижу, и еще подожду.
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(ожидание невесты)
15. Сидит девка на сарае в синем сарафане.
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(замужество на чужой стороне)
16. Курочка ряба на заваленке гребла,
Слава, ладо мое!
Она выгребла колечко серебряное.
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
(ожидание богатства)
17. Что не сам парень рожь зажинал,
Слава, ладо мое!
Посылал парень красну девицу.
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
18. Что не сам парень за водою ходил,
Слава, ладо мое!
Посылал парень красну девицу

- Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Хорошему не минуется.
19. Обвилась кишка
Вокруг горшка,
Быть кишке
Во всем горшке.
Диво лилѐ, ладо моѐ!
Кому спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.
- (свадьба)
20. Сидить воробушек на колодушке,
Смотрить воробушек на чужу сторонушку.
Диво лилѐ, ладо моѐ!
Кому спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.
- (идти на чужую сторону)
21. На столбу сижу,
Заплатки плачу,
Еще посижу,
Еще поплачу.
Диво лилѐ, ладо моѐ!
Кому спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.
- (предвещает что-то нехорошее)
22. Катится горошек по току,
Прикатилась она к вороху.
Диво лилѐ, ладо моѐ!
Кому спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.
23. Венички-пошумельнички,
Еще повисят, еще пошумят.
Диво лилѐ, ладо моѐ!
Кому спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.

9. Гадание под Новый год в Козельском уезде.

Вечером под Новый год девушки на кочерге отправляются за водой, черпают воду в кувшины, называя имя того, за кого хотят выйти замуж, и приговаривая: «лезь в кувшин». Покроют чашку. В передний угол садится веселая баба, преимущественно вдова, водит «мизинцем» по воде и запекает песню.

Под какую песню вынется кольцо, то и сбудется над его хозяйкой, о чем поется в песне.

1. За дежою сижу,
Пятернею вожу,
Дива лело, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Не минуется.
(плохое житье)
2. Сын с отцом
Сеял рожь с овсом.
Дива лело, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Не минуется.
(счастье)
3. Куда лес погнулся,
Туда галки полетели.
Дива лело, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Не минуется.
(смерть)
4. Кот кисурку
Звал спать в печурку.
Дива лело, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Не минуется.
(к свадьбе)

5. На печке сижу,
Заплатки плачу.
Дива лело, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Не минуется.
(бедность)
6. За рекою мужики богатые
Гребут деньги лопатами.
Дива лело, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Не минуется.
(жизнь будет богатая)
7. Матушка, сей мучицу,
Становь пироги.
К тебе будут гости,
Ко мне женихи.
Дива лело, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Не минуется.
(сватовство)

Эти песни поются по несколько раз, когда много гадающих. Потом, когда все кольца вынуты, воду несут и выливают на снег (крест вынимается), девушки хватают снег с вылитым на него овсом и угольками, завертывают его в рукав рубахи и ложатся спать. Виденный в эту ночь сон исполнится в году. К гаданью вообще относятся отрицательно: «грех», говорят.

10. Новогодние и святочные гадания

1. Девки, гадая о женихах, бросают за ворота башмаки, и куда они будут лежать носками, то в той стороне живет их суженый.
2. Точно так же стучат ложкой в ворота дома при про-

изнесении следующих слов: «Гавкни, гавкни, собачка, где мой суженый живет!»

3. Из-под пятки правой ноги берут снегу и приносят в избу для узнавания волос суженого.

4. Желая знать характер и свойства своего жениха, наливают в сковородку несколько воды, куда кладут хлопья, который и зажигают. Если хлопья будут гореть с треском, то суженый будет строптивного характера, если же хлопья будут впитывать воду, то будет муж — горький пьяница.

5. Ищут камни в реке и достают их из колодцев. Если камень гладкий, то жених будет бедный, если шероховатый — то богатый.

6. Как девушки, так и парни в темноте берут охапку дров и несут их в комнату, чтобы счесть количество их; если получается четное число, то гадающий выйдет замуж или женится в этом году, если нечетное число, то останутся холостыми.

7. Девушки идут в сарай и там ртом берут солому и затем считают ее. Если число соломин четное, то девушка выйдет замуж, если же нечетное, то останется в девицах.

8. Расплавленный воск или свинец льют в воду; полученную фигурку вытаскивают из воды, ставят перед свечкой, смотрят на ее тень и, судя по тени, гадают о судьбе человека.

9. Как девушки, так и парни, ходят по улицам и спра-

шивают у прохожих или под окном имя суженого или суженой, говоря; «Как суженого зовут?», и какое имя им скажут, таким будет муж или жена.

10. На святках девушка берет хлеб или пирог и вечером с ним выбегает на улицу и спрашивает первого проходящего мужчину, как его звать, то с таким именем будет муж.

11. Девушки берут сломанную борону, кладут ее в поле на перекрестке дороги и зажигают. Если борона вся сгорит до тла, то та девушка выйдет в этот год замуж; если же борона не сгорит — то останется в девушках.

12. Вечером (под Новый год), когда зажигают лампу или свечу, то с первой зажженной в этот вечер спичкой идут под окна соседей и подслушивают разговор хозяев, и по этому разговору определяют свою судьбу.

13. Девушка выходит на перекресток дороги, с которой берет в полу снег и говорит; «Залай, залай, собачка, у свекора на дворе»; и в какой стороне будет слышен лай собаки, то в ту сторону девушка выйдет замуж. Потом идет домой и ищет на снегу волос, и какого цвета будет волос, с таким же цветом волос будет муж. Отсутствие волоса в снегу — то девушка в этом году замуж не выйдет.

14. Девушки выходят во двор и одной из них надевают на голову квашню или кадку, затем повертывают девушку несколько раз в разные стороны и велют ей идти. Если девушка пойдет к воротам, то в этом году выйдет замуж, если же — в глубь двора, то останется в девушках.

15. Берут чашку с водой, на края которой кладут лучинки, изображающие из себя мост, и затем в таком виде ставят чашку под кровать и, ложась спать, произносят: «Суженый, ряженный, переведи меня через мост».

16. Под шапку кладут комочки ваты разной величины и вытаскивают их из-под шапки; какого размера вытащит комок, такой толщины будет муж.

17. Вечером ходят на паперть церкви подслушивать, что слышно в церкви, и по шуму, который слышат, прислонившись к двери, гадают о своей судьбе.

11. Новый год

1 января, Василия Кесарийского.

Варят и начинают кашей «васюка» (свиной желудок).

12. Крещение

1. На Крещение Господне, 6 января, на дверях, окнах и всех вообще отверстиях, где бы они ни были, как в доме, так и в службах, ставят мелом или углем четырехконечный крест, как защита от дьявола, чтобы он не мог в означенные помещения проникнуть во время грозы.

2. В канун Крещения Господня «захрещививють» двери, окна, ворота, устье в печке и т.д. —делают мелом или углем кресты на дверях, притолках, над окнами, с боков окон и внизу под окнами; во всех постройках и внутри их.

В одних деревнях это делают в канун после обеда, а в других меж заутренней и обедней в самый день Богоявления.

В Крещенье кладут в воду медную иконку или крестик

в доме, а в колодец тоже пускают деревянный крестик, как только идут утром первый раз по воду.

В Крещение варят «хряшшык», часть мяса с грудной костью, иначе «грудинка».

Масленица

Масленица, приходившаяся на вторую половину февраля — начало марта, широко отмечалась по всей территории России. Праздник этот знаменовал прощание с зимой и сопровождался массовыми гуляньями, застольями, характерными обрядовыми действиями. Главными из них были встреча, прощание и похороны Масленицы, заканчивающихся сжиганием или растаскиванием соломенной куклы. Калужские записи дают множество вариантов масленичных песен и самого обряда. Масленичное ряженье, представленное уникальными записями, — описанием масок и игр ряженных, сохраняющее отголоски древних обрядовых действий, органично вписывалось в атмосферу масленичного безудержного веселья, вслед за которым наступал строгий пост.

13. Масленичные блины.

В Калужском крае, как и во многих других местностях, характерное масленичное блюдо составляют блины — старинное поминальное кушанье... В прежние время блины пекли с мясопустной субботы и до прощенного воскресенья включительно. Делали их большей частью гречишные, из своей гречихи; с пятницы — белые (пшеничные). Кроме того, в четверг принято печь пироги с молочной кашей и с горохом. В 1929 г. блины пекли, начиная со вторника, вичные, овсяные и ржаные. К блинам подают селедки, кислушку (сквашенное топленое молоко), масло коровье и подсолнечное, сахарный песок.

14. Встреча Масленицы.

1. В мясопустную субботу перед заговенами мать, когда начинает печь блины, посылает кого-либо из своих ребят (лет 8-10) «встречать масляницу»; она вручает мальчику блин, и он с этим блином должен ездить по огороду верхом на ухвате или кочерге, крича:

Прощай, зима сопливая,

Приходи, лета красивая.

Соху, борону

И пахать пойду.

2. В начале масленой, в понедельник, девицы отправляются на горку; часть из них начинают кататься в ров на скамьях, другие же, стоя «кучкой» на верху горы, играют следующую песню:

Ой ды, масляница на двор взъезжаеть,

Широкая на двор взъезжаеть.

А мы, девушки, ее сустрачаем,

А мы, красные, ее сустрачаем.

Ой ды, масляница, погастой неделку,

Широкая, пагастой другую.

Масляница: — Я паста баюся,

Широкая, — я паста баюся.

Ой ды, масляна, пост еще далеча,

Широкая, пост еще далеча.

15. Масленичная кукла

Одевание «масляницы» носит характер женского ритуала. В избу принесли сноп соломы, внутрь верхней части снопа, между колосьев, вставили комок чесаного льна — голову, обмотанную тряпкой и обшитую куском холста с нарисованными углем носом, глазами, бровями. Голову к снопу привязали оборкой. Руки сделали из жгута соломы и прикрепили их лыком к голове. Долго возились с приделы-

ванием больших грудей из круглых комков хлопча, подвязали их к снопу холщовыми тряпками. На куклу надели «изотканную» рубаху, шубку «загранёвую» (ситцевую) «лупоглазую» с ярким рисунком «перьями», «яблоками» и фартук. Отрезной красный платок повязали ей на голову «под холопчик», т.е. концами назад. «Масляницу» наряжают часа полтора. «Толстая вышла масляница!» «Блинов объелась, обожралась!» «А когда ж она помирать-то будет?» «Помрет она в пятницу или в воскресенье к ночи.» Так переговариваются ребятишки, которые лежат на печке, свесив оттуда головы и наблюдая за происходящим.

Вот масленица совсем готова. Чтобы полюбоваться ею, ставят ее на ступеньки лестнички, которая ведет на печку. Затем ее выносят из избы и несут на улицу в толпу гуляющих.

16. Катание Масленицы

В селе б. Кипеть Сухиничевского уезда куклу, сделанную из большого деревянного толкача и наряженную бабой, девки и молодые женщины катают на лошади по селению с пением песни:

Масляница-кривошейка,

Покатай нас хорошенько.

17. Прощание с Масленицей

После дневного катанья на лошадях и с гор, шествия с «куклой», присказок ряженных, гулянья с протяжными песнями и прибаутками, в прощенное воскресенье, вечером, на улице играют следующие песни для прощания с масленицей:

Да вот масляница

Са двора съезжаить,

Кургузая, кургузая са падворья,

Ее девушки и гостевать аставляют:

— Да вот масляница, а пагастой неделью,

Да кургузая, пагастой другую.

— Да вот, девушки, и я паста баюся,

— Да вот, масляница, пост ишшо далека.

Как на масляной недели

Са стала блины летели,

И сыр и тварох

Все летело пад парох.

Масленица свилагузка,

Обманщица галагузка,

Ты уйдешь, нам будет грусыка.

18. Катание на салазках

В четверг на масляной неделе посреди деревни на просторном месте нагребают кучу снегу, поливают водой, чтобы она обледенела, втыкают на верху ее кол с надетым на него колесом (колесо спускается вниз по колу). К ступице колеса привязывают жердь, а к ее свободному концу — салазки. Ребята крутят колеса, а девочки и ребятишки катаются на салазках кругом кола. Это так называемая «круглая масленица».

19. Катание с гор на донцах

В пятницу и субботу в селениях Гамаюнщины лет 10 тому назад бабы и старые мужики катались с гор на донцах, чтобы лен родился длиннее.

20. Катание с ткацким станом

... устраивали в прощенное воскресенье катанье женщины с ткацким станом: «Поставят стан на сани и едет на санях баба, будто ткет».

21. Похороны Масленицы

1. В прощенное воскресенье, т.е. в последний день масленицы, после обеда соберутся девки и бабы и совершают обряд ее похорон следующим образом: делают из соломы куклу с руками, надевают на нее бабью рубашку и сарафан, а на голову навязывают платок. В таком виде кукла эта изображает саму масленицу, затем одну бабу нарядят попом, наденут на нее рогожу вместо ризы и в руки дадут ей навязанный на веревке ошметок — на место кадила. Двое из участвующих в обряде берут масленицу под руки и в сопровождении толпы под предводительством попа пускаются в путь из одного конца деревни в другой при пении различных песен. Когда же процессия выступает в обратный путь, то масленицу сажают на палки вместо носилок, покрывши ее пеленкой. Дошедши до конца деревни, процессия останавливается. Тут куклу-масленицу раздевают, разорвут и растреплют всю. Во все время шествия с масленицей поп, размахивая кадилом, кричит «аллилуйя», а за ним кричит, шумит вся толпа, — кто во что горазд: кто плачет, кто воет, кто хохочет и т.д. А когда масленицу хоронят, то поют песни. В заключение нужно заметить, что куклу

масленицу делают во многих домах на деревне, а хоронят только одну.

2. В воскресенье в 12 часов дня собиралась на улице толпа, на носилках укладывали обернутый в рогожу сноп, и начиналось шествие. Впереди шел «поп» в белом настольнике вместо холщовой ризы, в руках у него старый лапоть на веревке вместо кадила, за ним двое мужчин, несшие носилки. Позади толпа — и молодежи и старшего поколения — с пением на церковный лад. Процессия отправлялась в соседние деревни. Жители этого селения выносили на улицу табурет и ставили на него тарелку с блинами — как будто помянуть покойника (Масляницу). Блины эти поедались... Под конец, вечером, сноп бросали, и его разрывали ребятишки.

22. Проводы Масленицы в Калуге

В понедельник на первой неделе Великого поста выполнялся следующий обычай: на бывшей Плац-парадной площади (Ленинский сквер) наряжали в женский крестьянский костюм соломенную куклу — «Масляницу» — и сажали в расписные, украшенные резными лебедями, сани. Эти сани на увешанных бубенцами гужах везли молодые люди; другие бежали рядом с гармониями и дудками-самоделками, играли, дудели, свистели. Пройдя через весь город, участники потехи направлялись в Подзавалье (окраина города) и, наконец, сжигали «Масляницу» в Лаврентьевской роще... Отсюда выражение — «В Чистый понедельник в Подзавалье масленицу провожают».

23. Сжигание Масленицы

В последний день масленой недели, в воскресенье, берут старую борону и вязку соломы, выносят их за околицу деревни, а вечером к этому месту собираются девки и

парни, сжигают их при пении, ходя вокруг пылающего костра.

24. Песня при прощании с Масленицей

Воскресенье перед Великим Постом проводят в разных увеселениях.

Вы луга мои, вы зеленые!

(каждый стих повторяется два раза)

Девка с поля шла, красна с чистаго;

Как за ней бежит конь добра-лошадь;

На коне сидит добрый молодец.

— Ты постой, девка, постой, красная!

Загадаю как я три загадки;

Отгадай, девка, отгадай, красна!

А и что, девка, без корня растет?

А и что, девка, без ветра шумит?

А и что, девка, зимой зелено?

— Отгадаю я, добрый молодец:

Без корня растет бел-горюч камень;

Без ветра шумит быстра речушка;

Зимой зелено да то ель, сосна.

У ворот сосна расшаталася;

Уже дочь к отцу собиралася.

Тремя мылами умывалася.

А и первое мыло-то с белилами,

А другое мыло-то с румянами;

А и третье мыло-то с сурмилами.

Я белилами набелилася,

Я румянами нарумянилася,

Я сурмилами брови чернила.

25. Ряженье на Масленицу

1. На масленице наряжаются так же (как в святки) и наряжают «кабылу»: длинный сноп соломы, скелет го-

ловы лошади на палке, все вместе покрывают веретьем, придавая форму лошади. Под веретье становятся двое молодых парней, которые и служат конечностями для «кабылы». С гармоникой, звоном в косы и бубенчиками водят кобылу по деревне; пляшут и поют песни. Некоторые крестьяне подносят жожакам «кабылы» и ее конечностям.

2. Несколько лет тому назад в деревне Машковичи (б. Лихвинского уезда) с первых дней масленицы по тем хатам, где есть молодые, начинала ходить группа ряженных: «старик», «старуха» и «коза». Последней был одет мужчина, поверх его головы надевали деревянную козлиную голову со щелкающими челюстями и деревянным красным вертящимся языком. С ряжеными ходили два музыканта, один с гармоникой, другой с бубном, и под их игру «коза» плясала. Молодые угощали всю группу вином; особенно усердно подносили «козе»: вино вливали в рот козлиной голове, и оно стекало в подставленный кувшин. Вино это распивалось ряжеными после обхода изб.

В 1927 г. в деревню Перемышльского района из соседней деревни Лодыгино приезжали в прощенное воскресенье ряженные; один был одет медведем в вывороченном тулупе, на цепи, лицо вымазано «сыпухой» (сажей), одна нога в валенке, другая в лапте, с ним жожак с гармонией. Ходили по улице, «медведь» плясал под игру на гармонии, гонялся за людьми. Ряженым подносили вина.

... До последнего времени был обычай старухе наряжаться «молодой» в красный наряд, «сделает брюхо» и идет плясать с парнем, или же двоим нарядиться «дедом» и «бабкой»: старуха с льняной бородой, в суконной шляпе с полями, с костылем в руке, старик в сарафане. Щеки у них подмазаны красной краской, брови — углем.

... Ряженые «гудят» на улице, входят также в обнимку в хаты и там «напрямки» начинают представление. При- сказки и прибаутки, которыми забавляют зрителей наря- женные «молодые», «дед и бабка», отличаются грубовато- стью, а то и прямо цинизмом. Эти прибаутки они пере- нимают от других любителей наряжаться или же сами вы- думывают.

3. В гамаюньских селах ... в начале XX в. в субботу на масленице «наряжали коня». Делали этого коня в избе молодые ребята из деревянных подпорок и соломы. Обертывали его вывернутой шубой. «Мордва тоже шуб- ная». Надевали на коле «свадьбишный нашейник с гремками». Готового коня ставили на улице. Садился на него парень, тянул за повод, «мордва» поднималась, а гремки звенели. Парень шагал и волок под собой коня. Впереди шли ребята с гармонистом, а сзади толпа наро- да — и старый и малый. Ребятишки кричали: «масляни- ца идет».

... 10 лет тому назад в понедельник на масляной пар- ни наряжали коня в селе Перестряги б. Сухинического уезда Перестряжской волости: делали его на деревянных распорках из плетеной соломы — «солома плетется как лапоть: весь плетеный и спина и брюхо». На шею ему «цепляли звонки». Девушки к масляной мастерили бу- мажные цветы, парни покупали их и украшали ими ко- ня. С понедельника, с 2 часов дня, начинали ходить с ко- нем по деревне; подходя к окну, спрашивали: «Нужен конь посмотреть?» и представляли «всякую чудовину». За игру с конем, которая продолжалась несколько дней, пар- ни получали с хозяев яйца, деньги.

26. Прощение в воскресенье на Масленице.

Вечером в воскресенье на масленице, накануне понедельника Великого поста, все дети и служащие приходят прощаться к отцу, матери, хозяину и хозяйке, которым кланяются в ноги, говоря: «Прости меня Христа ради», на что отец с матерью или хозяин отвечает: «Бог простит, прости и меня грешного», тоже самое происходит и между всеми — кланяются друг другу в ноги.

27. «Бабы привохи».

В воскресенье на заговены (перед постом), еще садясь завтракать, зовут последнего умершего в доме: «Артем, иди с нами загавливаться». Вечером в этот же день, садясь ужинать, опять кличут родителей: «Артем и все родители — с нами кушать, загавливаться». После ужина оставляют на столе все яства: кашницу молочную, баранину, мясо гусиное, яичницу молочную, пшеничный каравай — остатки вечерней трапезы, накрыв их завернутыми краями столешника. Перед тем, как ложиться, подметают хату: «Родители придут вечером». На конике стелют белое полотно — «отдохнуть кто ляжет из них на коник». Молодежь называет эти обычаи «бабы привохи».

Весенние обряды и поэзия

Весенние обряды приходятся на период март — апрель, главнейшие из них: закликание птиц, весны, тепла (9 марта — «Сороки» — Сорок мучеников, 25 марта — Благовещение); освящение хлеба (Пасха); обряды, призванные обеспечить сохранность и приплод скота (23 апреля — Егорьев день). Обычаи этого периода (качание на качелях, забрасывание полотенца на застреху и др.) должны были способствовать росту хлеба и льна. Весенние заклички, характер их исполнения, представляют уникальные образцы русской обрядовой поэзии.

28. Приготовление жаворонков

1. 9 марта утром хозяйки пекут «жаворёнков». В деревне Большие Козлы — из пресного ржаного теста, реже из пшеничного; иногда из вареного картофеля, обваленного в муке. Тесто из муки катают в виде жгута и связывают его узлом. Комок картофельного теста раскатывают, лепят головку, надрезают тесто на противоположном крае полосками (хвост), прилепляют сверху две полоски теста крест на крест (крылья).

В деревне Большие Сушки жаворонки пекут из пресного ржаного теста (реже из кислого) на кирпичах, «на поту» — на поду. Тесто раскатывают в виде круглой лепешки, с боков крылья загибают на спину. Вместо глаз вставляют угольки, горох, гречишные зерна, конопляное семя, ягоды можжевельника — «мужевёлки». В тесто вливают конопляного масла... На головке лепят хохолок — «стычок» (д. Игнатовское Лихвинского уезда), «кичечка» (Б. Сушки)... В некоторых селениях на спинку жаворонка сажают его детеньшей, вылепленных из того же теста (с. Варварёнки б. Перемышльского уезда, д. Зеленино Лихвинского уезда). Чтобы изукрасить птичек, делают на них узор из дырочек — «норочек» гребенкой, которой мычут пряжу, «распишут гребешком, ключом, дудочкой или наперстком». В семье пекут по одному, по два жаворонка на каждого ребенка. В селениях б. Лихвинского уезда печенье это известно под названием «чувильки».

2. Жаворонки пекут для людей, шары и шарички для скота. Лошадям по одному крупному каждой, коровам меньше по одному тож; свиньям по несколько на каждую, овцам по две на каждую — смотря по тому, сколько должны приносить детеньшей, столько и дают шаров.

29. Закливание весны.

1. В деревне Большие Козлы 9 марта 1927 года часов в 11 утра ребята — мальчики и девочки от 8 до 12 лет — пошли с печеными жаворонками на край деревни во фруктовый сад, принадлежащий одному из крестьян... В этом селении обычно кличут группами в разных концах деревни — «табунятся артелями», по выражению местных старух. «Артель», которую я наблюдала, состояла из 18 детей. Хотя еще всюду лежал снег, но было светло и солнечно, журчали ручьи, скворцы, поселившиеся на деревне, свистали, и звенели золотые «червонные» овсянки.

Дети вошли в сад и по глубокому снегу подошли к плетню, на который и посадили свои «чувильки». Затем они нараспев стали кликать:

Жаворонки, жаворонки,

Дайте нам лето,

А мы вам зиму,

У нас корму нету!

Жаворонки,

Прилягайте к нам,

Тут кисели талкуть,

тут блины пекуть.

Жаворонки, жаворонки,

Катитесь калесом,

Ваши дети за лесом,

Связаны поясом.

Чу-виль-виль,

Весна пришла

На калясочках,

Зима ушла

На саначках.

Мужики, мужики,

Точите шошнички,

Скоро пашенькю пахать!

Наивное кликанье звучало в весеннем воздухе. Каждую отдельную формулу ребята нараспев повторяли по нескольку раз, затем делали маленькую паузу и переходили к новой песенке. Кончив кликанье, они поиграли со своими жаворонками и съели их тут же в саду.

2. На Сороки 1928 г. в деревне Б. Сушки б. Лихвинского уезда обряд, который здесь называется «весну кликать», «птичек кликать», совершен был часов в 10 утра. Одной большой группой (в 36 человек) дети вышли с жаворонками из деревни, прошли в примыкающий к селению Белёвский лес, куда и в старину ходили кликать, и остановились в лощинке, где протекает ручей... Посадив птичек на кусты, ребята начали кликать:

Со-ро-ки свя-тыи,

Жаворон-ки сля-пыи,

На Со-ро-ки печоны,

Са-ло-мой астрочоны.

Эти слова произносились медленно, речитативом; затем, после паузы — значительно быстрее:

Мужики Сушевики,

Тачите сашники,

Скора паха-ать паедим!

30. Заклички.

1. Жаваронки, жаваронки,
Прилятайте к нам,
Принасите нам
Вясну красну,

Красну солнышку,
Теплу гнёздышку.
Жаваронок, жаворонок,
Вот твой брат;
Ляти высокенька,
Пой хорашенька;
Вясна красна,
На чем пришла?
На сошечке,
На бароначке,
На авсяном снопу,
На аржаном колосу.

2. Чивиль, чивиль, жаворонок,
Вот твой дитёнок!
Дай нам лето!
Нам зима надаела,
Весь хлеб паела,
Кудельки отпряла,
Веретёнца паламала.
Весна красна,
На чем пришла?
На хамутику,
На кнутику,
На сошке, на баронке
На худой лошадёнке.
На авсяном снопу.

3. Пришла вясна красна
С сахарой, с бараной
И с кабылой вараной,
С железным сярпочкам,
С авсяным снапочкам.

4. Жив жаворонок
По полю летает,
Зернышки собирает,
Весну закликает.

31. Катание на качелях

Одним из весенних деревенских развлечений является катанье на качелях. В то время как обычно в калужской деревне качели устанавливали на Пасху, и постом это удовольствие почитается за грех; однако в некоторых селениях Калужского края качели вешают уже на Сороки, словно для того, чтобы поторопить приход весны: качели готовы — весна должна вернуться. Так, в деревне Коськово Сильковической волости б. Спас-Деминского уезда за два дня до Сороков девицы собираются в избе у одной из подруг и вяют толстую веревку для качелей, которые тогда вешают в сарае. 9 марта девицы с жаворонками отправляются в сарай качаться, шесть девушек садятся на доску, а две «расколыхивают» их. Качаются с Сороков до Вербного воскресенья, в этот день качели снимаются.

32. Благовещение

1. На Благовещенье, 25 марта, никаких работ не производится. Даже в этот день птица не вьет себе гнезда.
2. На Благовещенье птица гнезда не завивает. Ворон начал закладывать гнездо, да на конском волосе удавился.

33. Выкликание проса.

В день Благовещенья Пресвятой Богородицы крестьяне наши величают и приветствуют появление весны

или, как они выражаются, «выкликают весну» или «выкликают просу». Это делается следующим образом: крестьяне всего селения разделяются на две части, одна из которых становится на одной стороне реки или деревни, а другая на противоположной. На одной стороне начинают петь известную песню...

— Мы пашню пахали.

На другом продолжают:

— Мы просу сеяли, сеяли.

На первом:

— Мы просу выгопчем, выгопчем,

На втором:

— А чем же вы выгопчите, выгопчите?

Тут одна из крестьянок первой толпы переходит в другую, взяв обещанную в виде выкупа девушку, переводит ее на свою сторону. Отдавшая девушку начинает петь:

— Мы пашню пахали, пахали и пр.

Эта песня повторяется до тех пор, пока не наскучит крестьянкам.

34. Закливание весны на Благовещение

На юго-западе Мосальского уезда в селе Петроселье и окрестностях издавна существует следующий обычай: вечером накануне Вербного воскресенья и Благовещенья на берегу реки, протекающей в деревне, раскладывают огонь, вокруг него собираются женщины и девицы, берут друг друга за руки и составляют круг так, чтобы огонь был в середине. Они водят вокруг костра хоровод и поют заумным напевом песни...

Весна! Что ты нам принясла?

Принясла я вам три угоды:

Первое угодыюшка — живатинушка в поле,

Другое угодыюшка — с сошкой в поле,

Третье угодые — пчёлки на налёте —
Да ишшо угодыца — миру на здоровьица.

35. Игра в «круглые горелки»

Игра на Благовещенье и на Пасху — «круглые горелки» — представляет из себя следующее: девушки и парни становятся в круг парами, причем в одном месте стоит «тройка». Девушка, находящаяся вне круга, водит, она должна бежать кругом, догнать тройку и «секануть» третью хворостиной. Третья перебегает к соседней паре, оттуда одна девушка должна в свою очередь перебежать в следующую пару. Та, которая водит, старается застать на месте «тройку», и тот, кого она секанёт, начинает водить. Обратно и через круг бегать не дозволяется.

36. Вербное воскресенье

В Вербное воскресенье (Вход Господний в Иерусалим) вечером не зажигают огня, чтобы не было захвата в пшенице (жженные черные колосья на корне. Происходят, по объяснению крестьянина, от сильной молнии).

37. Кликанье зверей

Овсяный кисель варят в Чистый четверг, кличут с ним Мороз: «Мороз, Мороз, не бей наш овес» (Перемышльский уезд). С киселем на овин ходят ребята «зверей кликать». В Чистый четверг они забирают в овин блюдо с овсяным киселем, садятся там на соломе и начинают созывать всех зверей: «Волки, медведи, лисицы, куницы, зайцы, горностаицы, идите к нам кисель есть!». Какой-нибудь парень надевает вывороченную шубу и приползает в овин на четвереньках, изображая медведя и пугая детей. Кисель дети съедают в овине после кликанья.

38. Четверговая соль

В ночь со среды на четверг Страстной недели кладут поваренную соль в печку, и потом, если этой солью вспрыскивать больного, то он выздоравливает.

39. Четверговое сало

Если в четверг Страстной недели до восхода солнца режут свинью, то сало от нее никогда не портится — им натирают больных.

40. Посещение могил

В ночь на Пасху сразу после обедни идут «со свечьми» на погост, несут «паски» (т.е. куличи), крашеные яйца и сырое сало, часть этих кушаний оставляется на могилах, остальное несут домой и разговляются.

41. Пасхальный хлеб

В Светлое Воскресенье, самую середину крестика сверху кулича срезают и прячут до посева. Во время посева завязывают «дарычку» (частица пасхи или просфоры) в конец полотенца; на этом полотенце носят «севалку» (корзину, из которой сеют семена) во время сеянья.

42. Пасха

Во время Пасхи, когда священник посещает с иконами крестьян своего прихода, хозяин каждого дома, держа хлеб-соль, принимает иконы в дверь, отделяющую теплое жилье от холодного. По пропетии известных тропарей выходят с образами на двор, где, окропляя святой водой всякое строение, выносят иконы за ворота дома. Здесь встречает хозяйка, держа на чистом полотенце пирог, который и отдает священнику, а самое полотенце бросает

на застреху (нижняя часть крыши) дома. У крестьян есть примета: если полотенце, брошенное на застреху, не скатится на землю, то ожидают обильного урожая льну.

43. Егорьев день

23 апреля. Георгия Победоносца (Ягорий). Весь домашний скот, исключая свиней, выгоняют «на рысу» до зари с вербою, со свечой, с которою стояли в Вербное воскресенье в утрени или обходили вокруг храма в Светлое Христово Воскресенье с крестным ходом, и с иконою Георгия Победоносца. Скот гонят «на зилинь» (на озимь), пасут его до тех пор, пока роса спадет. Вербу втыкают на своих загонах, а свечу прячут к следующему разу.

Во время выгона скота на росу, колдуньи отнимают молоко у коров, бывает это так: а) колдунья кладет две палочки на дороге крестообразно, и какая корова пройдет через эти палочки, будет давать молока меньше обыкновенного: оно уйдет к колдунье; б) колдунья берет, прежде нежели коровы напьются, в реке воду, и какая корова напьется в этом месте, будет давать молока меньше: оно уйдет к колдунье; в) колдунья впереди коров собирает росу, и коровы, которые будут есть траву, с которой снята роса, дадут молока меньше: оно уйдет к колдунье.

Одна крестьянка по секрету уверяла, что ее соседка в этот день брала воду на реке, когда можно было взять ее в колодце ближе. Она же видела, как та клала палочки на дорогу и потом унесла их домой (крестьянку эту считают колдуньей).

Один крестьянин вывел лошадей «на расу». Пустил их, связал обрати и ходит себе вокруг лошадей. Вдруг, смотрит кума его собирает росу в подойник. Он тихонько, незамеченный ею, почти рядом с ней идет и собирает росу на обрати, а сам приговаривает: «Што куме, то и

мне». Принес обрати домой, повесил их. Пришла пора коров доить, с обратей молоко и потекло. Тогда-то крестьянин догадался, зачем нужна была роса куме.

Меж крестьянками постоянно питается ненависть к какой-нибудь бабе, которая много масла продает, а молока бывает для семейства вволю. Многие крестьяне, боясь, что отнимут молоко у коров, не выгоняют их рано, а когда солнце хорошо обогреет землю.

Летние обряды и поэзия

Летние обряды наиболее многочисленны и разнообразны. Наиболее значимые из них отмечены народным календарем. Это — Вознесение (40 день после Пасхи), Русальная неделя (седьмая неделя после Пасхи), Троица (50 день после Пасхи), Иван Купала (24 июня), Петровки (29 июня — ап. Петра и Павла), Ильин день (20 июля). Эти обряды приходятся на период цветения, поспевания злаков, плодов и овощей. Основное назначение обрядов и обычаев — способствовать хорошему урожаю, отсюда такие ярко выраженные магические действия, как подбрасывание ложек, «похороны кукушки», поклонение березе и пр. Июнь — июль — время молодежных гуляний. Хороводные, игровые, лирические песни о любви придают крестьянским праздникам особую поэтическую наполненность. Русальная неделя называлась Летними святками, и, как в Святки зимние, в это время гадали о будущем. Обычай на Петров день «не спать и караулить солнце» еще и сегодня помнят в калужских деревнях. Ильин день — первое оповещение о конце лета, закрывает летнюю обрядность.

44. Чтобы рожь росла

В Тарусском уезде Калужской губернии Вознесение называют 'миком. В этот день молодежь (преимущественно женского пола) гурьбой отправляется в поле со съестными припасами и там во ржи изготовляет себе яичницу и когда ее съедят, бросают вверх ложки, приговаривая: «Как высоко ложка летает, так бы высоко рожь росла».

45. Крещение кукушки

В селениях, пограничных Козельскому уезду, есть обыкновение избирать себе родственников по духу. Это делается в день Вознесения Господня. Крестьянки всего селения собираются в лес, как они выражаются, крестить кукушку. Избрав из среды своей восприемницами двух девушек или двух молодых женщин, отыскивают траву, называемую «кукуша» или «кукушка». Трава эта растет, большей частью, по берегам, и иногда в лесах. Она имеет раздвоенный корень — один белый, а другой черный, лист ее усеян желтыми пятнышками, белый корень изображает собою мужа, а черный — жену. Вырывши эту траву из земли с корнем, на нее надевают заблаговременно приготовленную рубашку и, положив ее на землю, ставят на нее крестообразно две дуги, и накрыв их платками, вешают на них с двух сторон кресты, при чем поют:

Кумушки, голубушки!

Кумитися, любитися,

Любитися, даритися.

В других же местах поют:

Ты кукушка ряба!

Ты кому же кума?

Покумимся, кумушки,

Чтоб нам не браниться.

Поцеловавшись из-под дуги, крестившиеся меняются крестами и считаются между собою в родственном отношении: они величают друг друга кумами.

По окончании крестин веселятся и поют устюжные (протяжные) песни. Вот некоторые из них:

Девка сено косила,

Сама Бога просила:

О дай же мне, Боже,

Сошли же мне, Боже,
Да сильного дождю.
Чтоб росы не сушило,
Косы не тупило.
Красная девушка слезно плачет,
Во слезах следу не видит,
Во взрыданьи слова не промолвит.
Хорошо тому на свете жить,
В кого есть отец и мать,—
Во мне, красной девушки,
Нет ни отца, ни матери
Только есть лиха мачиха,
Посылает меня постелю слать
Про двух швецов, про двух мастеров.
Я с увечера постелюшку слала,
Ко белу свету домой пришла,
Буйная головушка растрепаная,
Русая коса расплетеная.
Хорошо вам жить, сестрицы,
Со отцами, с матерями,
Во мне, красной девушки,
Злая, злая мачеха.
Злая, злая мачеха положила худу славушку:
Никто замуж не берет.
Девушки ответили:
— Не плачь, не плачь, Палагеюшка!
Приищется жених, не хуже других.
Девушка-девка деревенская!
Что стоишь в чужих ворот,
В чужих ворот, во суседовых?
Чего, красная, кого дожидаясь?
— Я того стою, того дожидаясь,
Не пройдет ли мой милый, не проедет ли,

Не взглянет ли мой милый на мое окно,
Не спотешится ли мое сердечушко,
Не скажет ли какого словечушка.

Долина-долинушка, долина широкая!
Ничего на тебе, долинушка, ничего не родится
Ни грибов, ни ягод, ни черной смородины;
Зародилась на долинушке рощица зеленая,
Тонкая, высокая, листиком широкая.
За этой за рощицей зоренька занимается.
Светит-греет солнышко зимой не по-летнему,
Любил парень девушку, любил не по-прежнему.
Он не только любил, как обманывал,
За себя замуж девушку подговаривал:
Ты пойди, пойди, красная девушка,
За доброго молодца, за горькаго пьяницу,
За горькаго пьяницу, непропойницу.
Думаю, подумаю я, красная девица,
Кого мне любить, любить будети?
Полюбить ли мне молодчика?
Молодчик скоро женится,
И любовь моя переменится;
Он с другою венчается,
Моя вся любовь кончается.
Ай уж мне полюбить солдата?
Солдат, боюсь, в поход пойдет,
Меня, девку, за собой возьмет.
Делать девке нечего,
Любить стало некого,
Видно, мне идти за пьяницу,
За пьяницу, непропойницу.

Отправляясь домой, берут с собою корень и держат в доме для счастья. Утверждают, что в случае несогласия между супругами, эта трава оказывает благотворное действие.

Так, если муж не любит жены своей, то эту последнюю должно напоить настоем кукушки, от чего супруги по-прежнему будут любить друг друга.

46. Крещение и похороны кукушки

В некоторых уездах Калужской губ. до сих пор сохранился старинный обряд: «крестины и похороны кукушки». Значение этого обряда во всей его полноте забыто; песни, его сопровождающие, неустойчивы и переменны, и совершение его приближается к занимательной игре. Один лишь акт этого обряда — заключение кумовства между лицами, совершающими обряд, — придает ему более серьезное значение и отличает его от игровой забавы. В названном обряде принимают участие исключительно женщины и преимущественно девушки. Замужние, имеющие детей или проживающие в браке более года, обыкновенно не «крестят кукушку». В деревнях, где нет девушек, обряд не совершается. Время совершения крестин и похорон кукушки — Вознесение. В этот праздник девушки (и молодки) отправляются вырывать траву «кукушкины слезки» на месте, уже заранее отмеченном. Корень этой раздвоенный, короткий, утолщенный, каждое утолщение имеет коротенькие отростки, эти утолщения телесного цвета. Вырвав траву с корнем, ее переламывают, верхушку бросают, корень очищают от земли, одно утолщение отламывают, а другое оставляют, и короткий стебель с корнем одевают, как куклу, приняв корень за голову. Надевают рубашку, сарафан, пояс; голову покрывают платком, фартука не надевают, так как эта фигура должна означать покойницу, а в фартуках не хоронят. На фигурку вешают маленький крестик. Когда кукла «кукушка» наряжена, то ее ставят на землю под березку, свивают дугою над ней ветки; и те, которые желают покумиться, вешают

на сплетенные ветки свои кресты и целуются в дуге веток над «кукушкой», говоря: «ты кума, я кума». Затем, когда все желающие заключить между собой кумовство, поцеловавшись и обменявшись крестами, «кукушку» укладывают в гроб — маленькую коробку из-под мыла, конфет и т.д. На дно гроба-коробки кладут сено, покрыв его белым лоскутом, маленькую сенную подушку в изголовье, на такое ложе кладется «кукушка», покрывается белым лоскутом и закрывается крышкой (иногда более заботливые девушки делают деревянный гробик). Одна или две девушки берут коробку-гроб и идут зарывать ее в землю так, чтобы никто не знал, где это место. Оставшиеся начинают раскладывать огонь и жарить яичницу. Срыванье травы, одевание «кукушки», укладывание ее в гроб, приготовление яичницы сопровождается пением разнообразных песен, между ними постоянно поется следующая, хотя к обряду она по смыслу не имеет отношения:

Соловей с кукушечкой все стоваривался:

Не летай, кукушечка, во мой зелен сад.

Во моем садочку молодец гуляет.

Ходил гулял молодец не очень веселый.

Чего же мне, матушка, веселым быть?

Журил, бранил батюшка, не знаю за что,

Хочет, хочет батюшка в солдаты отдать.

А мне, моя матушка, не хочется.

Хотелось мне молоду, годок погулять,

Годок, годок погулять, в Москве побывать.

В Москве, Москве побывать, солдат повидать.

Солдагушки, батюшки, все строго стоят,

Все строго стоят, по ружью держат.

По ружью учатся, слёзы котятся.

Домой, домой хочется, к отцу с матерью,

К жене молодой, малым детушкам,

Малым детушкам, к красным девушкам.

Парни и мальчики, не вмешиваясь в толпу девушек, следят за ними из-за кустов, и когда начинается приготовление яичницы, они выскакивают и стараются опрокинуть посуду, — все это сопровождается смехом, шутливой перебранкой и совместным пением. С Вознесенья до Духова дня «кукушка» лежит в земле. В Духов день ее отрывают, наряд и гроб оставляют до будущего года, а иссохшую траву кладут на ветку березы. Когда отрывают кукушку, поют между другими песнями (они не установлены и меняются по желанию поющих) следующую:

Развеселая беседушка, где батюшка пьет.

Он пить не пьет, за мной молодой шлет.

А я млада младешенька замешкалась.

Я за мелкой пташкой за журушкой.

Журушка по травушке похаживает,

Ковыль траву все шелковую пощипливает,

С холодной водицей все прихлебывает.

Все за речкой, все за быстрою крутая гора.

Как на той-то на горе четыре двора.

Как во тех-то дворах, во двориках четыре кумы.

Уж вы кумушки, голубушки, подружки мои,

Кумитесь, любитесь, любите меня.

Вы пойдете в зеленый сад, возьмите меня.

Вы будете цветочки рвать, сорвите и мне.

Вы будете веночки плести, сплетите и мне.

Вы пойдете на Дунай речку, возьмите меня.

Вы будете веночки пускать, пустите и мой.

Все веночки посверх воды, а мой потонул.

Все мужья домой пришли, а мой не пришел.

Оставив кукушку на березе, девушки начинают плести венки и бросают их в реку. Точных сведений о значении этого бросания получить не удалось. Одни загадывали, не укажет ли веночек, когда выходить замуж, будет ли благополучие и т.д., каждая толковала положение венков по-своему.

Кумовство оканчивается на Духов день, но иногда девушки целый год зовут покумившуюся подругу кумой. Маленькие девочки старательно, подражая взрослым, также совершают описанный обряд очень точно, насмотревшись у старших, как разыскать и одеть травку. Объяснить значение обряда «крестин и похорон кукушки» не могли ни молодые, ни старые женщины. Указывая на то, что обычай этот очень давний, они, главным образом, отмечали кумовство, заключаемое через кукушку, никакой таинственности в обряде они не полагали и корню травы «кукушкины слезки» волшебного значения не придавали. Ввиду того, что описанный обряд все реже и реже встречается, последние фазы его интересны и, быть может, запись их окажется полезной для исследователей русской обрядности.

В деревне Мужитино, Жиздринского уезда, кукушку крестят на Вознесенье: сажают ее на березку, водят хоро-вод и поют:

Кума с кумой покумимся,

Чтобы нам весь год не браниться.

Побранимся, грешны будем,

Какушечке тошно станет.

В самой Жиздре, по рассказам 76-летней старухи, в старину тоже крестили кукушку: сажали рябенькую травку-кукушку, одевали ее как девочку, сажали на березку, целовались под березкой и кумились. Потом гробок зарывали в бору.

47. О русалках.

1. Шестая неделя после Пасхи, т.е. неделя перед Сошествием св. Духа, известна под именем Русальской. По преданию, она получила такое название от того, что русалки посвящают ее своим забавам и увеселениям. В это время они празднуют свои свадьбы, качаются на деревь-

их, плавают, кружатся и поют песни. Только исключительно в продолжение этой недели русалки бывают видимы для нас, человекoв. В это-то время они стараются заманить в свои сети парней, с которыми потом и любезничают в полдень и полночь. Во всю Русальскую неделю вы не увидите в лесу и на берегу реки ни одного мужика, ни одной бабы и ни девки: первые не выходят туда из опасений быть очарованными, а последние из опасения лишиться жизни.

2. Ходит в народе представление о русалках, по которому они являются духами некрещенных младенцев. Согласно этому поверию, в последний день Семицкой недели, в так называемую Клечальную субботу, русалки бегают по полям, бьют в ладоши и распевают: «Бух! Бух! Соломенный дух! Меня мати породила, некрещену положила».

48. Завивание венков на Троицу.

Празднование Троицына дня в Гамаюнщине связано было в прежние времена с обмениванием медными и оловянными кольцами и с завиванием венков. На Троицын день девицы шли в рощу березки завивать. Они сгибали деревца друг к другу, сплетая у них ветви и образуя как бы зеленый шалашик; в нем делали несколько отверстий — «окошечек»; под зеленую кровельку пролезала вереница девушек с песней:

Ты завейся,
Закружися
От русалок
От полденных,
Полуношных.
Уж вы, кумушки,
Голубушки,

Покумитесь,

Поменяйтесь!

Когда начинали петь: «Уж вы, кумушки, голубушки», то девицы становились друг против друга у «окошечек» и менялись кольцами. На заговены, т.е. в воскресенье через неделю после Троицына дня девушки опять шли в рощу развивать березку с песней:

Ты развейся,

Раскружися

От русалок и т.д.

и вновь менялись кольцами.

Смысл этого обряда забыт.

В Троицын день после завивания березок девицы и молодые женщины делали из березовых ветвей венки и шли к реке, где бросали венки в воду и загадывали, при этом пелась песня:

Все венки да поверх воды,

А мой потонул.

Все мужья из Москвы пришли,

А мой не идет,

Ни писем не шлет,

Ни сам не идет,

Знать он запропал.

49. Освящение плодов и овощей.

В Троицын день освещается овощ и ягоды. С растений, какие только есть в огороде: лук, картофель, подсолнечник, крыжовник, смородина, вишня, яблоня и др., берут листья и веточки и, прибавляя к ним луговых цветов и веточек деревьев, несут в церковь. Идя в церковь мимо пруда, бросают некоторые крестьянки венки (букеты из трав, веточек и цветов) в воду и, если веночек долго плавает, значит тот, кому принадлежал веночек, проживет дол-

го, и обратно, если венок потонет, значит — умрет.

50. Величание ржи.

Ржица, матушка, колосилася,
Во ржи свинушка поросилася.
Семьдесят поросят, да все свиночки,
Все свиночки да все пестренькия,
Хвостики у них востренькие.

51. Троицкие песни.

В Троицын день завивают венки и поют песни:

1. Сорву цветок,
Совью венок,
Пойду в танок
Искать дружка.
Свалился венок,
Свалился венок
Против девушки.
«Девушка, подай,
Раскрасавица, подай!»
— «Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя!»
Сорву цветок,
Совью венок,
Пойду в танок
Искать дружка.
Свалился венок,
Свалился венок
Против вдовушки.
«Вдовушка, подай,
Раскрасавица, подай».

— «Я не слуга, сударь, твоя,
Я послушаю тебя».

2. Расти, расти, хмелюшко,
Через тын на улицу,
Через тын на улицу,
Во зеленый сад.
Во зеленом садику
Долина широкая,
Долина широкая,
Приволье хорошее.
По той по долинушке
Гуляет детинушка.
Увидела матушка
С высокога терему,
Из окна касатчата.
— «Щож ты, мое дитятко,
Гуляешь не весело,
Гуляешь не радостно?»
— «Как же мне, матушка,
С чаго мне веселу быть.
Все мои товарищи
Давно пожанилися,
А я в тае, матушка,
Холост, не женат хожу».
— «Поди, мое дитятко,
Сам выйди на улицу,
Сам выйди на улицу,
Зайди в карагод к девкам.
Ты выбери, дитятко,
Самую наилучшую,
Самую наилучшую,
Купеческу дочерю».
— «Купеческа дочеря

- В поле не работница,
В поле не работница,
В доме не хозяйка.
Мне доброму молодцу
Она не находка.
3. Я по полю ходила
Лели, лели! ходила
(этот припев повторяется после каждого стиха
с повторением последнего слова).
Я пашеньку пахала.
Я белый лен сеяла.
Посеявши, полола.
Белы ручки колола.
Как во этот во ленок
Повадился паренек,
Иванушка щеголёк,
Все головки посорвал,
Веночки завивал,
В Дунай-реку побросал.
Дунай-реку запрудил.
— «Ты, девушка, хороша,
Красавица, пригожа,
Поди замуж за меня!»
— Я слышала, мальчик, про тебя,
Что ты, мальчик, мотоват,
Часто ходишь во кабак,
Зелено вино ты пьешь.
4. Вы леса ль мои, леса темные,
Ай люли, люли, о лиле, лиле!
(Припев повторяется после каждого стиха)
Перелесочки мои частыи!
Мне по вас, леса, леса, — мне пройтись нельзя.

Я селами, я веселами,
 Я деревнями игрливыми.
 За селом, селом, за Маковицами
 Высходил-сходил светёл месяц,
 Светёл месяц — Алексей господин,
 А за месяцем тут часты звезды,
 А за звездами белая зорюшка,
 Белая зорюшка — Авдотьюшка.
 А за зорюшкой красное солнушко,
 Красное солнушко — Полагёюшка.

52. Иван Купала

1. *С кладах.* 24 июня. Иван Купала. Ночью с 23 на 24 надо всеми кладами, которые пролежали время, назначенное теми, кто клал, горят свечи иногда всю ночь ярко, а то гаснет, то снова загорается.

Цветет папоротник над кладами.

2. *Ивановская роса.* 24 июня утром собирают Ивановскую росу, умываются ею и берегут как лекарство от болезней. Собирают травы и вяжут пучками, просушивают, а зимою употребляют от кашля и других болезней, заваривая вместо чая преимущественно «ягыдьник» (веточки земляники, мяту садовую, «багародицкую траву» и некоторые другие).

53. Петров день.

1. *Солнце в Петров день.* 29 июня. Ап. Петра и Павла (Пятров день). При восходе солнце играет, т.е. заметны бывают все цвета солнечного спектра.

2. *Обычай «сторожить солнце».* Под Петров день бабы и ребята ходят по садам чужим, рвут яблоки, крыжовник и кушают. Выкатывают на дорогу лес. У кого есть борона,

вынесут на дорогу. Двумя боронами и длинным бревном — «должиком» стараются перегородить дорогу.

3. *Петровская песня.* Под Петров день поется песня:

Петровская кила

Па зорим хадила,

Усих пабудила,

Ахрасинью забыла.

По двору хадила,

Ашмётки сбирала,

Храсинью бувала.

Храсинья уснула,

Пра всё ина забыла.

А девушки ходють,

Песни поють,

И Храсинью величают,

И килу Храсиньи причипляють...

Эту песню поют тому, кто не принимает участия во встрече солнца под Петров день; тому поют песню, стучат в окно и привешивают на крыльцо лошадиную голову.

54. Ильин день.

1. 20 июля. После «Ильи» (Ильина дня) купаться считают опасным, потому что можно простудиться скорее, нежели когда-либо еще.

2. На Ильин день ходят в поле смотреть льны, горохи.

55. Жнивный обряд.

1. *Первый сноп.* Когда наступит время жатвы, то одна из старух (вдова или замужняя), которая известна крестьянам по легкости руки своей, отправляется ночью в поле

и нажинает один сноп; потом, связав его, кладет и ставит на землю до трех раз, молясь Великой Параскеве, нарицаемой Пятницей, о том, чтобы она помогла рабам Божиим (здесь называют женщин почти всей деревни) без скорби и болезни окончить жатву, и чтобы была им заступницей от злонамеренных людей. По произнесении молитвы, взяв сноп свой, старуха старается дойти до двора никем не замеченною. Встреча с каким бы то ни было человеком считается за величайшее несчастье, и если кто во время жатвы сделается болен, то вся вина болезни его приписывается встретившемуся.

Во время жатвы и сенокосов крестьяне наши отыскивают траву, известную под именем заячьего цвета, или заячьей капусты, которую кладут за спину под рубашку для того, чтобы не чувствовать усталости и боли в пояснице.

2. *Первый сноп в семье молодоженов.* В семье молодоженов, когда зажинают, молодая бросает на первый сноп свекрови холстины, а свекровь одаривает ее ситцем на шубку.

ПРИМЕЧАНИЯ

Календарь основных крестьянских праздников

(по ст. стилю)

- Святки зимние — 25 декабря — 6 января
- Святые вечера — 25 декабря — 1 января
- Страшные вечера — 1 января — 6 января
- Рождество — 25 декабря
- Васильев день (Новый год) — 1 января
- Крещение — 6 января
- Масленица — восьмая неделя до Пасхи
- Прощеное воскресенье — воскресенье, последний день масленицы
- Авдотья (Евдокия) — 1 марта

- Сороки — 9 марта
Благовещение — 25 марта
Егорьев день — 23 апреля
Пасха — воскресный день Пасхальной недели (обычно с 22 марта по 25 апреля)
Красная горка — последний день Пасхи
Фомина неделя — первая неделя после Пасхи
Радуница — первый вторник после Пасхи
Вознесение — сороковой день после Пасхи
Святки летние (русальная или семицкая неделя) — седьмая неделя после Пасхи
Семик — четверг на русальной неделе
Троица — воскресенье, в пятидесятый день после Пасхи
Духов день — пятьдесят первый день после Пасхи
Иванов день (Иван Купала) — 24 июня
Петров день — 29 июня
Ильин день — 20 июля
Покров — 1 октября

Святки

1. Колядование. — Чернышев. №157, с.135.
Записал А.Косогоров в д. Калужкино Мещовского уезда.
2. Святочные поверия. — Там же, с. 135, 136.
3. Бабы каши. — Там же, с.136.
4. Игра в жмурки и лапту. — Там же, с.136.
5. Ряженье. — Там же, с.136.
Подробно о ряженье см. в разделе «Масленица».
6. Загадывание загадок. — Ляметри II, кн. 7/8, с. 42 -43.
Загадывание загадок на святки соответствует характеру самого жанра «загадок», по форме перекликающихся с подблюдными песнями — теми же загадками, но имеющими пророческий смысл, который был известен всем, принимающим участие в гадании.
7. Подблюдные гадания. — Чернышев. №157, с.131.
Записал А.Косогоров в д.Калужкино Мещовского у.
8. Описание обряда «подблюдных гаданий» и последующего

гадания на сон дается с использованием атрибутов этого обряда — углей, овса и хлеба.

8. Подблюдные песни. В Калужской губ. называются «загатки». —

1-8. — Там же, с. 131-132.

Подблюдные песни даны не сплошным текстом, как в оригинале — сб. Чернышева, а стихотворными строчками.

9-18.— Ляметри II, кн. 7/8, с. 43-44. Записаны П.Ляметри в Мещовском уезде.

19-23.— Шейн I, №№1141-1145.

Записал А.Марков в Тарусском уезде.

22,23 — в текстах отгадки не приводятся собирателем.

9. Гадание под Новый год в Козельском уезде. — Елеонская I.

Записала Е.Елеонская от крестьянки Степаниды Ивановны Королевой, 54 лет из д. Маслово Козельского уезда летом 1909 г.

Несмотря на повтор некоторых из подблюдных песен, материалы даются без сокращения, поскольку они характеризуют репертуар одного исполнителя. В авторский текст внесены незначительные сокращения в разгадках подблюдных песен: вместо «Эта песня означает: плохое житье» дано — (плохое житье) и др.

10. Новогодние и святочные гадания. 1-4.— Ляметри II, кн. 7/8, с. 42.

Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

5-17.— Глухарев, с. 20-23.

Записал Н.П.Глухарев в г. Боровске и его уезде.

11. Новый год. — Чернышев, №157, с.136.

Василий Кесарийский считается покровителем свиней. На Новый год принято было есть поросенка.

12. Крещение.

1.— Глухарев, с.4.

Записал Н.П.Глухарев в г. Боровске.

2.— Чернышев, №157, с.136.

Записал А.Косоголов в д. Калужкино Мещовского уезда.

Масленица

13. Масленичные блины. — Шереметева III, с. 104, 105.

Блины представляют традиционное поминальное блюдо. Блины на масленицу указывают на архаическую основу масленичных обрядов, связанных с культом умерших.

14. Встреча масленицы:

1. — Шереметева III, с. 104.

Записано М.Е.Шереметевой в 1929 г. со слов Василисы Яковлевны Пафнучевой, 90 лет, в д. Б. Сушки Калужского района.

Бытование этого обряда, видимо, относится к 1860-1870 гг.

2. — Шереметева III, с. 114.

Записано М.Е.Шереметевой в 1929 г. в д. Цвеленово Калужского района.

В период гуляний Масленицу называли «широкая», когда же прощались с ней — «кургузая» и др. Собиратель отмечает, что в 1920-х гг. на масленичных гуляниях исполнялись также песни, не относящиеся к этому обряду — лирические, хоро-водные (например, «О постылом муже»).

15. Масленичная кукла. — Шереметева III, с. 108.

Описание наряжения куклы записано М.Е.Шереметевой в 1929 г. в д. Колупаново Калужского района от Матрены Ивановны Фоминой.

16. Катание Масленицы. — Шереметева III, с. 107.

17. Прощание с Масленицей. — Шереметева III, с. 118, 120.

Записано М.Е.Шереметевой в 1929 г. в д. Горки от Пелагеи Александровны Юдиной, 18 лет; в д. Квань Калужского района от Аксины Афанасьевны Морозовой, 34 лет.

Шереметева среди масленичных песен приводит и «новые», явно сочиненные самими исполнительницами, как например, «Прошла масляна, кончилось гулянье, идем теперь на отдыханье». «Ты уйдешь, нам будет грусыка» (грустно). Пояснение одной из участниц гуляния: «То ели жареное, пареное, а то (постом) будем есть хрен да редьку, да белую капусту — вот отчего груско» (д. Животинкино).

18. Катание на салазках. — Шереметева III, с. 113.

«Круглая масленица», — отмечает Шереметева, «устраивается и теперь», т.е. в 1920-х гг., в д. Горенское Калужского района, д. Горки Перемышльского района.

19. Катание с гор на донцах. — Шереметева III, с. 113.

Записано в д. Старая деревня, вблизи р. Угры.

Обычай, который носит ярко выраженный магический характер. («донце» — приспособление для прядения).

20. Катание с ткацким станом. — Шереметева III, с. 113.

Записано в Старой деревне, вблизи р. Угры.

В обычае можно усмотреть отголоски почитания богини Мокошь, покровительницы тканья. Шереметева приводит и бытовое объяснение: «Тут после масляной берут с потолка стан и ставят в избе и начинают ткать — со среды или четверга на первой неделе поста».

21. Похороны Масленицы. — Шейн I, № 1173.

1.— Записала М.А.Баскакова в 1880 (?) гг. в д. Песочна Калужского уезда.

«К сожалению, — пишет Шейн, — г-жа Баскакова не нашла нужным сообщить эти (масленичные) песни, как и самый способ погребения масленицы».

2.— Шереметева III, с. 118.

Этот обряд, как отмечает М.Шереметева, проводился до 1929 г. (образования колхозов) в дд. Гулеве, Беляеве б. Богдановской вол. Лихвинского у. Запись Шереметевой, почти повторяющая описание Баскаковой, тем самым подтверждает широкое и активное бытование этого обряда в Калужской губ.

22. Проводы Масленицы в Калуге. — Шереметева III, с. 108.

Сообщила Шереметевой по воспоминаниям отца Мария Васильевна Сахарова в Калуге в 1930 г. Описываемое гулянье относится к 1870-1880-м гг.

23. Сжигание Масленицы. — Глухарев, с.5.

Записал Н.П.Глухарев в Боровском уезде.

Замена соломенного чучела бороной и вязкой соломы — подтверждение земледельческой сущности этого обряда, призванного воздействовать на будущий урожай.

24. Песня при прощании с Масленицей. — Ляметри II, кн. 7/8, с.44.

Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

Эта песня не является масленичной, а лишь приурочена к обряду, основание этому, видимо, дает мотив «посещения отца». Посещение новобрачными родных жены составляло часть масленичных обычаев.

25. Ряженье на масленицу.

Ряженье на масленицу аналогично святочному, но (по калужским материалам) характеризуется большей игровой наполненностью, общественным размахом, многообразием масок — «медведя», «кобылы», «козы», «старика и старухи», «молодых». Обращают на себя внимание различные способы изготовления «кабылы» (соломенный сноп, покрытый «веретьем», шубой, оплеткой из лыка). Игры ряженных — представления, которые они разыгрывают с обязательным угощением (форма оплаты), являются одним из видов народных театрализованных действий.

1.— Чернышев, с.136.

Записал А.Косогород в д. Калужкино Мещовского уезда.

2.— Шереметева III, с. 110.

3.— Там же, с.112.

Примечание собирателя (М.Шереметевой) — записано «в дер. Животинкино от Марины Щукиной, где в прежнее время и наряжали коня».

26. Прощение в воскресенье на Масленице. — Глухарев, с.6.

Записал Н.П.Глухарев в г. Боровске.

27. Бабы привохи. — Шереметева III, с. 102.

Записала М.Е.Шереметева в 1929 г. в с. Милеево Жидринского уезда.

Обряд «кормления» умерших родителей есть способ задаривания мертвых с целью добиться их расположения и помощи, поскольку считалось, что мертвые способны управлять погодой, воздействовать на урожай и пр.

Весенние обряды и поэзия

28. Приготовление жаворонков.

1.— Шереметева II, с. 39-40.

Записала М.Е.Шереметева в 1927 г. в Лихвинском уезде.

В Потовской вол. (д. Мишнево), отмечает Шереметева, выпекали других птиц — «грачиков», «они делались крупнее жаворонков с большими носами». Приготовление обрядового печенья (теста, самих фигурок птиц) являлось частью обряда.

2.— Чернышев, с. 132-133.

Записал А.Косогоров в д. Калужкино Мещовского уезда.

29. Закливание весны. — Шереметева II, с.40-42.

«В Калужском крае, — пишет Шереметева, — еще недавно весну кликали взрослые; 15-20 лет тому назад девушки-невесты, а лет 30 тому назад в некоторых местностях (например, в с. Варваренки б. Перемышльского уезда) и взрослые крестьяне, хозяева считали нужным и полезным покликать хотя бы с крыльца. Теперь, потеряв свой первоначальный земледельческий смысл, описываемый обряд перестал отвечать серьезным потребностям быта и превратился в забаву подростков-детей» (С.6).

1.— Записано в 1927 г. со слов Анастасии Гришиной, 12 лет, Петра Зайцева, 8 лет, Сергея Маничева, 10 лет, Афанасия Мартынова, 8 лет, в с. Б. Козлы Лихвинского уезда.

30. Заклички. — Шереметева II, с. 47, 48, 50, 52, 54.

Записала М.Е.Шереметева в 1927, 1928 гг.

1.— Записано от Натальи Ивановны Коноваловой, 37 лет, в д. Горки Перемышльского уезда.

2.— Записано от Евдокии Ефимовны Савосиной, 43 лет, в д. Зеленино Лихвинского уезда.

3.— Записано в д. Клюксы Козельского уезда. «Кличут около сараев» (Шереметева).

4.— Записано в д. Кожухово Козельского уезда. «Пели, бегая по насту» (Шереметева).

31. Катание на качелях. — Шереметева II, с. 43-44.

Обычно качели устраиваются на Пасху. «Кольханье» на качелях с Сороков до Вербного воскресенья, описываемое Шереметевой, возможно, связано с магией «пробуждения» земли.

32. Благовещение.

1.— Чернышев, с.132.

- Записал А.Косоголов в д. Калужкино Мещовского уезда.
2.— Глухарев, с.11.
Записал Н.П.Глухарев в г. Боровске.
33. Выкликание проса. — Ляметри II, кн. 7/8, с. 45, 47.
Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.
Запись ярко выявляет обрядовую сущность этой игровой песни.
34. Закливание весны на Благовещение.— Шереметева II, с. 46.
Примечание Шереметевой: «Перепечатано по рукописи П.Суходольского «Обычай закличания весны в с. Петросельи Мосальского уезда». 1850 (Ученый Архив РГО). В XX в. этот обряд уже не выполнялся в означенной местности».
35. Игра в «круглые горелки». — Шереметева II, с. 45.
«В с. Варваренки, по рассказу старухи Анна Алексеевны Ковалевой, 68 лет, на Вербное воскресенье девушки сначала играли в «круглые горелки» на лужайке «странке» на деревне «коло речки Пторы», потом забирались «у иструбы» (стоявшие здесь же срубы) и протяжно, жалобно кликали весну:
- Весна карсна-а-а,
Ты на чем пришла-а-а,
Ты на со-щечке,
На баро-начке» (М.Ш., с. 45)
36. Вербное воскресенье. — Чернышев, с.133.
Записал А.Косоголов в Мещовском уезде.
37. Кликанье зверей. — Шереметева II, с. 57.
Записала М.Е.Шереметева в д. Салово Сильковической волости б. Спас-Деменского уезда.
Смысл обряда — задабривание природы; изначальный смысл — «кормление» умерших, души которых якобы воплощались в зверей (кисель — поминальная еда).
38. Четверговая соль. — Глухарев, с.16.
Записал Н.П.Глухарев в г. Боровске.
39. Четверговое сало. — Там же.
40. Посещение могил. — Шереметева III, с. 104.
41. Пасхальный хлеб. — Чернышев, с.133.
Записал А.Косоголов в д. Калужкино Мещовского уезда.

Запись содержит ценные сведения об использовании во время первого сева пасхальной еды как магического средства, способного обеспечить будущий урожай.

42. Пасха. — Ляметри II, кн. 5/6, с. 5-6.

Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

43. Егорьев день. — Чернышев, с. 133-134.

Записал А.Косогоров в д. Калужкино Мещовского уезда.

Егорий (св. Георгий) считался на Руси покровителем домашнего скота. Повсеместно в Егорьев день (23 апреля) совершался обряд «первого выгона скота», имеющий осторожный характер. К этому дню было приурочено также множество обычаев и поверий. В приводимой записи обряда сбор «егорьевской росы» представлен в виде быличек (рассказов о колдунах).

Летние обряды и поэзия

44. «Чтобы рожь росла». — Шейн I, №1197.

Записал А.Марков в Тарусском уезде.

В Мещовском уезде (Чернышев, с. 134) бросают ложки вверх, чтобы лен лучше рос.

45. Крещение кукушки. — Ляметри II, кн. 7/8, с. 44-48. (Впервые опубликовано: П.Ляметри. «Калуж. губ. вед.», 1860, ч. неоф. к №28. Перепечатано: Шейн I, №№1194-1195.

В Калужской губ. «кукушку» делали из травы, называемой «кукушкины слёзы». Траве этой приписывали магическую силу — она, якобы, примиряла супругов, по корню узнавали о множестве примет и поверий: кукование кукушки раздается ранней весной и заканчивается с наступлением лета. Кукушку запрашивали:

Кукушка, кукушка,

Вещая птушка,

Век куковала,

Добра не видала,

Сколько годов мне на свете жить?

(Шереметева II, зап. в Лихвинском у.)

Ее кукованье сулило и несчастье, поэтому, услышав кукушку первый раз в году, следовало перекреститься (Глухарев).

Обряд «крещение и похороны кукушки» этнографы считают одним из наиболее архаичных, связывая его с весенними ритуальными «похоронами», которые совершались в период смены весны на лето. Калужские записи сохраняют следы и древнего обряда женского «кумления» (инициации).

46. Крещение и похороны кукушки в Калужской губернии. — Елеонская II, с. 146-154.

Записала Е.Н.Елеонская в 1911 г. в д. Шамордино Перемышльского уезда от крестьянских девушек, покумившихся через «кукушку».

Запись Елеонской повторяет все основные мотивы этого обряда, записанного П.Ляметри, свидетельствуя о его устойчивости вплоть до начала XX в. (это подтверждают и современные информаторы)

Привнесение в этот обряд лирических песен является средством поддержания угасающего обряда в его поэтической наполненности, с одной стороны, а с другой — свидетельствует об отношении к обряду как к девичьему гулянию.

47. О русалках. — Ляметри II, кн. 7/8, с.37.

1.— Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

В этой быличке запечатлен образ русалки как водяного существа, которого следует опасаться. Появление русалок лишь в «русальную» неделю свидетельствует о их связи с земледельческой обрядностью. Генетически образ русалки восходит к мифологическим женским божествам, к которым обращались, когда нужен был дождь; считалось, что русалки могут воздействовать на урожай, отсюда их устойчивая связь с водой и полем.

2.— Кашкаров, с.28.

48. Завивание венков на Троицу. — Шереметева III, с. 24-25.

Записала М.Е.Шереметева в 1925 г. на Гамаюнщине (местное название района в 2-12 км от Калуги на правом берегу Оки, включающего в себя 17 сел Калужского и Перемышльского уездов).

Троицын день считался главным летним праздником. Основные обрядовые действия (украшение, завивание и развива-

ние березки, хороводы, гадания на венках у воды) свидетельствуют о древних языческих истоках обряда, его связи с культурой растительности, символом которой выступает березка.

Обряд «завивания венков» проводился повсеместно. Одно из свидетельств — Глухарев, с.7,9.

49. Освящение плодов и овощей. — Чернышев, с.134.

Записал А.Косоголов в д. Калужкино Мещовского уезда.

50. Величание ржи. — Шейн I, №1263.

Записала Е.Г.Дурново в с. Костино Малоярославского уезда.

В ряде мест березу завивали около ржаного поля. Приведенная песня, исполняемая во время завивания венков, носит характер закличания урожая.

51. Троицкие песни.

В Троицу исполнялись главным образом хороводные песни, в хороводах принимали участие молодые девушки и парни, а также молодые женщины.

1. Сорву цветок, совью венок. — Ляметри II, кн. 7/8, с. 40

Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

2. Расти, расти, хмелюшко. — Там же, с.41.

3. Я по полю ходила. — Шейн I, №429.

Записала М.А.Баскакова в с. Ахлебинино Калужского уезда.

4. Вы леса ль мои, леса темные. — Там же, №1255.

Записал А.Марков в с. Маковицы Тарусского уезда.

52. Иван Купала.

Иванов день — 24 июня — день летнего солнцестояния, самой короткой ночи в году. В фольклорной традиции сохранились главным образом поверия, связанные с чудесной (магической) силой растений, в эту ночь открывающих клады и приносящих счастье, считалось также, что купальские травы обладают особой целительной силой.

1. О кладях. — Чернышев, №157, с.135.

Записал А.Косоголов в д. Калужкино Мещовского уезда.

2. Ивановская роса. — Там же, с.135.

53. Петров день.

Ко дню св. Петра и Павла (29 июня) приурочен древний обычай «караулить солнце», являющийся продолжением купальской обрядности, связанной с периодом летнего солнцестояния. Цель всех производимых действий в эту ночь — оградить село от злых сил, отсюда запрет на сон, поощрение розыгрышей, шума, криков, грохота («Проказничали, но безобидно, — вспоминают современные информаторы»). Вытаскивание бороны на дорогу является отголоском веры в обережную силу зубьев бороны. Уже в XIX в. обычай «караулить солнце» воспринимался как молодежное гуляние.

1. Солнце в Петров день. — Чернышев, №157, с.135.

Записал А.Косоголов в д. Калужкино Мещовского уезда.

2. Обычай сторожить солнце. — Добровольский I, с.207.

Записал В.Н.Добровольский в с. Сабурово Мещовского уезда.

3. Петровская песня. — Там же, с.207.

Записал В.Н.Добровольский в с. Пятницкое Мосальского уезда.

54. Ильин день.

Ильин день (20 июля) знаменовал конец теплого лета. С этого дня начинался новый период в земледельческом календаре — сбор урожая.

1. Поверье. — Чернышев, №157, с.135.

2. Обычай. — Добровольский I, с.20.

Записал В.Н.Добровольский в с. Сабурово Мещовского уезда.

55. Жнивной обряд.

Первый сноп символизировал урожай, плодоносную силу земли, сноп окружали почетом, вносили в избу, нередко хранили в течение года.

1. Первый сноп. — Ляметри II, кн. 5/6, с.6.

Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

2. Первый сноп в семье молодоженов. — Шереметева, с.21.

Записала М.Е.Шереметева в 1925 г. на Гамаюнщине.

Глава 2. Семейные обряды и поэзия.

Важнейшие моменты человеческой жизни: рождение, свадьба, смерть — отмечены особыми обрядами и связанными с ними поэтическими произведениями. Материалы по Калужской губернии XIX — нач. XX в. неравномерно представляют эти виды семейных обрядов и поэзии. Собиратели акцентировали свое внимание главным образом на свадьбе. Описание обрядов, обычаев, тексты свадебных песен и причитаний, записанных в различных уездах, детально воспроизводят обряд и всю атмосферу этого главнейшего праздника в жизни крестьян. Чтобы дать по возможности более полное представление о других семейно-бытовых обрядах, в раздел, посвященный рождению ребенка, включены, помимо описания обычаев «бабиной каши», поверья и колыбельные песни. С XVIII в. в число семейных обрядов вошли «проводы в рекруты». Обряд сопровождался особыми, рекрутскими, песнями. В разделе «Похороны» за неимением описания обряда приведены лишь поверья об умершем и похоронное причитание.

Роды, крестины, детство.

1. Поверья, связанные с родами.

Время родов скрывают от всех, чтобы роженице было легче родить.

Женщины, которые беременны, желая узнать, кто родится у них — мальчик или девочка, идут в поле, вырывают с корнем траву под названием «кукуша» и по корню судят о будущем поле ребенка.

Если роженица ошибется в определении дня родов, то родится мальчик.

Чтобы роды были легче, под роженицу кладут кожу лося.

2. Крестины

1. Когда народится младенец, зовут кума и куму; кума и кум несут по «карвеге» хлеба, кума бубликов и ризку, полотенце батюшке, кум крестик и готовится заплатить священнику за крестины.

Когда станут ребенка крестить, кума расстилает ризку для принятия в нее ребенка.

По окончании крестин, священник, вымыв руки, спрашивает у кумы полотенце руки вытирать.

Садятся за стол. «Идут харчи»: холодец, солонина, баранина, лапша, куряточки жареные. В заключение становятся горшок каши и накрывают этот горшок полотенцем. И кладет баба две ложки, одну на свою долю, другую на долю родихи, и сама объясняет: — «Это моя ложка, а это родихи».

Отец крестный кладет в ложку родихи копеек десять, а в ложку бабки копейки две; присутствующие кладут в ложку родихи копейки три, а бабке копейки две. Бабка снимает ложки, а деньги кладет себе, деньги из родихиной ложки отдает родихе, по принадлежности; потом бабка снимает полотенце и покрывается им, говоря: «Слава Богу, напряла за одну дочку!».

Приходит бабка через трое суток и размывает руки родихе. Водицы нальют в чашечку. Бабка умоется этой водицей и родиху умоет в том месте, где их Господь прощает и ослобоняет, и брызгает венчиком на стены; с этого венчика гретой водой брызгают на ребенка.

Кум, кума, соседи навещают родиху; приносят ей: кто бараночек, кто белого хлеба.

2. На крестинах во время угощения все кушания ставит на стол мать или свекровь родильницы, а кашу подает сама бабка повитуха, причем горшок накрывает подаренным ей холстом; на этот холст хозяева и гости кладут бабушке деньги.

3. Поверья, связанные с новорожденным.

В какой час был рожден человек, в тот же час будет его смерть. — Когда у новорожденного в глазах, в конце глазной орбиты, ближе к носу, нет красных точек, то он долго не проживет.

Новорожденных детей к зеркалу не подносят, потому что долго говорить не будут.

При святом крещении ребенка остриженные волосы священником, скатанные с воском, пускают в купель. Если волосы потонут, то ребенок не жилец на этом свете.

До году у новорожденных волоса не растут.

4. Колыбельные песни.

1. Я баю, баю, баю,
Кылатушек ныдаю.
2. Я качу, качу, качу,
Я за виски ухвачу.
3. Я качу, качу, качу,
Я гарошак мылачу,
Ны чужом тачкю,
Ны примостычку.
Покатилися зярно
Ны Матьвеива сяло.
Матвей Барков
Зыганял валков.
Девки-татары
У горыт лятали,
Князя (л)юбили.
Княсь! княсь! ни тужи,
Радим табе сына,
Царя Кысьтаньтина,
Чатыря аршина.
Бапка Ялёна,
Кума Стипанида,
Ятрешь (отрешь) пылатенца
Накрыть мыладенца.
4. Баю, баю, баю,
Ни лажись, Дарыюшка, ны краю.
Я(А) котик -та сер, сер,
Ёе Дарыюшку-та съел, съел.

5. Я люли, люли, люли, прилители три гули,
Яны сели ны люли.
Стали думыть ды гадать, чем им Дарьюшку питать.
Либа булочки съ мятком, баранычки с сыхарком,
Яли кашки с мылачкём.
6. Пашол котик пат горычку,
Нашол котик яборычку.
Пашол котик ю лясок,
Нашол Дуни пыасок.
7. Баюшки, баюшок,
Ны гародя питушок.
8. Ю котика, ю кота, Ирмалаивича,
Пыпирёк хваста три снапа явса
Ни малочиныва, ни калочиныва.

Свадебные обряды и поэзия

5. Свадебный обряд в Мосальском уезде.

Село Сильковичи.

Сватовство. Отец и мать, собираясь женить сына, идут в какой-нибудь дом девку сватать. Вот приходят они.

— Драстуйтя, — говорит сват, — я вот к вам пришол; у вас есть невеста, у нас есть жених — давайте сватаца.

Прежде всего начинается разговор о средствах жениха и невесты:

— Как нажиток?

— У нас жить можно.

Окончив «размолвливать», коли дело идет на лад, станут Богу молиться. А у пришедших сватов водка

призапасена; в кошель кусочки мясушка да пирожки поналожены, таскают все это из кошеля и ставят на стол. Собирают родню невестину — и давай пировать. Если сосватали сваты девку, как говорится «поладили», выпивка и закуска называются «ладами». В случае отказа отговариваются тем, что «девка молода, неопытна».

Запой. Запой бывает после «ладов». Он сопровождается иногда «образованием»; иногда бывает без священника. Запой устраивается в доме невесты. Со стороны жениха собирается на запой от 7 до 15 человек; непременным условием полагается, чтоб число гостей было нечетное. Едут непременно на лошадях и в несколько подвод, хотя бы это были и соседи между собою. Получают приглашение на запой и близкие заживные люди; число гостей доходит до 50. Гости сажают прямо за стол, который убирается привезенными со стороны жениха продуктами и вином. По окончании стола от жениха, ставятся на стол кушанья от невесты. Во время небольшого промежутка, когда гости выходят из-за стола студиться, делается уговор о времени свадьбы.

Девичник или рукобитье. Опять собираются ехать из женихова дома к «девке» или невесте... О предстоящем приезде сватов провозглашают на деревне пешие мальчики с дубинкой; они ходят из конца в конец по деревне, кричат и постукивают. Когда мальчики окончат свое поручение, им выносят в чашке кашу. Мальчики кашу поедят, а потом говорят: «Купи ты чашку». Чашку возьмут, а мальчикам поднесут по стакану водки. Но вот приезжают сваты. Застучат в ворота дубиною три человека. Выходит к ним хозяин, девкин отец, братья отцовы, выходит девкина мать и говорят:

— Что вы стучитя? Кто вы такие?

— Да вот митель забила, пустите ночевать!

— Незачем!

— Как незачем: мы люди знакомы; мы вам заплотим; да вот случай таков: мы ехали, ехали, дальняя дорога, мятель, а у вас в избе шумить, шумить народ. Мы и думаем: дай себе заедим в эту хвартеру. Господа хозяева, ня можна ли нам атпригать лошадей, мы разачтемся честна, степенна, па харошиму.

Сейчас их впускают во двор.

— Нада успущать что-лича — люди, кажется, знакомы, хорошии?

Отворяют ворота.

— Драстуйтя!

— Драстуйтя, извощички!

Извощички достают из кошеля водку, и пьют по стаканчику и хозяева, пустившие извощичков, и сами извощички. Все это делается у ворот («на воротах»).

Девкины братья идут отпрягать лошадей. Сваты, запасшись кошельми (а в кошельх вино, кусочки мясушка, баранки, пироги), толпятся в сенях. «На парози, у горницы» сватов встречает отец невесты уже ласковее:

— Хадитя, сватушки, мы давно жилали вас. Ждали, ждали, каба винца вас выпить.

Сначала дружко наливает стакан себе и выпивает его; другой стакан дружко наливает коренному свеко-ру, и пойдет дружко по его родне. А другой дружко подносит вино своим. Обнесут раз и два. И говорит свекор грозно:

— Ну, што вы к нам наехали? Ну, што вы нам ни да-тя спакоя? Скажитя ж вы нам — чего? Долга вы сидитя за нашим сталом и ничаго вы нам ни гаворитя! Мы думали, что вы памарились, а вы праклажаитись!..

— А мы, сватушка, ни таво приехали. А што у вас уницы и лисицы и красныя девицы? Мы ходим, ез-

дим, ищем лисиц, куниц и красных девиц.

— И не думайте, извошки: мы вам не покажем наших лисиц, куниц и красных девиц. Наши девицы сидят мазанья, абасыя, биз абовки; сидят ане разумши, раздевши и растрепамши...

— Дялов нету... Мы сичас дивицу убярем вам; мы и абуим и аденим.

— Ладна. Давайте пример ат вас, с чим паказатца к дивицы.

Подают «невесты» полсапожки, посылают ей чулки, «грахвин» водки девок поить, куска два пирога девкам. И три раза вино носят подружкам невесты. Ублаготворив как следует невесту и ее товарок, приезжие сваты заговорят с хозяевами смелее, потребуют от них решительно, чтоб они показали им лисицу, куницу, красную дивицу.

— Что же вы, сватушки-хозяева, сидитя и нам ничаво не гаваритя. Что мы лисицью, куницью и красню дивицью, вашу девку, адели и абули и напранули, а вы нам ие ни паказываите!

Решительное слово сватов оказывает действие: сейчас сваха и дружка больший и меньший, втроем, ведут невесту. Подойдя к свекору, она поклонится ему прямо в ноги и благодарит за присланную «абовку». Но недолго покрасуетя в избе невеста пред сватами: подружки уведят ее; это вызывает гнев у приезжих сватов.

— Что ж вы, сватушки, стали шутки шутить или смеяцца над нами?! Мы ехали, ехали; хвартеру аблюбовали харошую, а вы сейчас, как взяли мы ее, привели девку ды абманули нас: торнули, а потом схаранили её... Нет, не гневайтесь! Мы искать станим — найдем...

— Да што вы, сватушки, сейчас помиримся — отдадим лисицу, все вам отдадим: мы люди ни такойския!

Посылают дружка к невесте. Выходит невеста, не одна, за нею шествует сваха, нагруженная доброй охапкой даров. Как подходит невеста, кланяется в ноги свекору; поднимается она, дружко наливает ей рюмку вина; она подает свекору вино, и дарит невеста свекора платком, и платок этот длинный, аршина в три. Вынимает свекор денег пять рублей или трояк и отдает невестке, а богатый, как раздобрится, и пятерки не пожалет. Невеста опять бух в ноги свекору. Потом пойдет невеста по свекоровой родне и будет дарить ее рядом. Запюют девки «невесты» песни:

1. Гусли, май гусельцы,
Иде были, побыли,
А мы ли были, побыли,
А в Дарьюшки в тириме,
А в Аннушке на касе.
Видели мы красную девушку:
Ана все раздарила,
Ана все разнасила:
Свекру станочик,
А свякрови платочик,
А залоуки вяночик:
Красуйся, мая заловушка,
Как я красувалась
В радимаго у батюшки.
2. У варот трава расла,
У варот шалковая.
Хто ету траву таптали?
Таптали сватушки,
Сваты багатыи.
Как Аннушкин батюшка
Ходит по двару,
Завизамши голува,

Расчисамши бораду:
Как с ней¹ быть, Дарьюшка²,
— Как с ней быть, Иванавна?
Нам ни жалка Аннушки,
Только жаль приданава,
Гусака чубарыва,
Гусыню с перьими,
Гусыню с сяринаю,
Свет Аннушку с пяринаю.

3. Былка ты, былка,
Былка чернабылка,
К лужку припадала,
Прапойничка искала.
Прапойник разбойник!
Прапил сваю чаду
За винную чару,
За мед за патаку,
За сладкий кусочик (2),
За один вичарочик.
Купил ей батюшка
Шалковый платочик.
Ина по пылю едить —
Все поле светить;
У деревню възизжаить —
Всю деревню асветила;
На двор узьизжаить —
Весь двор асветила;
У сени вступила —
Сени скалыхнулись (2),
Скамейки пагнулись,
Гаспада баяря,

1 С ней, т.е. с дочерью

2 Дарьюшка — это супруга Аннушкина батюшки; у ней он спрашивает совета и ей признается, что ему больше жаль приданого, нежели дочери.

Ане праздвляли,
Чару наливали,
Ей давали.
Аннушка
Я, права, ня пью,
Я, верна, ня пью,
Поверь Богу, ни пью,
Мой батюшка ни пьеть,
Мой матушка ни пьеть.
Сваты-баяря:
Спалать, Аннушка, спалать,
Вумница Аннушка — спалать.
Харашо сказала, умельна атветила.

4. Залатой мой пирстянёк,
Ён ни тонить, ни пльветь,
Ни вадой перстень несеть.
Даляко милый живеть:
Ни в Питири, ни в Москве,
Ни в питейном кабаке —
Зияльное вино пьеть.
Ступай, пьяница, дамой:
Прапил усё имения свое.
Прапил усё приданья моё.

Во время пения песен дружки сидят за столом, сидят за столом и свекор со своей родней; вылазит с-за стола свекор и все вылазят вон. Садится за стол невестина родня: сестры, братья, дядьки, тетки. Отец невесты, окинув взором свою родню и найдя, что ее не мало собралось в хате, считает долгом извиниться перед сватом:

— Ну, сватушка, извини: мы тебе кругом обсели: и на полу сколько, и на лавках сколько объеда оказываются! У нас по всей деревне родня; что делать — хуть

всю деревню зави. У тебе, сватушка, мала хватить на нас капиталов.

— О, сватушка, не беспокойся: я целую кухню вина привёз.

Сваты, рассыпаясь друг перед другом в любезностях и извиняясь, идут во двор студиться. Станет невеста дарить родню свою платками красными и сборниками, и дарят ей денег от тридцати до сорока копеек. После дарения поведут невесту в другую избу; поют ей подружки песни:

Из-за лесу солнышка

Катаить, катаить;

Ванюшка коника

Братаить, братаить.

Ридный батюшка пытаить:

— Куды ж ты, Ванюшка,

Ваня братаишь?

— Батюшка, я в дарогу —

Дай мне падмогу:

Двинацыть лашадушик вараных

Двинацыть каретушик залотых;

Приеду я к тетёвым варатам:

Тетёвы варотички запёртыи,

Вароныи лашадушки зарзали,

Залотыи каретушки зазвинели,

Молодыи сватиньки заиграли,

Свет наша Праскоюушка сплакнудася:

Свет мая косынька была русая;

В три прича была косынька

А стала в шесть причоу.

Собираясь домой ехать, свекор и свекровья заходят к невестке прощаться. Дарит свекор невестке «на прощание» три рубля, а свекрова — платок хороший. Невестка кланяется в ноги, подает свекор «невесты» гра-

хвен рябый вина в восьмуху да связку баранок для девок. Приезжие 12 человек собираются домой: «Мы, — говорят, — невесты отдалили». Невеста сзывает в свою компанию всех своих знакомых девок и потчует их; угощает подружек дочери и мать невесты. Подружки воют по невесте в причот: «Милая наша тайная подруженька, русая коса, растрипалися твай валаса. Теперь мы ат тибя атлишились, с тобою все сказки, присказки, скоки — всё лишились, и прясть мы с тобою ходили вместе, вместе шили. Патирали мы милаю сваю падружку».

Каравай пекут на девичнике, предварительно поставив на дежу четыре свечи. Женихов отец и мать целуются и чокаются стаканами с вином чрез дежу, говоря: «Чтоб наши маладыи так ладны были, как мы». Баб набирается целая комната; женихов отец угощает баб водкою. Отец на каравай кладет крест. Как принесут женихов и невестин каравай в церковь, дьячки подымают их, и молодые иногда спорят, чей каравай выше. Невестин каравай раскроют пополам, ширинкою накроют, половину отдадут дьякону, а половину матери невесты. В некоторых местах берется к венцу один каравай, с ним пироги; дорогой едят пироги, а каравай ставят на курчину, мостницу посреди хаты.

Под венец едут. «От невести к жениху едут троя дружки». Соберется много повозников. Жениха соберут, нарядят: навешают ему «лендов» на шею, крестов нацепляют, полотенцев напихают под подпояску. Едут с наряженным женихом невесту брать. В воротах как застучат, сейчас невеста «поднимит голос»: «Кормилец-батюшка, что ж ты на mine так разгневалася? Что ж ты mine так няволишь?» Жених с дружкой идут прямо в светлицу. А девушки подвязали сами себе такие платки, как невеста, и сами так понарядились: «Узнавай, — го-

ворят жениху, — свою суженаю и свою ряжинаю; выкупи иё». Жених долго старается понапрасну узнать невесту. — «Да ты атдай нам полштоф вина! — говорят девушки, — не скупись! мы тебе пярину набивали, мы тебе рубашку шили».

Жених отдаёт девушкам полштоф вина; девушки отдают жениху невесту в руки. Сейчас «обаславлять» начнут молодых, рагожу растелют, карвегу хлеба положат, на карвегу крест. Жених с невестою кланяются в ноги родителям. Невеста голосит: «Баслави мне, батюшка, у чужия люди итить! У чужих людях жить нада умеючи». Жених целует невестину родню, кланяется в ноги всем родным, даже маленьким братьям и сестрам невесты. Относительно этого обычая мне рассказчица-старуха с сожалением заметила: «такая уж у нас дурацкая поверья!»

«Абаславёмши молодых», посадят их за стол; невеста заголосит: «Кармилец мой батюшка, спасиба, батюшка кормилец, за хлеб, за соль — значить, я тебе была, батюшка, ни работница и ни угодница!»

И посадят малаго лет десяти к невесте прямо на колени и дадут малому в руки невестину косу; она, коса «растрепана и лендами перевязана». И дадут малому палку уручинь, большой, толстый, какой он может поднять.

Сейчас дружко и говорит: «Зачем ты ускочил у ни-паказная места?» И грозит дружко мальчику «ряменным кнутым». А мальчик грозит дружку уручним, пилит им по косе невесты. «Отдай, говорит, полтину: касу покину. Выкупи касу, ня буду тут». Делать нечего, дружко наливает мальчику стакан водки, на дно стакана кладет десять копеек. Мальчик выпьет стакан, деньги возьмет и отдаст стакан дружку. Дружко скажет мальцу: «Ну, мы теперь с тобою в расчете!» И дают

мальцу еще стакан; мальчик или выпивает или, если не в силах, отдает его «сродычам».

Станет вязать невесту с женихом родная мать невесты (иногда помогает отец); заголосит невеста: «Кормилец-батюшка, ай я вам была неугодница и неработница, а вы мне куете-вяжитя». Или невеста причитает так: «Ай, я у вас была какая разбойница!»

Дружко посыпает хмелем невесту и жениха. Поставят «под жениха» стакан вина и «под невесту»; а они и «губми» шевельнуть не смеют. Над молодыми потешаются: «Бизрукыи какыи — сами себе ни развяжутъ». Молодая баба в насмешку над женихом сорвет с него шапку, увернет в платок и положит себе на колени, а жених все сидит невозмутимо. Дружина жениха жалуется на насилие, просят развязать молодых: «Мы приехали к вам па харошиму, а вы нас аграбить хочитя». Теща заявляет с «тестем» права на молодую и молодого — хочет их оставить у себя: «Сватушка высвайговал зетя, и наш товар нам пусть и астанитца». Наконец, теща соглашается взять выкуп за молодых рубля три, выкупается и женихова шапка у молодой свахи; какой-нибудь дружко со стороны жениха, выставив шапку, собирает деньги с невестиной родни, чтоб вознаградить молодого за обиду и насилие над ним; деньги эти потом сыплют жениху в голенища.

Село Пятницкое.

Когда дочку замуж отдавала, мать причитывала: «Дитя ж маё милья, дитя ж маё жалкыя, дитя ж маё Хрипушка! Скажи, мае дитятушка, на каво ж ты при старысти лет мне покидаишь?! На каво ж мне надеитца, на каво ж мне поначайтца?!.. Батюшка твой старёшоник, и матушка твая такжа! С аткель нам чаво при старости лет дожидать, и хто нам што прибрідеть, и

кто нам што принесёт? Дитя маё Хрипушка, вспомни, маё дитятушка, как я тебе растила. Маё дитятушка, када я буду итить кала варот и зайду я к тебе — вспомни, маё дитятушка, как я тебе з горим з большим узращала, и сколька мы с табою горюшка видали. Успомни, мая дитятушка, када я тебе у мир сабирала и дала тебе сумочку и правадилла тебе у диревню, пакеда ты, маё дититка, узвярнулася, и я всё горькими слизама абливалася. Ох, Божа мой, заидять иё сабаки — и кормить ина мине ни накормить! Напрасна я тебе пасьлала по милостыни! Приходишь ты с миру, приносишь ты хлебушка, уходишь ка мне у хату... И я так тебе стрела — рада радёшенька! И ты, мая дитятушка, прежде рада, а потом и заплакала и говоришь: «Радимая мая матушка, и день бы и ночь я работала, только б мая силушка хватала! Ну, ни буду сагласна хадить по миру: гаварять люди, што ета гулявой кусок. Ну, я, родная моя матушка, када ета испытала с малых лет своих, никаму ни пазавидываю — и луччи и день и ночь буду работать, што маея силушки будить хватать». Ну так дитя маё, уздумай пра мине: силушки маея коротка. Старысть ка мне падыйшла и надеитца мне не на кого, а ты, друх мая, с мужим жимши иде-нибудь и пахити, — и мужу правды ни скажи, а про сваю родную мать вспомяни, хуть малыстыю чем найди. Ну, маленькая твоя подача при моих старых лет очень будить вилика и очинь мне будить антиресна!..»

Дочь причитывала в ответ матери: «Ня гневайся, мой родный батюшка, ня гневайся, мая родная матушка, што я с младых лет у люди иду — вас при старысти лет адных кидаю: видна, с тем девица родитца, што принужденная у люди итить. Как жить у чужих людях, я знаю. Я, младая, по чужих людях хадила. Бывало, што я чаво и ни то што сделать, и на разуму ни дир-

За столом

жала, а люди приложуть и скажут. Маладым людим никак нельзя ходить да савяршенных лет: усяво в миру наслушаишься и всяво наберёшься! Чужую работушку работать, чужим атцам и матирям служить очинь трудна и очинь больна — хуть убейся работамши — верушки нету же! Гаварять тахта: у людих жимши, нябось силу ни растиряишь — ни в сваем дваре: нешта праведно работают у чужом дворе! А мне тахта даставалася у чужом дваре работать, што ни то што пот каплить из mine; ни то, што такой, а краваый!.. Када я пасматрю на сваи руки, дак ни то што на маих руках музули понатёрты, ни то что сухии, а как пасмотришь, дак краваый!.. Приду домой, хозяйка и скажит: «Вот то я то ни делала, вот то я то ни работала, и вады у нас нету, и дровы ни ношены». Пайду по воду и зальюся слизами; ни вижу, куды иду; пачирьпну, к двору подыйду — утрися, бытта так-та и нада, а етава ништо ни знаить, што ишла по воду, шаталася и ни помнила, как я иду — у галовушки клумитца и вертитца. Ты успомни, радимая мая матушка, пра тваю пажистачку, как ты с свайго веку ходишь па людим и служишь добрым людям, и ты, радимая матушка, у чужих людах горя тяпнула!»

Выведут с-за стола вон молодую. Молодая благодарит за освобождение и снова заголосит пред своим родителем; «Кармилец мой батюшка, ни прагневайся, што я вам зделала бальшую уструшню с сваими гостями».

Выведут вон из хаты невесту и жениха сажать в съезки (сани) хорошие и обшитые, с подрезами. Отец невесты несет «карвигу», а мать невесты идет с пустыми руками за отцом; три раза они обходят молодых. Мать невесты возьмет шиворот своей рубахи и три раза этим шиворотом вытирает лицо зятя и дочери, при-

говаривая: «Как рубашка любить тела, так штоба муж любил маладую жану!» И приказывает мать: «Как станешь на паперть, Аннушка, хватайся поскорее за церковный замок, чтобы крепче за тебя муж держался...» Жених сажает невесту так: поднимет и «грёкнить прямо в съезки».

Спровадив молодых, мать невесты голосит: «Дитёнык мой милый, я тебе паняволила симнадцати год людям служить»... Или: «Дитёначик, нижалетая ты у мене расла, заняволинная, ты ж, мая дитятка, блинка горячива ни съела!.. Ты ж у мене усё у работи у должности бальшей... Как жа я отсталась биз тебе, дитятка? Асталась я шлёпать и ездить в сахе и в баране». Сестры причитывают: «Сястрица мая милая, идёшь ты людям служить-добрить...»

А поезд жениха, отъехав недалеко, остановится; дружко соскочит со съезков и забежит в хату, где недавно было полное собрание гостей; народ еще не разошелся. Бабы откроют подполье да как крикнут на дружка: «Дружко, давай нам водки, а то во, братиц, куда мы тебе пасодим!» Дружко дает водки бабам, отдает благодарение отцу-матери, проворно бежит к съезкам, поспешно садится, и едет поезд жениха к венцу.

После венца. Как с церкви едут перевенчавшись, то часто останавливаются и во время остановок винцо пьют. Как поедут, запоют песню:

Пароша, пароша!

Как по-по той пароша

Бягить белый зайка,

За зайкию борзья собаки,

А зай Богу молить:

Унеси мне; Божа,

Да тетёвага дома,

Дай мне, Божа,

За тстёвым столом
Хлеба-соли кушать.
У нашива свата кони варанья,
Кони варанья, дуги висакия.

Вдруг запоют:
У нашива дружка конь нипагож!
(т.е. не красив, не хорош)

Конь нипагож — маладых ни павёз.
Как поднесут вина молодым и всему поезду, запоют:
Как у нашива дружка конь та пагож —
Маладых павёз!

Иногда поезд останавливается от того, что ему дорогу перегородили, «зайца» закинули. «Винца ль тебе что ль?» — скажет дружка закинувшим «зайца» и угостит их, чтобы приняли его. Раза три «прокатам» проедут по деревне. Боже ты мой! сколько народушку-то «сметется» к воротам невестина дома, как завидят поезд свадебный, как слышат грустную песенку:

Прилетела голубка,
Павита галовка...
Сястрицы-падружки,
Приютитя галубку,
Павиту галовку,
Посыпья галубки
Белый ярый пшаницы,
Чтобы наша галубка
Тут привыкала,
Двару ни литала.

Молодых встречает свекр и свекрова с крестом и карвигою хлеба. Часа полтора молодых не пускают во двор и переговариваются с ними у ворот: «Мы не знаем вас; мы не слышали, какьи к нам наехали!»

— А понравилась хватера дивоеча: дай туда паедим — и паехали. А вы ни атваряйтесь! Как-нибудь жа на-

да поместитца на дворе.

Войдут в хату молодые после предварительного угощения водкою встретивших их у ворот. За стол тоже не пускают молодых: человек двадцать мужиков позаймут за столом все лавки: «Мы сами, — говорят поезжанам, — будем обедать; обед мы ни для вас гатовили».

— Братцы, мы разочтемся, расплатимся: ета ведь князь с княгиней дажидаются — аны померзли в дорожке.

— Ну, давай выкуп!

Дружко выкупает стол для жениха и невесты.

Запоют песню:

Ты, Кузьма-Димьян,

Скуй нам свадьбу

Крепкаю, векавешную,

Векавешную, далгавешную.

То Ивану песенка —

Ни аднаму, то с Анною,

То с Анною, с Ивановною.

Летели там пчолы,

Пчолы яравья;

Садилися пчолы

В Ивана на дворе,

У Дарьи в тириме.

Пришла мне гадинушка,

Мая вичаринушка:

Усё падалили, усё разнасили:

Свекру станочик,

Девирю платочик,

Заловки вяночик.

Красуйся, заловушка,

Красуйся, либедушка,

Как я красувалась

У радимаго батюшки,

У сударыни матушки.

За столом поются песни величальные и хвалебные всей родне, свашкам, дружкам, всем присутствующим на свадьбе: женатым, холостым, старым, молодым; даже для вдов существуют особые величания.

За величание или «обыгрыванье» платят деньги или угощают вином. Богатых величают или «обыгрывают» больше, нежели бедных. Если кто желает, чтобы ему напели побольше величаний, притворяется, что не слышал песни: «Не слышу: у меня золотом уши завешены».

В «обыгрываньях» поется про мирную семейную жизнь и мирные семейные наклонности, «про дорогой обычай мужа», про мирное семейное пированье соседей, «смирённую биседушку» людей «добрых», степенных, которые и во хмелю хороши, не бушуют и не озорничают, а говорят рассудительно «все старинное речь пасловья». Жизнь семейная выставляется такую привлекательною и заманчивою, что может понравиться и девушке, и холостому парню — жениху. Поют про богатую обстановку, серебро да золото, да про корабли с товарами. Вдов или тех, кому, по воле судьбы, жизнь не задалась, тех «обыгрывают» песнями трогательными, чтобы грусть развести.

Величают дружка:

Дружинька сильна багат;

Едишь скарадишь — 12 барон,

У нашива дружки 700 капён!

Просят за величание подарков:

Ох, дружинька, не тами ты нас,

А падари ты нас:

Не станишь дарить —

Мы тебе станим карить!

Дружки песня:

С Марьей Степановной
Друженьки харашива!..
Иде дружинька сидить,
Там свича нинадобна:
Асветить ин
Залатою гривнаю палужонаю!

Дружко наливает молодым бабам водки и дает им денег за величание. Бабы благодарят и еще «обыгрывают» дружка с супругою.

Спасибо на большим даре!
Дай табе, Божа,
Сто рублей у мошну,
Кабылу, карову,
И жану здарову!..

Запоют песню молодому с молодой:

Иде Иванушка сядить,
Там свича нинадобна:
Асветить яго залотой гривнаю,
Асветить яго полужонаю.

Песня свату и сватье:

Бегли скамарошки
Па чистый дарожке;
Патали, вапрашали,
Где тута свадьба.
Иван сына женить,
Анна дочь отдаёт;
Перепелка Аннушка,
Перепелка Ивановна...
Што ты рана вылётываишь,
Што ты рана выпырхиваишь?
Отдаеть мне батюшка,
Снаряжаить матушка
Сваими белыми ручками,
Пирчатными рукавочками.

«Обыгрыванье» холостому.

Пад калинкаю,
Под калинкаю,
А под тым шатром
Под палатняным
Пачивает там
Добрый молюдиц (2),
Свет Валодюшка,
Свет Хвилиппьевич.
Перед ним стыять
Слуги верныи,
Слуги верныи,
Братья родныи;
Ины будють яво —
Прабуживаюить:
— Ты юстань, юстань,
Добрый молюдиц,
Свет Валодюшка,
Свет Филиппьевич.
На синем мори
Корабли ушли (2)
Са тыварами,
С ясным золытым,
С чистым серебром.
— Ни магу устать,
Галавы паднять,
Галавы поднять,
Карабля схватать.
Под калинкаю,
Под малинкаю,
А под тым шатром,
Под палатняным,
Почиваить там
Добрый молюдиц,

Добрый мольдиц,
 Свет Валодюшка,
 Свет Хвилиппьевич.
 Перед им стыять
 Слуги верные (2),
 Братья родные,
 Ины будють яво —
 Прабуживають:
 — Ты юстань (2),
 Добрый мольдиц (2)
 Свет Валодюшка,
 Свет Хвилиппьевич,
 На синём мори
 Корабли ушли
 Са тыварами,
 С красными девками.
 — Я магу устать
 Галавы паднять (2)
 Карабля схватать (2),
 Сибе девку взять,
 Сибе красную.
 У месица у яснава
 Рожки крутыя,
 Позагнутыя;
 У Сирёжуньки
 Кудри русыя
 Порасчосаны,
 Поразглажины,
 Алыми лентами
 Пиривязаны,
 Чистым серебром
 Пирысыпаны.
 Нихто к кудирькам

Ни приступитца —
Приступилася
Радна матушка:
Узила кудри
На сваи руки,
Стала кудирьки
Чисать, гладити,
Разбумаживать,
Алыми лентами
Привязывать,
Чистым серебрам
Пирясыпывать.

Березничик листовой —
Серёжанька халастой,
Халостинький ни жанат,
Ен белинький кудриват,
На ем кудри вилися,
Па плечушкам сламилися
И в три рида клалися.
На ём шапачка саболя,
А в шапачки ширинка,
В ширинычки три узла:
Первый узёл — макыв цвет,
Другой вузёл — висилёк,
А третий вузёл любавик.
На што тебе висилёк?
Штоб я, молодец, весёл был.
На што тебе маков цвет?
Штоб я, молодец, цветен был.
На што тебе любавик?
Штоб девушки любили,
Пивцом и винцом паили,
Ширинками дарили.

А у ково жина маладая, —
 Словна ягада наливная?
 А у Андреюшки жина маладая,
 А словна ягада наливная,
 Как брусничина баравая.
 А ина с терима выхадила,
 А сваяво друга воскликала:
 — А Андреюшка, мой дружочик,
 Ли Яковлевич живаточик,
 Ты ступай двору паскарея,
 На тясовую караватку.
 На пуховыя на пярины,
 Аб-под теплыя адеяла
 На сладкыя цалуванья.
 Ой, не рыбушка платичка ваканёчик,
 Андреюшка дружочик живаточик,
 Ни пуцай свою Настасью за выроты.
 Пятницкыя рибяты вараваты:
 Поймают Настасьиньку — зацалуют,
 И завидють Фатеивну — замилуют.
 Ой, вы стойти-ка, рибяты, ни цалуйты,
 Ой, вы стойти-ка, маладыи, ни милуйты:
 Ну, я сам Настасьиньку пацалую,
 Ну, я сам Фатеивну памилую.

Когда споют эту песню, те, которых «обыгрывали», от-дариваются, а им поется другая песня:

Ой, спасиба, сватушка,
 Ой, за твой за больший дар,
 За дарагай падарочик,
 За тваю рублёвачку,
 Ой, дай тебе, Божа,
 На сто рублей денех
 Всё старинных копеик

На сынов на хороших,
На дочок на пригожих,
На сватов тебе на богатых,
Да штоба и муж был тараватый.

«Обыгрывают» многосемейных супругов:

У варот сасонушка зилиная,
У Ивана жана маладая,
Ина са вечира у пир загуляла,
А ка палуначи двору прихадила,
Ка белу свету ина сына парадила,
Сваяво друга взвисилила,
Никалаича взвисилила.

Ни исьмён месец
Гуляить са звиздами,
Валадимир гуляить с сынывьями;
Ни бела звезда выходить са звиздами:
А она гуляить с дачирями...

Ой, Настасьинька сваяво мужа
Ина во свадибку сабирала,
А у касинку палтинку завизала,
Сваяму мужу приказала:
Ой, Андреюшка, мой дружочик,
Ой, Яковлевич, живаточик,
Ты дари игриц нищадна:
Старым бабушкам да па гривни,
А младым маладицам па палтини,
Красным девицам па рублини.

Наши девицы сваявольки:
Бяз мыла на вулицу ня ходюць,
Биз румян на шираку ни ваступюць,
Ой ходить Андрей па двару,
На нём кунья шуба да далу

Жарелья баброва по плечам.
 Ой, люди скажут, кто таков?
 Настасьинька скажит: мой сакол!
 Каба хто яму кудирьки завивал?
 Завивала ему матушка,
 В терими сидя под окном.

Вилась, повилась травушка,
 К белый берези прививалась.
 Павился, павился Андреюшка
 Ка сваёй жане Настасьиньки:
 Душанька мая, Настасьинька,
 Живаточик мая Фатеивна,
 Дала ж ба ты мне шириначку,
 Дала ж ба ты мне шалковую.
 Дружочик мой, Андреюшка,
 Живаточик мой, Якавлевич,
 Дала б тебе я шириначку,
 Дала б я тебе шалковую,
 У пир идучи — замараишь,
 С пиру идучи — патирияишь.
 Дружочик мая, Настасьинька,
 Друх мая, Фатеивна,
 У пир ишодши — пацалую;
 С пиру приду — помилую.

Муж влюблен в жену; любезничает с супругою.

Стелитца, катайтца
 Па лугам трава шалковая;
 Цалуить друх, милуить,
 Андрей жану маладую:
 Друх мая Настасьюнька,
 Друг мая Хватеивна,
 Ну, ты мне состарила,
 Биз ума млайца поставила

Похва Частыми паходами,
Ну, низками паклонами,
И тихими гаворами.
А у биселушки
Канापелька былинка,
Дробная зилёная.
У гароди стыяла,
Скланяла галовушку
На правую старонушку.
На правый старонушки
Угодья вяликыя:
Тирима всё высокии,
Каравати тясовыи.

Девку «обыгрывают»:
Ой, ягадка красна,
Зимлиничка красна,
А патаму ина красна,
Что при горачки расла.
Дорог Ой, Анисынька вумна,
Антоновна разумна:
У батюшку вумна,
У матушку разумна:
Каму спать, пачивать
На тясовый каравати?
Владимиру Николаевичу
Со Авдотый Тимофеивный.
Разумей сусудриком минни вн —
У нас па палю, па гарохвицу,
Ходить голуб (2)
Са галубашкаю.
У голуба залатая галава,
Забот А у галубки пазалачивана.
У Андрея, Андрея жана маладая.
Я бы летам (2)

На калёсачках вазил,
 А па зимним путем
 Я на писаных санёх;
 Сани писаныи,
 А вузды низаныи,
 А коники вараныи,
 А извощички маладыи.

Я по сенюшкам хажу.
 Зямчуг на руку нижу,
 Я ка бединки спяшу:
 Ну, ни Богу малитца,
 Женихов выбирать.
 Я выбрала женишка
 Са барскаго дварца:
 Он чист и речист,
 Гаварить душа гараз;
 Носит синию паддёвку
 Маяму сердцу зладейку.

Вдову «обыгрывают»:

Пакупайся, вутушка, пакупайся;
 Стрипинися, серая, стрипинися!
 Ну, горькаё маё пакупання,
 И горямычныя маё стрипитання.
 Што майво селезнюшки дома нету:
 Ну, мой селезнюшка в атлэти,
 В атлэти — на синим мори.
 Сабирайся, Татьянашка, сабирайся,
 Снаряжайся, Симёновна, снаряжайся:
 Што горькая маё сабирания,
 Горямычныя снаряжанья!
 Што майво Митрюшки дома нету,
 Што мой Митрюшка на том свети.

Похвала «смирёной биседе»:

У нашива суседа

Смирёная биседа;

А у биседушки

Сидять гости,

Всё люди добрыи,

Гаварять ане речи,

Речь-пасловья

Поют Всё старинныя:

Атчаво ль ли наша матушка,

Матушка-Масква загаралася?

Загаралася наша матушка-Масква

Ат лихих гаспод;

Ат таво ли ат гаспадина,

Ат Нарышкиныва!

Наш Нарышкин гаспадин

Очень лихой он был,

Христиан с голоду марил.

Дорогой обычай мужа:

У чарачки у сиребренной

Залатой был вяночик;

У Прохора Иванывича

Дарагой был абычай:

Иде пьеть, иде гуляить,

Начувать двору едить:

— Ты, Хрисиньюшка Васильевна,

Разумей сустривати.

— Ой Прохорушка да Иванавич,

Ни в дасуг, сударь, стала:

Ну, сына я качаю — пирименушки чаю,

А дочку я качаю — пиряпоицу чаю.

Забота жены о подгулявшем супруге:

Ай Андреюшка-дружок

Вечор пьян-пьянёшаник пришол,

Шатайтца-валяйтца
 У Настасьиных нагах:
 Ты, Настасьюнька, разуй,
 Ты, Хватеивна, разуй!
 — Я бы рада разула
 Я ни знаю, как завуть (2),
 Па батюшки вилить (2).
 Пайду, выйду мылада
 За навья варата,
 Паслушаю малада,
 Да што люди гаварять.
 Первья люди сказали,
 Што Вандреим завуть,
 А другия гаварили,
 Што Якавлевич:
 Ти ни тот-та Андрей,
 Што па возиру гулял,
 Пралубычки прасикал,
 Белу рыбушку лавил;
 Ну, красны выканёчки —
 То Вандрейвы сыночки;
 Ну, што белыи платички —
 То Настасьины дочки.

Падгуляли супруги; муж угощает жену:
 У поли кадушичка стыяла,
 В кадушички чарнушичка гуляла.
 — Гуляй, моя чарнушичка малада,
 Пакель мая черницкая галава! —
 Прапил черник черну ризу на мяду,
 Чиставамши чарнушичку маладу.
 Сирёд двара свитёлычка стыяла,
 В свитёлычки Храсиньюшка гуляла,
 У новинькой Васильивна гуляла.
 — Гуляй, мая Храсиньючка малада,

Пакель мая Прохорова галава:

Пропил, проел ворона коня на мяду

Чиставамши Храсиньюшку маладу.

Гулянье идет до вечера, и до вечера поют пировые песни; после ужина поведут молодых кормить в другую избу два дружка и две свахи. А в общей хате, после удаления молодых, пированье продолжается за столом, как прежде.

Поют за столом песню:

Постылыя работушка, —

Гребень да стально,

А хорошия работушка —

Стакан да вино!

Смиреная биседушка,

Где батюшка пил-гулял,

За мной маладэю пасылал.

Я, маладая, замешкалася

За гусими, за либидими,

За мелкаю пташичкаю.

Мелкая пташичка

Па берюжку пахаживала,

Шалковую травушку сащипывала,

Халодную расицу прихлёбывала.

За речкаю за быстрою,

На горушке, на гаре,

Чатыре двара,

У тых-то у дворушках

Чатыри куме.

Вы, кумушки-галубушки,

Кумитися-любитися,

Любите мне...

Как закусят молодые со своею свитою, их ведут спать: свахи несут подушки, перину, дерюгу, а в руках старшего дружка его атрибут — ременная плеть.

Заставляют молодую разувать мужа: «Ну, скидывай сапог у правой ноги!» Скинет молодая сапог, а сваха скажет: «Ну, погляди, что ж ты скинула, а ни пасматрела в сапог, он ат тебе деньги схаранил, а потом всё тахта будить от тебе харанить!» Возьмет сваха из сапога деньги и отдаст невесте. «А что ета тарчить в сапоге?» Поглядят: пряник! Тут все начинают хохотать над женихом: «Ах, какой хитрый! Ничего не видя, а уж стал таитца!» Улыбнется и молодая. — «А в шархи ета што?» Из шарфа молодая вытягивает денежную бумажку: рублевку или трехрублевку: — «Вот он што делает от тебе твой... ха, ха, ха!» Смеются свахи — «Ну, молодой, ловок ты надувать жену! А подушки мы тебе ни атдадим! Выкупи!» Молодой вынимает «копеек тридцать» денег и отдает свахе. — «Нет, этого нам мало! — еще “вымётывает” жених пятиалтынный. — Ну выкуди еще дерюжку!» После окончательного выкупа сваха развяжет подушку и дерюжку, и свахи «спрятать» молодых. Молодые ложатся; дружка больший с ременным кнутом, дружка меньший, большая и меньшая свахи стоят над молодыми и пристально смотрят на них. — «Что ж ты отвернулась от молодого князя?! Тахта нильзя! — делает строгое замечание большая сваха невесте: — Ты вазьми иво, да вот как покрепчи вазьми за шейку, да абними!» А дружка больший, после увещаний со своей стороны, возьмет и «пуднёт» молодых пугою, так что они раза три перевернутся под дерюгою...

Но вот выходят молодые в сопровождении свахи и дружков; свахи во все горло орут песню:

Теперь мы апрастались,

Теперь мы развожжались!..

Мужа дома нету:

Мой муж на гароди,

У клетки, на грядки,

Висить на запятки.

Пойдет по хате «пляска» и пированье. Песни становятся все веселее, разгульнее, пойдут скакухи да плясухи. Орут бабы, что в голову взбредет, иногда совсем по вдохновению, что подскажет им веселая минута да хмелек. Баба совсем грязная и сопливая поет про чистоту и богатство. Как подхватится, как заскачет и в ладошки заплещет и заорёт:

Ах, и муж мой многа сена накосил,
Два воза навозил!

Поется песня «лиса»:

Уж ты, лиса, ты, лиса мая,
Вот и ты в лесу выскочила,
Вот мне выпужила,
Пустила печаль па пличам,
Присушила сухату к живату.
Вот и свет мая Аннушка,
А дачка была Натальюшка,
Наталья Романовна.
Долга вичира гуливала,
Сиратинушку заманивала.
Сиратина, сиратинушка,
Горька ягода рибинушка.
У стакани вино плящитца,
По стакану разливайтца (2),
Я была у том канцу,
Я видала диковинку,
Стару бабу на конику.
Вот и кум к куме в гости ходил,
Вот и кум куме шутки гаварил;
Кума шутки не залюбливала.
Ина на печь забиралася,
Черный сажий утиралася,

Тремя мылами умывалася:
А пярво немецкая,
А другая турецкья,
А третья панизовская.
Панизовскаи девушки
Нипозорныи бельмушки.
Ты, Васюта, Васютица мыя,
По загуминию хаживала;
За собой бычка важивала;
У бычка ж ни бычачий стан,
Зилянкой кахтан.

Назавтра после венца. Молодые еще спят крепким сном, а мать невесты приехала с сундуком «разбудить молодых». После приезда матери свашки загрохотят в воротах, как ворота держатся:

—О, мы ехали, ехали, насилу даехали — везем приданоя!

Домашние говорят:

— Было бы за што вас потчивать, а то у вас, можит, в сундуку кирпичу понакладина.

Между тем, молодым запоют песню «будилу». Каким бы крепким сном они ни спали, они обязательно проснутся от громкого пенья этой песни:

Привизла вам мать будилу,
Чтобы вы рана вставала!
Ты юставай, уставай, маладая,
Привизла вам мать будилу,
Штобы ты рана уставала:
То Ивану песенку
Ни одному — с Натальей;
Иде Иванушка сидить,
Там свича нинадобна:
А светить яго залатой гривной,

А светить яго полужоною.

Иванушка, ни тами ты нас,

Падари ты нас;

А ни станишь дарить —

Мы тебе станим карить!

Свашкам, которые подымали песней молодых, поднесут вина; мать родная жениха принесет им блинов; молодые кланяются в ноги матери с отцом. Сходятся все смотреть к привезенному сундуку. Женихова мать говорит: «На пятьдесят рублей побьемся об заклад, что сундук кирпичом набит». Мать невесты обижается не на шутку:

— А, сватюшка, за наша добро вы нас ишо карить! Када так, мы повезем свое добро назад — дома сгодитца.

Происходит выпивка и миролюбивое соглашение. Отца с матерью садят за посвятню, молодых в запал. Смотрят все, хороши ли молодые и как они между собою обходятся, а они друг на дружку и не глядят. Сват и сватья потчуют приезжих сватов. Поставят вина под отца и под мать и кусочки мясушка положат; те вина не пьют и мясушка не трогают. Под молодых тоже поставят вина и мяса, и они угошенья не трогают. Невестина сваха возьмет вино сватов и вино молодых и сольет в один полштоф; берегут то вино; оно полезно тем, у кого бывает родимец.

Оказывается, что приезжая сватья очень запаслива: она привезла с собою кроме сундука еще угошение. Домашний сват по этому поводу вдается в обиду: «Нешта у нас, сватья, свайва хлеба-соли ни дастигаить, што вы сваё привозитя; нам абидна показываитца». — «Нет, сватушка, мне нужна саздать сваю хлеб-соль».

За столом подаются блины. В середине обеда невестина мать, приезжая сватья, вдруг и говорит: «Вот, сва-

тушка, пьем мы, едим, а надо доглядетьца, есть ли у вас какое хозяйство, есть ли у вас, зачем нашей молодой ходить». Сват домашний с важностью ведет сватью и молодую по хлевам. Молодая дает коровам из своих рук по кусочку пирожка, овечкам, ягняткам, свиньям тоже.— «Есть ли у вас, сват, на чом поля пахать — нада лашадей даглядетьца! Гусей, курочек и тех посмотреть; молодая и птиц накормит из своих рук».

— Хозяйство вы мае видели, — скажет домашний сват,— да умеет ли ваша хозяйничать? Умеить ли ана ища по ваду хадить?

Молодая идет с ушатом к колодезю; она зачерпнет ушат воды. Мужчины чубурах тот ушат на народ, со смехом разбегаются в стороны. Три ушата, почерпнутые молодой, вылили на народ; она почерпнула и четвертый ушат, несет его и ставит в сенях. Сваха, женихова мать, накроет ушат тот шубой и рушником по шубе и скажет: «Дай Бох, чтоб ваша невеста была такая-та касматая!» Из четвертого ушата стараются всех перемочить, кого захватят в хате. Женихов отец и говорит: «Да, ваша маладая вполне может воду носить». Мать ее отвечает: «Да мая и тилегу взапреть на гору — запрягай ие хоть в тилегу». — «Благодарим, сватьюшка, мы еты-ва ни думали; нам люди вашу дочку карили, што ана вам будить ни работница».

Сейчас всех сватов и «пировых» за стол, а молодую заставляют блины печь. Загремят по сковородню железом, зазвонят, как колокольчик, и крикнут: «Ну, иди, молодая, блины печь! Пасмотрим на твоё изделие!» Наливает молодая блины. На чапельнику «ленды нацепляны». Ставит молодая блин прямо под печку. Сейчас сваха, женихова мать, и делает замечание: «Ана у вас биз памити. Када ж ета бываить, что блин пекётца пад печкаю? У нас адна кошка живёт пад печкаю.»

А то молодая насажает на блин «веникыв». Кричат: «Дура, дура, маладая! Лянька блинов каких напикла — с цвитами.» Берут блин тот и кладут под отца и мать родную невесты: «Ешь, што вам дачка настряпала!» Вдруг свекор берет стайно и начинает бить молодую по заду, приговаривая: «Чтоб блины задавались тониньки!» Молодежь мажет друга тестом. Жениху намасят блинов, поставят на воротах, да браги шайкю. Потом говорят молодой: «Ну-ка пометись! Умеишь ли ты месть?» Возьмет невеста метлу и метет от порога прямо к печи.

— Што ж вы, сватушки, хвалили нивесту: ана ни умеить месть.

— Да ана у нас и дома тахта митеть; ета штоба не выносить слов из дома.

— Ну, исполать, сватушка, умная и разумная у тебе нивестушка — ни дура!

После метения хаты снимут с молодой кисею, которою она была покрыта, когда ехала венчаться. Мать жениха понесет это покрывало в клеть. Приезжая сваха, мать невесты, говорит: «Пойдемтя, сватушки, поглядим, што у мене есть в сундуке. Как бы мене не обокрали — а то скажите, што ничего не была!» Выложит несколько холстин, рубашек, костоланчиков; «даглидятца» сват со свахою и скажут: «Ну, благодарим, свастенькя, што вы нас ни абидили, ета только вить причёт, што наша нивеста ни умеить ни шить, ни мыть, ни кросна ткать; што у нивести и добра нету: всё ана умеить, всё ана знать, и ей, слава Богу, век ни пражить дабра, што ей накладина».

— Ну, смотрите, смотрите, сватушки! — говорит самодовольно приезжая сватья.

Приезжие сват и сватья подымают к себе в гости молодых и всех гостей. На семь подвод насажают че-

ловек тридцать.

— Да, сватушка, угостишь ли ты нас? — спрашивают гости.

— Да уболаговоришь ли ты нас?

— Да хоть тридцать чилавек садись на сто лошадей — всех угащу.

Немного попировав в доме невесты, все гости едут к жениху. Поедут по деревне и гостят там у родных хозяев. Снова возвращаются, и опять женихов отец садит сваху за стол и угощает ее; сваха отказывается: «Пытались мы у тебе, сватушка, есть целый день — целый день едим». — «Да какая там, сватинья милая, наша еда!» — скромничает сват.

После ужина сваха «приказывает аб дочери»: «Ана — чилавек маладой; ана чилавек робкий; ана ни дагадайтца, куда пойдить, што делать».

— Так мы стиха ни будим, сватинья, посылать, тиха-смирна — нихто ня услышит, што работать будить.

— Миласти просим к нам хлеба-соли кушать и свашек, и дружков, штобы к нам приезжали, и маладых просим.

Начинают за воротами разводить разводы: угощают вином родных и гостей, которые собираются уезжать. «Сродствие» дает советы и приказы молодым: живитья, живитья хорошо и проч.

Молодые и сваты запрягут лошадей и едут к невестинной матери. В доме сватьи идет пляска и пирование. Под молодых и под приезжих сватов (свата и сватью) ставят стаканы с вином. Старик скажет, прикушав вина: «Ах, горькя, горькя вино — што-та ни пьетца!» А старуха на него забранится: «Да пей, пей, старая ведьма!» Старик в ответ на брань возьмет и расцелует старушку. Все торжественно крикнут: «Сладко, сладко вино! Ну, старики, поучите целоватца молодых!» Моло-

дым тоже скажут: «Горько, горько вино!» Не сразу они поцелуются — их долго томят. «Есть ли у тебе руки, маладая? Когда есть, вазьми маладого за ушки и поцелуй». Вот она решилась — взяла его за уши — и ну целовать. Все со смехом кричат: «Верим, верим, есть руки! Сладко вино!»

Село Жерелево.

Сватовство. При сватовстве имеют обыкновение сводить для объяснения жениха и невесту, «становят их на одну доску». Невеста спрашивает жениха: «По нараву я тебе?» Если жених скажет: «По нараву», родные говорят: «Ну, понаравилась. Молитесь Богу!» Наливают рюмку вина и дают ее молодым перепивать пополам; потом молодые целуются. Посядут сваты водку пить, а молодых врозь. Выпьют четверть водки отцы, побьют рука об руку и скажут: «Поладили!» Надо брать горелку на запоины. Женихов батька вылезет из-за стола, поблагодарит за хлеб-соль и уедет с женихом домой.

Запоины. Наберет водки отец жениха и поедет с сыном и с роднею к невесте. Приедут — Богу помолятся, за стол сядут и станут привезенную водку разливать. Невесту соберут и дадут ей в запал полштоф водки. «Запалом» называется особое отделение, где на возвышении около печки помещается невеста со своими товарками и подружками. Невесты и подружек ее не видно; они отделены занавесью. Дают невесте петуха жареного и пирог. Невеста поит водкою собравшихся подле нее подружек; она трогательно, со слезами на глазах, прощается с ними: «Не гневайтесь на mine, девки!» и благодарит она их за заботы: девушки прежде играли с невестой, делили с ней горе и радость, а теперь шьют на нее, собирают к свадьбе. Бабы сводят невесту с «запала»

и подводят к жениху; невеста дарит жениха, подносит ему «шарх на шею». Сводят молодых поцеловаться; опять невеста спрашивает у жениха: «Понаравилась я тебе?» — «Понаравилась,» — отвечает.—«А я тебе понравился?»

Отцу родному невеста поклонится в ноги и жалобно заголосит: «Батюшка родименький, не кинь мне ты при этом горюшку!» Сейчас поднимут молодую; будет она родным и свекору подарки подносить: свекору — ширинку; подойдет к дружку, к свату, еще к свату, а там к крестной матери и жениховой сестре и со всеми перещелуется. Обнесет невеста дарами и водкою стол, начнет ходить по хате, а потом по улице, и на улице и в хате невеста поит и дарит родных и знакомых. Садятся за ужин, становятся «студянь».

Станут «пить песни»:

1. Зеленая дубровушка,
Да некаму пашумети (2),
Зеленую звяселить.
Свет наша Мархвушка
За столикам сядела,
Ой на Иванушку глядела.
2. Канापелька былинка,
Третия залёныя.
У гароди вырысла,
Сакланы галовушку
На праву старонушку;
На правой старонушки
Каравать тисовая;
На тэй каравати
Каму спать-пачивати:
Мархвушки с Иванушкой.

3. Уставай, барыня,
Уставай, государыня:
У нас хата стоплина,
И каша ныварина,
Гости назазованы.
4. Гуркала галубушка с галубком,
Прегуркала два мароза, третий снег,
Четвертую халодную зимушку:
Смарозила дружилушку в дарози —
Быть тебе, дружилушка, в дарози;
Смарозила Мархвушку в дарози —
Быть тебе, Ивановна, в паязду.

При окончании ужина невеста подносит всем водку; ей кладут на серьги. Гости благодарят за хлеб-соль, за угощение и отправляются домой. Невеста выходит из-за стола и провожает жениха до повозки, а тот дает ей «20 капеек и хунт баранок».

Под венец собираются. Встают рано, собирают невесту. Поставят полштоф вина, умоют вином, остальную водку выпьют бабы. Приходит дружко. Ему поют девки песню:

Наша невеста гарыжданка,—
Мы тебе дружку так не выдадим:
Падай нам, дружко, палтину,
Мы тады тебе касу пакиним.

Дружко отдаёт девкам копейку и лезет на пол «у платку завизамши», надевает с себя на невесту платок, берет ее за руку; жених, появившийся тоже на полку, берет невесту за другую руку; оба они сводят невесту с полка. Дружко и мать невесты требуют друг от друга

огня. Дружко протягивает зажженную лучину или свечку через брус, а от печки туда же протягивает свой огонь сватья. Мать невесты возьмет от дружка огонь, а дружко от нее, и пойдут зажигать свечку кала Бога, т.е. подле иконы. Дружко хвалится, что «невесту выкупял».

Станут Богу молиться. За стол сядут, и станет крестная мать чесать жениху и «невестя» голову.

Предварительно спрашивается «баславення».

— Матушка Хвёдоровна, атец Иванович, баславитя маладому князю са княгиней бойну голува чисать, ка Божу суду ехать, ка венчану. Матушка Ивановна, баслави маладому князю са княгинюй бойну голува чисать, ка Божу ехать суду, ка венчану!

— Бох баславить.

— Народ привуславный, баславитя маладому князю и са княгинию ехать ка Божу суду, ка венчану!

— Бох тебе баславить.

Родная мать невесты связывает поясом молодых и говорит: «На табе, зитечик, плеть шалковую; сики па падушки, а гавари — па жанушки». Начинают родители «абаславлять» молодых; станут молодые в ноги старикам кланяться.

Невеста заголосит: «Матушка мья радимая, ни кинь ты маю галовушку, ни кинь ты маю горькую при этаму при горюшку». Выводят жениха и невесту из хаты «вонки», сажает невесту на сани молодой, возьмет невесту «на хапок» и гряк молодою на сани, посадит невесту и сам садится молодой на колени; посидит минуточку так, садится рядом, потом садится дружко. А ребята затворили ворота и просят вина: а то, говорят, не пустим. После выпивки едет поезд свободно; проехав немного, останавливается. Дружко выходит из повозки, заходит в хату и просит «отца и матирю» в гости: «Сват и сватья, милости просим в гости». Бабы де-

ревенские соберутся, «полык» откроют да под занавесь; а дружко им: «Тойтя, бабычки: я вам вина поднесу». Дружко, угостив баб, идет из хаты и бежит к повозке. Едут к церкви, дружко едет за священником и привозит его. Происходит обряд венчания. Молодые после венчания останавливаются в церковной караулке, где происходит увивание кос невесты и одевание ее в наряд молодухи. В заплетении кос некоторое участие принадлежит и жениху; дают ему положить три раза правую косу. Надевают на невесту повойник и накрывают платком. Потом сажают молодую на сани молодой; на этот раз садит ее тихохонько, хорошо.

Навстречу молодым выходит мать и отец с хлебом-солью. Кланяются им молодые в ноги. Отец и мать поднимают молодых, отдают молодой «корвигу хлеба»; молодая несет «корвигу» в хату и кладет на брус. Зажигают свечку пред иконой и сажают молодых за стол. Станут подносить вина отцу с матерью; старички морщатся: «Ах, детычки, горька горелка!» Окружающие и дружко говорят: «Старуха подсалодит горелку». И вот старуха со старичком поцелуются и начнут хвалить горелку: «Ах, салодка горелка!» Налиют стакан молодым. Надо и молодым целоваться, чтобы подсолодить горелку, да те не решаются приступить к целованью друг друга, им еще это конфузно. Отец и мать родная учат детей целоваться: «Ну, что ты смотришь, молодая, возьми мужа за «вухи» и цалуй». Взяла молодая муженька крепко за «вухи» и крепко расцеловала его. «Вылазют вонки студитца», походив на улице, соснут, и молодые приотдохнут. Начнется вечером княжой стол; молодая дарит ширинками свекора и свекрову, братьев, сестер, теток, дядек. Подходят и чужие, и чужой народ иногда дарят. Ужином оканчивается княжой стол; ложатся спать.

Назавтра свадьбы. Дружко говорит молодой: «Надо тебе, Марфа, ваду научить носить, а то ты ни узыме-ишь ваду насить». Молодая «помчить за водою», принесет воды. Мужики говорят: «Дайти-ка напитокца вады, ти сладка ана». Невеста зачерпнет карец и на народ «лив!» — те ха, ха, ха! и в сторону «пометается из хаты вонки». Потом дружко говорит: — «Ну-ка, молодая, пометись-ка хатки; мети да сор не выкидывай; мужу правды ни даказывай!» Молодая взяла веник и стала меть «сгорбатимши» да не так, как люди, а от двери. Ей кричат: «Мети к двери!» А она все делает по своему. А то возьмут соломки, кинут в казёнку и кричат: «Пустите, теленак смерз!» И много «разных шуток представляют». Уже поздно гости домой собираются, а гости запоют и закричат пьяным осипшим голосом песню:

Пара гости да дому —

Паели кони салому,

Аржаную, яравую!

И живет невестка в доме свекора и работает на свекора да на свекровью и добра наживает, спереди пузатеет, а сзади горбатеет.

Свадебныя песни:

1. Ах, ты, ябланка,
Ты, садовая,
Ты, мядовая,
Аткатилась—
Прочь ат ябланки;
Прикаталась—
К свякре матушки.
— Свикра-матушка,
Ты прими мене

Са всей радустей,
Са весёлустей.
Чей пачей на пёнушки
У дудычку играть?
Аринушка у матушки
Замуж апрашалась:
Мамушка радимая,
Атдай мне замуж!—
— Детитка радимая,
Дерюжка ня шита.—
— Матушка радимая,
После сшиишь — пришлишь.
Чей пачей на пёнушки
У дудычку играть?
Аринушка у батюшки
Замуж апрашалась.
— Батюшка радименький,
Атдай мне замуж!—
— Детитка радимая,
Шубушка ня сшита.
Батюшка радименький,
После сшиишь — пришлишь.
2. Ныпадала рыса, рыса,
На темны лиса,
На мой зилёнай сад; (2)
На ветья бумажныя,
На листьа кумачныя,
Напала грусть-тыска, пичаль,
Пичаль на майга дружка,
Каторыга я люблю,
С каторым гулять хажу,
Хажу калы речушки,
Гаварю да с милым речушки,

Тайныя славечушка:
— Дружочик мой меленьэк,
Хочу нонча я так пажить,
Биз хужэй биз славушки,
Биз балышэй дэсадушки.

3. Ох, пойду я, выйду, млада, за ворота,
Ох, раскусю я й, молыда, орешочик,
Я выну идерца!.. Ох, выну идерца,
Ох, што я выну, молыда, идерца,
Ох, запой сердца, маё злая ретивоя!
Случаю ни знаю — ох, я скучаю, сирдечка!
Голуб литаить — галубки шукаить.
Ох, палителя сизая галубка
На синия моря.
Ох, на садилась, сизая галубка.
На бел гарюч камень;
Ох, вымувалась сизая галубка
Марскёю вадою,(2)
Ох, вытиралась сизая галубка
Лендай шалковою.

Село Спас-Деменск.

Свадебный обряд. Круглый стол. Когда засватают невесту, пьют водку и чай: это называется «круглым столом». Больше 15 разных свах невесту с женихом сажает рядом, и жених то и дело подкладывает невесте баранок: «Марёха, еси! Вот ты гаварила, что я тебе ни пракармю — у нас хватить». Отец жениха начинает обносить водкою всех гостей. Делают договор, когда будут ладины, и сколько на ладины привозить водки. С ладин бывает девичник.

Ладины. Зазывают гостей, кумовьев, и продолжается пир всю ночь. «Играют» поочереди песни величаль-

ные. Гости отдаривают поющих им величальные песни: кто семеркою, кто пяточком. Гостю, одетому почище, «играют» больше. Подзывают невесту. Невеста наберет полотенце и каждому родному дарит по ручнику и каждого целует: «Давай с тобой поцелуемся!» Каждый принимает полотенце, целуется с невестой и утирается полотенцем. «Поцеловался с молодой, — скажет старик: — нябы и я помоложею». За это полотенце отдаривают деньгами: свекор даст пять рублей, кто три рубля, кто рубль; родня дальняя меньше дарит. Кончается подарками «бал», и уговариваются, когда будет свадьба. Женихов отец говорит: «Я поеду к священнику и потолкую с ним, когда прикажет быть свадьбе».

Под день свадьбы бывает девичник. Девичник. Вечером запрягают лошадей и едут в дом невесты. Стучатся в ворота невестина дома. С несколькими родными выходит сват встречать гостей. Приезжий сват вынимает графин водки. «Смехам» скажут приезжие гости: «Мы тут бугта были и заехали опять ночевать». Приезжий сват подносит встречным по рюмке и по две вина. Поздравствуются, порукаются и идут все в хату, которые приехали и которые встречали. В хате здравствуются «изнов» (снова). Встречает сваха. Зажигают свечи пред иконами, молятся Богу. Рассаживаются за стол. Сваты, женихов и невестин отец, садятся рядом. Сначала наливают вина этим сватам; они пьют рюмку пополам, целуются и говорят: «Пошли Бог всево харошива детям нашим». Дружко, который водку разносит, пьет рюмку сам за здоровье молодых, потом подзывает коренную сваху, мать невесты, наливает ей рюмку водки; та поздравляет сватов и выпивает рюмку вина со словами: «Будьте здаровы, сватушки, милыи, залотыи!» Сваха уходит, а разноска вина пойдет кругом по всей компании. Все выпьют рюмки по две, по три,

тогда женихов отец спрашивает: «Зачем приехали, надо посмотреть?» Дружко говорит: «Просите, чтоб показали, зачем приехали!» Свекор тогда кричит: «Акулька, пойди сюда, нас погляди и сама покажись!» Невеста подходит со свахою, молодою и красивою женщиною. Подойдут вдвоем и кланяются всей честной компании. Невеста называет тогда свекора: «Здравствуй, батюшка Петрович!» Наливают невесте рюмку вина; невеста не берет этой рюмки: «Выпей-ка, — говорит, — батюшка, прежде сам.» Батюшка прикушивает эту рюмку, потом дружко допивает рюмку, и свекор подает рюмку с вином невесте. Невеста, если пьет водку, сама выпьет, а то подает товаркам — девкам. Свахе подносят рюмку и подают ей «ламоть» пирога и мяса. Сваха берет гостинец и уносит его с собою за рагожу под прикрытие; невеста сидит закрытою за кулисами, как будто в чуланчике.

Идет компания, пьют вино, как и на ладинах, до тех пор, пока не вызовут невесту с дарами. Невеста выносит дары — полотенца своей ткани и дарит каждого по полотенцу; гости отдаривают невесту деньгами. Невеста опять уходит в своё место; все гости выходят с застола «как будто простуживатца»: кто на улицу, кто на двор. Несколько времени побудут на дворе, приходят в хату и садятся опять за стол, опять по своим местам, кто где сидел. Тут же идет угощение невестиного отца — подается вино и закуска. Этой закуской и выпивкой оканчивается весь пир. Богу молятся и прощаются. «На воротах» провожает невеста со свахою гостей; у невесты в руках графинчик с водкою, и все с ее рук пьют водку. Гости, отведав водки, попрощаются и уезжают в женихов дом, а невеста остается дома.

На девичнике, когда жених входит со своей дружиной, их встречают в некоторых деревнях с иконами, с

хлебом. Вся дружина идет вслед за отцом невесты к столу, где сидят вокруг стола невеста с товарками. Со сна стоит на столе увенчанная цветами, лентами и маленькими зажжонными свечами — «усхожа на люстру». Товарки поют песни.

Начинают сваты торговаться, выкупать места; просят с них девушки три рубля, а они дают то рубль с четвертью, то два с четвертью; выходят забавные препирательства, доходящие до ссоры. Отец невесты кричит: «Отдайте: ведь ему не с чего дать больше: у него сто десятин земли!» А Воробей, отец жениха, кричит: «У мене хотя сто десятин земли, а ты — мужик! Что у тебе есть, дрянь паршивая?!» Отец невесты возражает: «У мене две десятины, а я лучше тебе живу, хотя у тебе сто десятин». Воробей говорит: «Если ты будишь разговаривать, то нам недолго отсюда и отправитца. Отец невесты указывает дверь со словами: «Можите! Вот дверь! Я не держу.» Другой сват стгоряча выскакивает в сени вон; в сенях никто за ним не последовал. Он в сенях разделся. Кто-то из хозяев сказал ему как будто мимоходом: «Что-ж ты, сват? Проходи, проходи в хату!» Смягчился, взошел; сели за стол. Откупили сосну и сняли ее; поставили вино, закуску; пошла гульба, веселье, заиграла музыка. К концу девичника подали ужин, а за ужином шел разговор. Приезжий сват много ломался и кривлялся; посадили его в святой угол. Домашний сват вскрикивает: «Боже мой, что я вижу, больше половины гостей моих: одни, другие — Воробьевы. Не даром, ведь, выхваляют их, что семейство большое, и не даром один хотел два миллиона прожить за одни сутки на воробьях» — «Каким же это манером?» — спросил у свата сват-Воробей. «Поспорил бы я с одним табою. Ты бы мне сказал, что могу прожить два миллиона» — «Каким же порядком?» — «Вот каким. Состав-

вить обед на тысячу персон из воробьевых языков; вот этому я в заключение скажу, что воробьи оттого так дороги, что два миллиона можно прожить на одних воробьевых языках». — Хохот, сват стал мягче, смеется; однако, когда невеста поднесла в дар ему ручник и предложила поцеловаться: «Давай, батюшка, поцелуемся!» сват грозно сказал: «С каждой паршивой девчонкой буду визатца!» — она усмехнулась.

К венцу. Сват, женихов отец, уезжает с девичника и просит себе провожатых; невестин отец назначает провожатых из своих родных. Приезжают в дом жениха. Угощают провожатых; сажают за стол. После угощения ложатся гости спать, а сват хлопчет о лошадях. Собирают пар 5, 6; между пар встречаются и тройки. Будят приезжих гостей и тех, которых звали в поезд с лошадьми. К жениху приезжают перед светом гости и родные, которые будут ему сопутствовать. Весь женихов поезд садится за стол; идет угощение. Потом поведут жениха собирать в отдельную холодную комнату. При сборах жениха присутствует сваха и дружка; они одевают жениха в то белье, которое ему прислала невеста; одевши жениха, сваха и дружка проводят его в хату и говорят: «Молодой князь, проси в отца с матерью благославения». Выходит отец с матерью, становятся среди хаты, держа в руках хлеб и на хлебе икону. Жених кланяется прежде отцу: «Благослови, батюшка!» Потом и матери также кланяется. Встает жених и целует отца с матерью, говоря: «Простите меня!» Они говорят: «Бож тибя простить, дитя родное!»

Сажает за стол жениха, и все присадятся тут тоже. Жених садится за стол в шапке; сваха снимает с жениха шапку и берет себе под мышку. В особой чашечке приготовлен хмель и расческа. Сваха берет расческу из чашечки и чешет кудри жениха, обрызгивает его «три

раз» вином и осыпает его хмелем три раза кругом. Дружко выкупает шапку, платит денег, кто на что согласится. Потом дружко берет жениха, выводит вон из-за стола. Молятся Богу, уходят и садятся на лошадей. Лошади украшаются деревенскими косниками или стужками (маленькими акройками ситца). Едут в деревню к невесте.

Приехав в деревню, дружко останавливает свою повозку против дома невесты, а прочие разъезжают по деревне — катаются. Собираются зрители с деревни и окружают повозку жениха; жених сидит на повозке. Ему говорят: «Ни храмой ли ты? пройди!» А при женихе бывают и товарищи; все они раза три пройдутся. Потом опять садятся на повозку, а дружко один отправляется в дом невесты; находит там невесту, расплетает ей косу, выходит вон к жениху. Въезжают во двор с повозками, сколько поместится; берет дружко жениха с повозки. Стоит «публика девушек и женщин» у входа в сени. Дружко говорит: «Паигруннюшки-матушки, сами идите или нас пустите!» Крестит крестобразно патужном и говорит: «Благословитя молодого князя в тесовыя хоромы ввести». Введя жениха в хоромы, дружко говорит: «Благословитя молодому князю сужоную найтить». А невесту между тем «застанут», т.е. загородят молодые девки и бабы. Со стороны жениха ребята дюжие, хорошие, рассбывают, расстороняют девичий табор, чтоб им дойти до невесты, и платят некоторым деньги, чтоб отсторонились. Доводят жениха до невесты. Дружко берет левою рукою за правую руку невесты и с своей правой руки ее руку в правую руку жениха. Жених поведет за руку невесту. Садятся за стол. Невеста тут заплачет: «Батюшка мой родимый, ни кинь миня — можить быть, я буду нисчасная! Ни брось мине! Благодарим, батюшка, что ты ускармил

миня и успойл!»

Собираются две свахи, одна со стороны жениха, другая со стороны невесты. Головные одеяния сейчас с невесты долой, и сваха невестина обоим молодым чешет головы. Окончив чесанье, опять покрывают невесте голову, как и было у нее одето. Под ими (молодыми) положен хлеб на стол на двоих один и ложка тоже одна; подают кушанья много, а никто не ест — дело делается наскоро. После окончания беседы все вылазят вон с-за стола, молятся Богу, прощаются.

Выходят на двор, выносят квашню, становят её кверху дном, накрывают ее шубой кверху шерстью и кладут на нее сковороду кверху дном. Жених становится на сковороду и влезает на повозку. Невеста на повозке усаживается; жених сделает пример, что садится к ней, невесте, на колени и усаживается с ней рядом. Дают жениху икону, попрощаются и уезжают к венцу.

«С-под венца». Встречает молодых сваха и сват. Под воротами зажигают солому и стараются, чтоб повозка с молодыми переехала через огонь. Молодые въезжают на двор, их ссаживают с повозок; дружка ведет молодых в холодную клеть или амбар. За рюмкою вина в эту клеть приходят все гости; дружка подносит им по рюмке; тогда все выходят из клетки, дружка, сваха невестина и молодые затворяются в клетки. За дверями «публика» из молодых баб и девок играет срамные песни.

Но вот дружка знак подает, чтоб «публика» песни окончила и удалилась; с этой целью дружка воткнет гривенник в пирог и отдаст — тогда бабы уйдут.

Дружка в сопровождении свахи ведет молодых в хату. Дружка заставляет молодых кланяться в ноги отцу и матери. Дружка снимает с молодой платок, берет молодую за руку и говорит: «Ну, посмотри, какую я при-

вел молодую: хорошую, добрую или кривую?» Молятся Богу. Дружко говорит: «Надо нам молодых обогреть».

Сажая молодых за стол, угостят их вином, закускою. Пойдёт княжой стол. Подают цельный непочатый горшок каши. Кашей распорядится невестина сваха.

Невестина сваха должна знать, честная или нечестная невеста: в первом случае «вершонки» надо отдать скоту, а во втором спрятать их под навоз. Невеста, со своей стороны, три раза во время обеда откладывает кашу в тряпочку и, так как она знает про себя, то знает и про то, что нужно сделать с кашею. И сколько потом бывает нареканий на молодую, если она окажется нечестною! Всякое несчастье во дворе «присекают» к тому. Пропала свинья, лошадь. Отчего? Молодая была нечестная, а с кашей поступили неосмотрительно, неосторожно — не выбросили под навоз. Сейчас молодую бранить, сейчас свекор, свекрова и молодую бранить и на ней срывать свою злость. Дружко станет подзывать под кашу деревенскую публику: «Господа, кому наши молодые должны? подходить и всем расплотимся каший!» Тут, кто смелей, ребята, мужики подходят и жалуются: «Мне жених должен пять мер овса и четверть вина — извольте расплатитца». Дружко подносит рюмку водки и черпает ложку каши овсяной и кладет дружку прямо в «пригорши». Один уходит, а другой подходит и говорит: «Вот мне должен жених вокаркал капусты и качан ветчины; он и водку у мне занимал. Нада расплатитца». Этому дружко подносит рюмку вина, «зачерпает» ложку каши и кладет в пригорши; этот уходит. Со всеми дружко рассчитывается водкою и кашею.

Начинают составлять лошадь. Две пары дюжих пар-

ней берут себе на плечи колья, покрывают их веретем; на колья посадят верхом еще одного и въезжают в хату будто на лошади: — «Здравствуйтя, господа! конница приехала, а нам здесь назначина хватера: то извольтя ачищать ее». Это делается «зли выпивки». Дружко обращается к коннице с покорнейшею просьбою: «Господин капитан или поручик, что у нас хватера занята свадьбой, так нельзя ль праминувать — праехать вам на другую хватеру?» Мирятся на вино. Прежде угощают вином верхового. Вот вдруг упадет лошадь. «Ох, Господи, крикнет дружко: чемер забила лошадь!» Верховой просит, чтоб его лошадь полечили: «Я ехал из Быхыва до Быхыва, а конишка мая издыхала, повалилась, дай скипитару полечить ее». Сначала подносят водки задним, отчего зашевелится хвост у лошади, потом передним; лошадь поднимается. На брусу кладется «карвега хлеба». Верховой садится на лошадь и достает «карвегу»; потом делит ее со своими спутниками.

Молодые сидят за столом. Дружко выкликает: «Нет ли еще жалобщиков?» Идет ужин. Горшок каши стоит на столе. Когда доходит очередь до каши, говорят хозяйке: «Черпай кашу с четырех берегов и клади в платок». Платок с кашей, ложки связываются поясом; все это кладется в решете и становится на брус.

Дружко ведет молодых класть на постель; дружко стелит пояс и начинает молодую с женихом связывать.

Назавтра венца. Встают все гости, свои и приезжие. Дружко и хозяин будят молодых: «Молодые, молодые, не время ли вам вставать?» Молодой отвечает: «За нами дело не стоит — дай Бох час!» Дружко начинает собирать родственников, которые присутствовали на свадьбе; молодой чистой он приносит четверть, а нечистой восьмуху водки. Все гуляющие от молодой на свадьбе хвалятся: «Вот ты проспал, а наша заработала

за ночь четверть вина».

Начинают выпивать. Прежде пьет дружка сам, потом сват со сватом; сваты говорят друг другу любезности: «Здоров!»— «Здоров!» — «Вот, сват, сходились мы по совести — и вышло у нас доброе дело.» Когда сват со сватом выпьют, дружка начинает по порядку и по распоряжению хозяина подзывать гостей пить водку. Молодых подзывает отец невесты: «Милый зять, если вы друг друга любите, то выпейте от меня рюмочку пополам». Молодой начинает выпивать, если пьет, а если нет, передает рюмку с водкой невесте. Черпая стюдень, отец невесты дает молодым наставление: «Подивитесь, а не подеритесь!» Вечером устраиваются блины. Сажают за стол невестиных родных.

При появлении молодых дружка наливает стакан вина и в этот стакан вина накладёт моху, оскретков лучины. «О, колка, о, горька горелка!»— кричит дружка. Молодые начинают целоваться и целуются от трех до десяти раз.

Собираются гости домой ехать. Дружка подзывает молодых. Невеста стоит со стаканом, а молодой с графином «водки». И выкликает дружка Хавру, Матрену или еще каких-нибудь родных; те пьют горелку, целуют молодого и молодую, берут от них подарки и дарят их четвертаком или полтинником. А дружка, чтобы усилить поцелуи, распространяется насчет горькости и колкости горелки. Своим родным невеста не дает никаких подарков. Устраивается ужин, сват раскрошит мяса, и при проводе сватов, дают им кусочков мяса у ворот.

Сельцо Петросельи.

Отец жениха созывает родных, из которых избираются три свахи и дружка. Потом начинается выбор не-

весты, если она не выбрана отцом, спрашивают и мнение жениха, который отвечает: «Где Бог велит взять, своей воли не объедишь». Взяв с собою склянку водки, ковригу хлеба и кое-что мясное, отец, свахи и дружка отправляются к отцу невесты. «Та жив ты, та здоров, Петр Севастианович? Бог на помощь тебе, помогай Бог твоей работки! Ты все горшечки подельываешь?» — приветствуют отца. «Как же! Надобно чем-нибудь пробиваться; гулять хуже! Ведь двором жить, не лукошко шить. А вы, братцы, что ходите, что скажете?» — «Брат Петруха», — говорит отец жениха, — ведь теперь осень, у тебя есть товар, а у меня купец. Давай-ко, брат, породнимся! А ты (обращаясь к дружке) станови-ка склянку водки, да тащи что Бог послал: хлеб-соль заимное дело». Отец невесты сначала не молится Богу, т.е. не соглашается на сватовство, чтобы выговорить себе подарки и угощение на свадьбу. Собираются родные и соседи отца невесты, приводят невесту и, поставив на лавку, ходят вокруг, приговаривая:

Не ходи, не ходи, наше дитяtko,

Не ходи, наша милая Аннушка,

По батиной по лавочке;

Не прыгай, не прыгай,

Не резвись, не резвись

В последний день, в последний раз;

Вскачи, вскачи в панёвушку.

На что невеста отвечает: «Хочу — скачу, хочу — нет.» Тогда ей снова приговаривают:

Скачи, наша Аннушка,

Скачи, наша милая,

Скачи, наша жалкая,

Скачи, наша любезная.

Невеста спрыгивает, и соседки надевают на нее паневу. Хозяйка застилает стол, ставит ковригу хлеба и

полную солонку соли; хозяин же зажигает свечу перед иконами. Все молятся Богу, целуются, взяв друг друга сначала за руки, потом пола об полу и меняются хлебом-солью. Между тем созываются подружки невесты; хозяин сажает отца жениха и всех его родных за стол и потчует гостей. В это время подружки невесты поют песни.

Присутствующие повторяют: благослови нас Господи! Затем близкая родственница подносит будущим свекру, свекрови и жениховым родственникам дары. Сама же невеста, обвив стакан ручником, обносит вином их, приговаривая: «Батюшка (такой то), малый мой дар прими, а большого подожди». Каждый, выпив вино, целует невесту, утирается ручником и кладет в стакан деньги.

В назначенный день все собираются к отцу жениха на вечеруху; гостей сажают по старшинству и поят вином и полпивом. Потом все отправляются к невестинному двору, ворота которого запираются. Дружко подходит к окну и просится переночевать; подружки отвечают:

Не стой, доля, под окном,

Иди, доля, в избу,

Сядь, доля, в куту,

Дай счастье сироте.

Чего вы, сваты, опоздали,

Ай сани поломали.

Отпирают ворота, и дружко отдает пирог и склянку вина; за ним входят свахи с лукошком пирогов, кошельком с мясным и боченком вина. За ними приходят остальные родственники и гости жениха, которых угощают вином и пивом. В то же время подружки невесты поют и обыгрывают сватов:

Ай лели, ай лели!

Пойдем-ка мы рядом.
По богатым сватам,
Того, сего мимо,
А Федю зацепим.
Он за столом сидит, чванится,
Своей женой хвалится:
Моя-то жена умнешенька,
Она прядет тонешенько,
А тачит частешенько,
Выбелит белешенько;
Сошьет рубашечку в четыре полотнища,

С долгими рукавами, широкими полянами и проч.

Дружко дарит невесту, которая со своей стороны посылает подарок жениху. Вечеруха оканчивается ужином. При разъезде родственников жениха их провожают песнью:

Пора, сваты, до дому,
Поели кони салому:
Оржаную-кривую,
Ячную-смачную,
Пшеничную-пышную.

На другой день утром родные и соседи собираются у женихова отца. Сваха с дружкой месит каравай и, поливая тесто вином и пивом, приговаривают: «Благослови нам Господи, Спас милостивый, Козьма и Демьян, на Филатушкину свадьбу спечь каравай высокий, веселый». Когда каравай поспеет, дружка вскакивает на печку, оттуда на загнетку, целуется со свахой и вместе с нею вынимает каравай из печи. Покрыв его ручником, ставят на стол и молятся Богу.

Потом одевают жениха, застилают стол, кладут все платье жениха, перевязанное поясом, на рогожке, зажигают лампаду перед образами и молятся Богу. После чего дружка, поклонясь на четыре стороны, говорит:

«Народ Божий, народ православный и весь мир крещеный, благословите молодого князя к Божьему суду и к венчанью, в светлое платье одеть и буйную голову рыбьим гребешком расчесать.» Присутствующие отвечают: «Бог благословит, Бог благословит». Дружко окропляет богоявленскою водою платье и лошадей для поезда и одевает жениха. Между тем сваха расстилает под иконами шубу и сажает на неё жениха, за ним садятся вокруг стола поезжане: дружко, подженичник, подшاپочник, три свахи и трое поезжан. Сваха расчесывает жениху голову, масля её коровьим маслом и посыпая хмелем. Затем дружко, подав отцу образ, а матери хлеб, соль, выводит жениха из-за стола и ставит среди избы. Положа три земных поклона, жених подходит к родителям с следующими словами: «Государь ты мой, родимый батюшка, и государыня моя, родимая матушка, не давайте мне ни злата, ни серебра, а дайте благословение на Божий суд идти к венчанию». Отец и мать благословляют сына, говоря: «Дай тебе Господи и долю, и счастье, и доброе здоровье»; а присутствующие приговаривают: «Дай Боже нашему молодому князю счастье, богатство; что в Москве на торгу, то чтобы было у него в дому». После благословения снова садятся за стол, а дружко, заткнув топор за пояс и взяв кнут, три раза обегает по лавкам стол, приговаривая: «Старых всех порублю, а молодых в полон возьму». Когда он садится подле жениха, отец подносит им по стакану водки и ковшу браги, а женщины поют песни. Потом еще раз помолясь Богу и простясь с родителями, жених с поезжанами отправляются за невестою, которую благословляют точно так же.

После венца едут в дом жениха, родители жениха встречают молодых у ворот, целуют и ведут в избу; мать, разослав шубу под иконами, сажает на нее моло-

дых. Затем разносят вино, пьют здоровье молодых и поздравляют родителей; девушки поют и обыгрывают сватов. Когда приезжают вечерние, т.е. родные молодой, родственники молодого выбегают к ним навстречу со словами: «Та жив ты, сватушка, та жива ты, сватьяшка, та жив ты, наш родненький, милый гостек; покорно просим в отцовский дом хлеба-соли кушать и что Бог послал». Когда вечерние входят в избу, молодки кричат: «Сват ты наш, сватушка, та густа капуста, та велик горшок каши, та много у тебя браги? Наши сваты всю брагу попили». Гости дарят невесту, потом начинается угощение.

На другой день утром сначала заставляют молодую мести хату, приговаривая: «Хату мети чисто, а сору вон не выноси», а потом печь блины. Гости завтракают и опохмеляются. Потом дружка с молодой отправляются по воду, парни и ребяташки не дают им принести воды, молодой выносит им склянку вина, потчует их и просит оставить его молодой. Воду вносят в избу, и сваха покрывает ушат полотенцем, которое делается собственностью дружка. Потом свекровь приносит кудельку волны и заставляя молодую прясть: свахи начинают при этом плясать и петь.

6. Крестьянская свадьба в Мещовском уезде.

Отец, желающий женить сына своего, засылает в известный ему дом, где есть невеста, сваху. Сваха, пришедши в этот дом и помолившись у порога избы, заводит с матерью невесты речь издалека и мало-помалу переходит к цели своего посещения. Тогда мать невесты, если ей рекомендующийся жених по душе, объявляет свахе, что она посоветуется со своими родственниками

и знакомыми и не замедлит уведомить её о последствиях совещания. Но если матери невесты предлагаемая партия не нравится, она будет говорить свахе, что дочь ее еще молода, что для неё еще не настало время думать о замужестве и проч. Подобные слова означают отказ, и в таком случае всякое красноречие свахи для того, чтобы склонить мать на свою сторону, останется бесполезным. Иногда сватовство производится самою матерью жениха.

В первом случае мать невесты, отпустив сваху, устраивает домашнее совещание; на домашнем совещании родные и знакомые решают участь невесты.

Назначается день помолвки. В этот день в доме невесты съезжаются гости с обеих сторон, а со стороны жениха родители его, сваха и один холостой парень. Посадив гостей, родители невесты просят у жениха выговор, т.е. жених должен дать на приданое денег; обыкновенно в таком случае дают 35 до 70 рублей, смотря по состоянию жениха. Сверх того жених обязан купить для невесты сапоги или коты. По заключении этого договора и по получении родителями невесты условленной суммы сполна или задатка, выводят невесту, благословляют обоих, и, по желанию им счастья в предстоящем супружестве, начинается пир. Жених и невеста угощаются отдельно от прочих, иногда даже в особой горнице. Парень, приехавший с женихом, распоряжается при угощении и подносит вино. Так оканчивается помолвка, известная под названием ладов.

После помолвки жених ежедневно посещает свою невесту и приводит с собою товарищей. Таким образом каждый день составляются крестьянские вечеринки, на которых затеваются разные игры, поются величания жениху и невесте, а иногда водятся и хороводы. За похвалы, которые поются в песнях, жених обязан,

не только от себя, но и за невесту, благодарить девушек, давая им мелкие монеты, в противном случае девушки начнут порицать его в песнях. Жениха порицают и тогда еще, когда он дарит менее нежели сколько бы мог или сколько от него ожидали. На вечеринках бывают и родные жениха. В таком случае по требованию их, жениху и невесте часто приходится исполнять известные церемонии при поднесении гостям вина.

В некоторых селениях, за четыре или за пять дней до свадьбы, жених посылает невесте полведра вина. По получении такого гостинца ставят на двор шест с привязанным на конце платком: это сигнал для приема гостей. Крестьяне всего селения отправляются поздравлять невесту и приносят с собою хлеб-соль.

Накануне свадьбы бывает курник. Курник означает круглый пирог, украшенный елками, цветами, вензелями и разными изображениями и приготовленный матерью невесты. Жених, с своей стороны, посылает в дом невесты с свахой тоже пирог, штоф вина и мяса, а иногда живого петуха, невеста же завертывает в ручник для жениха пару пряников. В день перед свадьбою не бывает никаких увеселений и жених не посещает невесты. С наступлением же следующего дня он навещает невесту, чтобы она готовилась к венцу. Получив это извещение, родители невесты раскладывают на скамье вывороченную нагольную шубу, на которую сажают невесту, и начинают одевать к венцу. При одевании соблюдаются известные приметы, как например, в сапоги или башмаки, кладут под пятку серебряные или медные деньги для того, чтобы невеста не знала нужды и бедности замужем. Обувь на правую ногу невесты надевает шапочник (шафер), в знак любви будущих супругов. В видах желанья счастья для своей дочери, родители невесты приглашают какую-нибудь женщину, любимую и уважае-

мую своим мужем, и просят вложить серьги в уши невесты: невеста будет наслаждаться такою же тихою и приятно семейною жизнью, как и женщина, надевающая ей серьги. Та же женщина снабжает невесту своим подвенечным платьем — также в знак будущего благополучия. Во все время одевания невеста должна оплакивать свою девическую жизнь.

Когда невеста одета, шапочник едет с извещением об этом к жениху. Жених, помолившись Богу и получив благословение от родителей, отправляется к невесте звать её в церковь. Его сопровождает целый поезд, в котором участвуют дружка, дядька (посаженный отец), два поддружья и сваха. Последняя, с повязанным на голове полотенцем и с черным гайтаном на шее, сидит на особой лошади с семилетним мальчиком, называемым блюдником. Поезд на двух или трех санях или телегах подъезжает к дому невесты. дружка стучит в ворота и вызывает хозяина следующими словами: «Хозяин, а хозяин! У тае, слышь, фатера наймається; пусти, слышь, покормить лошадей.» — «Что ты стучишь тамо, как угорелый, — отвечает тот, — у меня харчевня что ль, аль постоялый двор? Бають, что фатера здесь не наймається; отваливай скорей от двора, а то худо тае будет». После такого отказа, поезд катается по деревне и, сделав два оборота, снова приезжает к дому невесты, но и на этот раз отец последней непременно откажет приехавшим. По приезде в третий раз, дружка, стуча в ворота, говорит: «Сват, а сват! Пусти охотников на задворок, заяц, слышь, наторил (наследил) обапол твоих ворот и махнул к тае в сарай; пустишь что ль поймать его, аль нет?» — «Ну ступай, какой тамо тае заяц надобить». Под именем зайца разумеют невесту, которую жених должен найти, потому что в это время она бывает

спрятана.

По заплетении косы накидывают на невесту полотенце, с которым она и должна венчаться, потом родители благославляют дочь свою, причем последняя говорит: «Родимый батюшка и родимая матушка!» или «Богоданный батюшка и богоданная матушка!»; если за смертью родителей благословляют крестные, то — «Не прошу у вас ни злата, ни серебра, но прошу Божия и вашего благословения на веки не рушима». После благословения сажают невесту в сани или телегу свахи, и поезд отправляется к церкви. Если невеста прежде жениха взялась за скобу двери на паперти, а потом первая стала на подножье, то это верный знак, что муж будет у неё в повиновении. После венчания молодые отправляются каждый в дом своих родителей.

В доме молодого сваха, после нескольких припеваний, говорит: «Мир вам добрые люди! Благословите нас ехать, по суженую ехать, суженую домой брать». Отправляются за молодой; в поезде участвуют те же лица, которые были со стороны жениха в церкви при бракосочетании. По приезде новобрачного и всех сопровождавших его лиц в дом молодой, девушки начинают петь величания, сперва новобрачным, а потом и прочим гостям, начиная со свах.

После величаний связывают молодых подпояской в знак того, что они должны любить друг друга и жить дружно. Тут теща, положив грош перед своим зятем, говорит: «Вот тае, дитё, рупь: поставь клеть, купи плетль и учи свою жонку, не для людей, а для себя». Затем, накрыв дружку полотенцем, подают ему хлеб, который он разрезывает пополам.

Потом сваха выходит на улицу; возвратившись, развязывает молодых и сама перевязывается подпояской с правого плеча на левое. Между тем новобрачный под-

носит дружке рюмку вина, а новобрачная дарит ему полотенце, дружко завертывает разрезанный им хлеб, в замен которого оставляет привезенный с собою. Затем он выводит молодых и, остановясь на крыльце, начинает петь:

Выглянь, выглянь, матка,
Из косящета окна.

Отпускаешь, отпускаешь, матка,

Слугу верного, посла скорого,

Посла скорого, неотговорного.

Не начайся, моя мать,

Ни на снох, ни сыновьев,—

Затворяй ворота крепче.

Не успела мать ворот запереть,

Понесли кони, ровно ветры буйные,

Унесли кони, ветры буйные,

С широка двора Аннушку.

Осталась мать

Кукушкой куковать.

За ним продолжает сваха:

Слуги мои, слуги верные,

Слуги верные, молодые кучера!

Вы подите, заложите

Тройку вороных коней.

А когда все усядутся в сани, то поют хором:

Закладайте нам карету,

Сядем с дружкой и поедем.

Едит дружко в поле,

Где спрашивает про любовь:

Какова есть, поленько,

Какова в свете любовь?

Горяча, дружко, любовь,—

Вся слезами излита.

Я слугам своим не верю,

Писать писем не умею,
 Напишу дружку слезами
 И пошлю я со дружьями,
 С теми со дружьями,—
 С буйными ветрами.
 Ветер носит, подувает:
 Молодой в саду гуляет,
 Мои письма получает,
 Слово во слезах читает
 И назад их отсылает.
 Я в глаза писем не вижу,
 Верно, слуги мои верные —
 Все злодеи, все злодеи,—
 Разлучить нас захотели.
 Они тогда нас разлучат,
 Когда во гроб нас положат
 И песком желтым засыплют.

Песня поется в то время, как поезд катается по деревне; когда же он подъезжает к дому, то сваха встречает молодых песнью.

В избе встречает молодых отец с иконою, а мать с хлебом-солью. Молодые кланяются в ноги родителям, которые их благословляют, и потом садятся за стол, чтобы дожидаться ранних. Под именем ранних разумеются родственники молодой, приехавшие на свадьбу. Пока молодые ждут ранних, девушки, заблаговременно приглашенные, поют песни.

По приезде ранних начинается пир, во время которого круговая чаша беспрестанно переходит из рук в руки.

На другой день после свадьбы приезжают проведать молодых родственники и знакомые, при чем молодой раздает подарки приезжающим. Опять начинается пир. Молодые должны исполнить последний свадебный

обычай, а именно: они отправляются доставать из колодезя на улице воду. В это время к колодезю сбегаются холостые и женатые, девушки и женщины и выливают из бадьи воду до тех пор, пока не угостят их вином.

7. Сватовство.

Когда невеста сходитя с женихом на улице, то жених спрашивает невесту, согласна ли она идти за него замуж. Невеста в случае согласия отвечает: «Я согласна с удовольствием идти за вас замуж».

Невеста приходит к своим родителям, «обрящает», т.е. сообщает о предложении жениха, а жених посылает своих родителей в сваты.

«Выходят» родители жениха и сам жених к невесте.

— Здравствуйте! Мы пришли к вам в гости. Наслыхаим, что у вас есть барышня. Снегу не было бы — и следу не было! Гаспоть подал нам снегу — и подпал к вам следочек.— Желаем вашу барышню пасматреть.

Посмотрели барышню — всем она понравилась. Спрашивают у родителей ее, согласны ли они отдать ее, а те у своей барышни спрашивают:

— Согласны ли вы за него итить?

Невеста к своим родителям обратилась:

— Я всем сердцем за него иду.

Тогда они сами собою (жених и невеста) вышли в особенную комнату, «аны сами собою успросились»; жених спросил: «Согласны ли вы за мене итти, барышня?» Невеста отвечает: «Я очень согласна, даже не нашла себе парубка луччи вас».

Невестины мать и отец прилог прикладывают, что луччи парубка (т.е. парня, жениха) не найти; женихова мать и отец, что луччи невесты не найти.

Тогда родители и говорят: «Ну, дети, вы согласны ли? Можно ли нам таперь делать образованию?» Втада (тогда) дети отвечают: «Больши делать нечива! Делайте образованию». Женихов родитель и спрашивает: «Сваты (сваты ли будитя вы или люди добрыи), сколько нарядов вы дадите барышни, сколько вы ее убири-тя?»

Невестина мать и папаша отвечают, что мы ни с богатой руки: мы ей четыре одежины отдаем — больши ня хватает в нас силы справить.

Женихов отец и мать отвечают: «Ежели нам Гаспоть даст всево хорошава, тада можим ей прибавить сами».

Происходит соглашение между родителями: «Давайте тяперь по рукам бить и Богу молитца.»

Помолились Богу, благословили своих детей, невесту и жениха; тогда сели «трипезовать», гулять — «пошли в них разные гостинцы, вины-напитки; отгуляли аны, таперича вылазют все на прощени и провожают своих гостей и очень радасна. Праводили их да дому. Тада же жиних приглашает невестинова отца с матерю и какие есть родные к себе в гости погулять».

Затем происходит осмотр двора жениха родителями и родными невесты. Собрались все невестины родные и поехали до свата. Их сват встретил и принял очень хорошо; и просит он свата: «Сватушка, пасматритя нашу создания». Пошли в горницу смотреть его жительства. Потом их сват повел в амбар: «Пасматритя, что в мине в амбари припасшона». Посмотрели — всего достаточно. «Слава Богу, — говорят, — можно проживать!» Тогда невестин папаша говорит: «Посмотрим наших коников!» Пошли по хлевам, по конюшням; все понравилсь, и говорит свату невестин папаша: «Все хорошо, слава Богу! кушать — есть что; пить — есть что; жить — есть в чём; есть на чём выехать; нашей дочке

жить можно!».

А зять приглашает всех за стол «на гуляние». Сели за стол, «пошли у них трапеза, гуляние, вины и закуски разные».

Вылезают вон из-за стола; бабы песню поют:

Прапилась галовушка!

Што прапил, што праел

Родный батюшка.

Прапилась и свалилась.

Што свалёмши маи галовушка,

То свалёмши,

Крепка снула...

Што праснумши мая галовушка,

То праснумши.

Тада схватилась и схватиласи;

Што схватёмши то схватёмши:

— «Ни отдавай мне, батюшка, младу замуж:

Ни кидайся, батюшка, на багатства —

Мне не с багатством жить —

Мне жить с человеком:

С человеком са советам,

Ни са советам, а са любовью...

Поется также песня «висёлая биседушка, где батюшка поёт»; поется и следующая песня разбойничьего содержания:

Собралось нас усов дивяноста маладцов.

Как адин там был усища-атаманища;

Стал приказывати:

Вы придете к хазяину, вы приздравьта яго:

Уж ты, багатый хазяин,

Выходи-ка к нам и выноси дених нам.

Ну, хазяин пабажился:

Ни капейки дених нет.

Один малинкий мальчишка

Он прамолвалси;

Что у майво дедушки деньги есть,

У дедушки деньги есть.

Ляжать в старом сундуке,

Ляжать в старом сундуке,

Аны зарыты у муке...

Едут к венцу. Собираются поезде у жениха, собирается весь поезд: дружко, поддружья, большой барень, жених, сваты схадатый. Кони запряжены. Дружко, поддружья едут впереди, жених с большим баренем за ними, а в третьей подводе едут сваты схадатаи (маладыи и сердавыи), едет сваха с чашкою, а в чашке у нея хмель.

Подъехав к невестину дому, поезд останавливается, всходят один за одним в избу, а невеста на лавке сидит, ее окружают женщины — подходит к ним дружко и поддружья и хотят невесту взять, а бабы говорят: «Не дадим — купите!» Женщины всей гурьбой защищают невесту и тогда только уступают её, когда им дадут две бутылки вина и рубль двадцать копеек денег. Женщины, задобренные подарками, говорят: «Дай Бог вам святой час!»

Дружки жениха уводят невесту за руку и сажают ее за стол с женихом; садится за стол и вся поезжанья трипезывать, и всех обносят вином.

Пойдут харчи, выпивают, закусают. Потом выходят из-за стола и обходят кругом всех коней: большой барень идет впереди всех, потом жених с невестою, а женщины за ними, они поют песни, приглашая сваху к обсеванью поезда:

Абсевай, сваха, правым хмелям.

Штоба у нашава князя

Галава ни балела,

Пахмелю ни брала.

Сваха кругом бросает хмель; мусчины шапками ловят хмель и «наздевают» потом шапки с хмелем на головы.

Потом дружко просит всех поезжан благословить молодого князя, т.е. жениха; «старые дедушки, сердavyи дядюшки, малодыи братцы и вы, игрицы-перицы, и красныи девицы, благославитя нашива князя к суду Божьиму ехать и сужиную узять и злат венец принять», те отвечают: — «Гаспоть благославляить». Когда молодые подъезжают к дому жениха, женщины поют песню:

Радавалась сердца Масковская

Видючи на неби светла месица,

Видючи младую снаху!..

Принимают в дом невесту и всю «поезжания».

За столом поют песни, в которых заключается величание или похвала всем присутствующим.

Жениха и невесту величают следующею песнею:

Ва горницы во навой,

Во кровати тисавой,

На перинах пуховых,

На падушках шелковых,

Сидел голубь,

Сидел сизай

С сиз-галубашкаю.

У голуба залатая галава,

У галубки пазалочиная.

У Микити маладая жена,

У Иванавича еще малоденькия.

Саизжались баярия,

Сдивовались Ивановый жане:

Коба ета сударушка,

Ина нам, маладцям,

Мы бы летам ее катали во калясочки.

Извознички малады,
Приударьтя па каням,
Штоба коники бяжали,
Вароныи ни дримали,
Аннушку забавляли.

Подается за обедом холодец, солонина, свежина, куряты, поросяты, гусяты. При кончении обеда подают каравай, каравай кроют ножиками, потом его маслят и закусуют им. За обедом обносят вином всю беседу. Гости, закусив, вечером отправляются домой, свата провожают до самого дома, молодые остаются одни.

Невестина отца зовут в гости на третий день. Опять подают за обедом холодец, солонину, пироги пшеничные, свежину, курят, поросят жареных и гусей. Опять новый каравай печется у женихова отца. Каравай украшается разными лепными украшениями: птичками, шишечками. Невестина мать приглашает к себе молодых в воскресенье. Теща старается угостить молодых получше и просит зятя, чтоб он остался ночевать у нее в доме с нареченною женою. Теща устает «наутрею» и готовит блины.— «Ну, дети мои, садитесь, покушайте: я вам блинков приготовила». Когда молодые покушали и поблагодарили, зять просит у тещи позволения ехать домой: «Мамаша, можно двору ехать?» А теща удерживает: «Детки, попьем чайку, тогда поедете». Когда сваты едут к невестину отцу, про них говорят: собираются в «отводное». Теща зятя угощает в «отводном».

Прежде, в старину, в давношнее время, был выговор. Невеста с жениха требовала выговор, рублей двадцать; а жених спрашивал постелю хорошую, чтобы были перины и одеялы, простины хорошие, занавеси к постели. Выговор давался по силе, по средствам: кто сколько одёлить. Теперь невесте ничего не дают, и не-

- Ой лилѣ сириди Маскѣве.
Сам гысударь яму жалывал (дарил яму сам гысударь)
Выранова каня.
Ой лилѣ вырановы каня.
Сѣ ни вучиныва.
Ой лилѣ сѣ ни вучиныва.
Сѣдильца сѣ ни сѣдлыныя.
Ой лилѣ сѣ ни сѣдлыныя.
Уздычькю сѣ ни вуздыныю.
Ой лилѣ сѣ ни вуздыныю.
Плѣтычькю сѣ ни стѣбыныю.
Ой лилѣ сѣ ни стѣбыныю.
Дарил яму батюшка сѣ Татьянаушку сѣ ни вучиныю.
Ой лилѣ сѣ ни вучиныю.
Изъездил Павлышка се стальны гырада.
Ой лилѣ се стальны гырада.
Изганял Павлушка вырановы каня.
Ой лилѣ выранова каня.
Изъсядлал сѣдлушка сѣ ни сѣдлыныя.
Ой лилѣ сѣ ни сѣдлыныя.
Измуздал вуздычькю сѣ ни муздыныю.
Ой лилѣ сѣ ни муздыныю.
Исьстябал Павлушка плѣтычькю сѣ ни стѣбыныю.
Ой лилѣ сѣ ни стѣбыныю.
Изучил Татьянаушку сѣ ни вучиныю.
Ой лилѣ сѣ ни вучиныю.
3. Ни лятай, галушка, рана под зырю,
Ни лятай, чорныя, рана под зырю.
Ня бивай, галушка, утряной расы,
Ня бивай чорныя, утряной расы.

Ни стапчи, галушка, шилкавой травы,
Ни стапчи, чорныя, шилкавой травы.
Ни езьди, мой батюшка, часта по тыргу,
Ни езьди, радимай мой, часта по тыргу.
Ни прапей, батюшка, мне мольду,
Ни прапей, радимай мой, мне мольды.
Ни прапей, батюшка, выранова (варанова) каня,
Ни прапей, радимай мой, выранова каня.

4. Пад вичирину

Пы лугам, лугам, пы зилёным лугам
Там ишли рибятушки, усю стриляють идуць.
Адин Абрамушка ни стриляить идёть.
— Што ш ты, што ш ты, Абрамушка,
ни стриляишь идёшь?

— Я ль вам, брацы, я сказывал,
Ноньчи мне каравай пякуць,
Завтри мне ка вянцу ехыць.

Ишли девки из зилёных садов,
Сами идуць да сё песни паюць,
Толька (о)дна Кытиринушка ни играить идеть,
— Што ш ты, што, Кытиринушка,
ни играишь идёшь?

— Я ли вам, сёстры маи, я ли вам сё сказывала,
Я ли вам, падружуньки, сё гаворивала;
— Ноньчи имне, ноньчи имне гылаву гладюць¹,
Завтра имне, завтра имне кы вянцу ехыць.

5. Вечеринка невесты

Свяла свяла липушка ялыми святаи,
Ападали светики тихими зарями,

1 «гылаву гладюць» — голову маслят

Пыпадали светики у русью косу, ю в алью ленту,
У тваю, Лукерьюшка, у русую косу,

Ю в алью ленту.

Сказать бы нам Лукерьюшки патиша хадити;

Насить было ключики ды ни пазванивати,

Радимыва батюшку ды ни прыбудити,

Сударыню матушку ды ни прыгнивити.

— Устань, устань, батюшка,

Праснись, мой радимай,

Ты выди-ка, мой батюшка, на нова крылечка,

Пыглиди-ка, батюшка, хрустальна стякольца,

Вонан, вон, батюшка, Хвядотушка едить,

Зави, зави, батюшка, яво х сабе у госьти,

Карьми, карьми, батюшка, ты хлебам и солью,

Паи, паи, батюшка, медам и сытою,

Приюти батюшка, ласковым словом.

6. Валють сасну с кыриня далой,
Валють её ны пахваливають,
Што сасна танка-висака.
Вядуть Алёнушку с тирима далой
Сы высокыва, сами спрашивают:
— Жалка ль табе, Алёнушка, атца с матирью?
— Вот кык жаль, ажны тошна имне.

7. Сабрала Виденьюшка¹ кырагот девак;
Пысажала Виденьюшка всех па лавычкам,
Сама села павыши усех,
Склонила галовушку панижа усех,
Речь баила патиша усех:
— Сястрицы падружуньки! ноньча мне,
Ноньча мне карабью² збирать,
А завтра мне, завтра мне ка вянцу ехать.

1 «Виденьюшка» — Евгеньюшка

2 «карабья» — сундук с пиданным

8. Лители гусюшки ни кагакнули,
Толькя (о)дна гусынюшка прыкагакнула,
Чуюмши гусынюшка хыладну зиму сы марозыми.
Ехыли баяри ни крикнули,
Толькя (о)дна Прасковьюшка приплакнула,
Чуямши лютова свёкра сы свякровью:
— Как мне быть, как мне быть,
У чужи люди идить,
Как прайтить, как прайтить
Пы чужому двару,
Как назвать, как назвать
Чужова атца батюшкью,
Чужу матирю — матушкью,
Быть пыламить волю дивичью,
Быть назвать свёкра батюшкью,
Свякру — матышкью.
9. Скукавалась кукушичка, скукавалась рябушичка:
— Кто у маём садику был пыбывал,
Хто маи гнёздушки рыскапал,
Хто маих детушак рыспужал?
Выхвалялся саловьюшка:
— Я у тваём садику был пыбывал,
Я тваи гнёздушки рыскапал,
Я тваих детушак рыспужал.
Расплакылась Дарьюшка:
— Кто у маём теримя был пыбывал,
Хто дьвери атварил,
Хто маи сундуки пыраскрыл,
Хто маи халсты рыскапал?
Выхвалялся Дименьтеюшка:
— Я у тваём теримя был пыбывал,

- Я у тваём теримя дьвери атварил,
Я тваи сундуки пыраскрыл,
Я тваи халсты рыскатал.
10. На мари утушка сыкупалыся,
Видимши силизенюшку схыранилыся
За те горы за крутыи,
За те пяски за желтыи.
В терими Хрисьтиньюшка сныряжалыся,
Видимши, видимши Тихунушку схыранилыся
За те сталы зы дубовыи,
За скатирьти шалковыи.
11. За нивестай едутъ:
Што ш ты, дуброва, дубровушка, рана зашумела?
— Как жа мне, дубровя, рана ни шумети!
Пыдашла та вада сё балотныя,
Падмыла каренья сё здоровыи.
12. Я пайду, мылада, х торгу на ярмынку.
Ой ды лилешуныки, х торгу на ярмынку.
Симянов куплю я ш три семичька,
Ой ды лилешуныки, я ш три семичька.
Первыя семичька-винныя ягытка,
Ой ды лилешуныки, винныя ягытка,
Друга семичька-винаградныя,
Ой ды лилешуныки, винаградныя.
Третья семичька - горя виликыя.
Ой ды лилешуныки, горя виликыя.
Чирис три дни я ш пайду.
Ой ды лилешуныки, я ш пайду.
У свой зилёнай сат симяна садить.
Ой ды лилешуныки, симяна садить.
Винную ягытку я пад яблынку,
Ой ды лилешуныки, я пад яблынку.

Винаградную, я пат грушицу,
Ой ды лилешуньки, я пат грушицу.
Горя виликыя я пат тын мичу.
Ой ды лилешуньки, я пат тын мичу.
Чирись три дни я ш пайду,
Ой ды лилешуньки, я ш пайду.
У свой зилёнай сат симяна глидеть,
Ой ды лилешуньки, симяна глидеть.
Винныя ягытка нюсхадимыя,
Ой ды лилешуньки, нюсхадимыя (нисхадимая).
Винаградныя — нюрадимыя,
Ой ды лилешуньки, нюрадимыя.
Горя виликыя сы тыном рамно,
Ой ды лилешуньки, сы тыном рамно.
Сы тынинкыю, с хвырастинкыю,
Ой ды лилешуньки, с хвырастинкыю.
Горя виликыя пат карень ламлю,
Ой ды лилешуньки, пыг карень ламлю.
Я за тын мичу — я канём тапчу,
Ой ды лилешуньки, я канём тапчу.
Канём ворыным — кругом ковыным.
Ой ды лилешуньки, кругом ковыным.
Ны каню сидить добрай мольдяц,
Ой ды лилешуньки, добрай мольдяц.
Добрай мольдяц — сын атечицкай,
Ой ды лилешуньки, сын атечицкай.
Сын атечицкай, съвет Стяхванушка
сын Ильиньвич.
Ой ды лилешуньки, сын Ильиньвич.
Уранил плётку, плеть шалковью, старублёвью.
Ой ды лилешуньки, стырублёвью.
Уш ты друх ты мой, ты Анисьюшка,
Ой ды лилешуньки, друх Анисьюшка.
Друх Анисьюшка, друх Симёньвна.

Ой ды лилёшуньки, друх Симёнывна,
Ты падай плётку, плеть шалковую.
Ой ды лилёшуньки, плеть шалковую.
10. Ни магу падняць, ни магу падать,
Ой ды лилёшуньки, ни магу падать.
Ни магу падать, руки заниты,
Ой ды лилёшуньки, руки заниты.
Ны руках дитё сё маё ляжить,
Ой ды лилёшуньки, сё маё ляжить.

(Вместо припева «Ой ды (да) лилёшуньки» можно петь «Ой яли яли»).

13. Кыда едут зы невестай

Ни ляжи белай зайкя ны пути ны дароги,
Ой лилё, ны пути ны дароги.
Ны лютом ны марози.
Ой лилё, ны лютом ны марози.
12. Йде баярушки едут,
Ой лилё, йде баярушки едут.
Капытами растопчуть.
Ой лилё, капытами растопчуть.
Кылясами бмарають.
Ой лилё, кылясами бмарають.
Плитьми рысьстябають.
Ой лилё, плитьми рысьстябають.
Ды кык зай Богу молить,
Ой лилё, ды кык зай Богу молить:
«Униси мине, Божа, йде пив-хмель варюць,
Ой лилё, йде пив-хмель варюць,
Йрмалаюшку женюць.
Ой лилё, Йрмалаюшку женюць».

14. Када едут с невестай к вянцу.

Ни свитёл месяц дарожунькю асьвитил.

Права, права асьвитил.
Аликсеюшка Пылагеюшку юхватил.
Права, права юхватил.
Чирис зелян сат дарожунья ляжала,
Права, права ляжала.
Чирис красныя чирис вышинья другая.
Права, права другая.
Там ехыл ли, праехыл ли Ликсеюшка ны каню,
Права, права ны каню.
Вон шапку сънял, каня зьдяржал паслухал.
Права, права паслухал.
Вон нечился кукушичька кукуить,
Права, права кукуить.
Пылагеюшка Михайльвна ва терими гарюить,
Права, права гарюить.
Ликсеюшка к Пылагеюшки скоро патскачил,
Права, права пытскачил.
Пылагеюшку за ручушку скоро юхватил,
Права, права юхватил.
Цылавал-милавал спрашивал,
Права, права спрашивал:
«Ды ну хтош табе Пылагеюшка мил дабрей,
мил дабрей,
Права, права мил дабрей (мил дабре)».
— «Ды ну мил жа имне милёшуняк батюшка,
батюшка,
Права, права батюшка, батюшка».
— «Ды ни правду ш ты, Пылагэюшка гьвариш,
гьвариш,
Права, права гьвариш.
Ды маёли ты сирьдечушка хыладишь,
хыладишь.
Права, права хыладишь, хыладишь».
Чирис зелян сат дарожунья ляжала,

Права, права ляжала.
 Чирис красныя, чирис вышинья другая,
 Права, права другая.
 Там ехыл ли, праехыл ли Ликсеюшка ны каню,
 Права, права ны каню.
 Вон шапку сънял, каня здыржал, паслушыл,
 Права, права паслушыл.
 Вон нечился кукушичькя кукуить,
 Права, права кукуить.
 Пылагёюшка Михайлыена ва теримя гарюить,
 Права, права гарюить.
 Ликсеюшка к Пылагёюшки пытскачил,
 Права, права пытскачил.
 Пылагёюшку за ручинькю скоро ухватил,
 Права, права ухватил (юхватил).
 Цылавал милавал спрашивал,
 Права, права спрашивал:
 «Ды ну хто щ табе, Пылагёюшка, мил дабре,
 мил дабре,
 Права, права мил дабрей, мил дабрей?»
 — «Мила имене ды милёщунькя матушка,
 матушка»
 Права, права матушка, матушка».
 «Ды ни правду ш ты, Пылагёюшка, гывариш,
 гывариш,
 Права, права гываришь.
 Ды маё-ли ты сирьдечушка хыладишь,
 хыладишь».
 Права, права, хыладишь».
 Чирис зелян сат дарожунькя ляжала,
 Права, права ляжала.
 Чирис красныя чирис вышинья другая, другая,
 Права, права другая.
 Там ехыл ли, праехыл ли Ликсеюшка ны каню,
 Ни ехыл ли дарожунькю асылыва

Права, права ны каню.
Вон шапку снял, каня здыржал паслушил.
Права, права паслушил.
Вон нечилси кукушичька ва садику кукуить,
Права, права кукуить.
Пылагеюшка ва теримя гарюить,
Права, права гарюить.
Аликсеюшка к Пылагеюшки сора пытскачил,
Права, права пытскачил.
Пылагеюшку за ручинькю юхватил,
Права, права юхватил.
Цылавал, милавал спрашивал,
Права, права спрашивал:
«Ды ну хто ш табе, Пылагэюшка мил дабрей,
мил дабрей,
Права, права мил дабрей?»
— «Мил имне милёхыник (милёхуник)
Ликсеюшка свет Митривич,
Права, права свет Митривич».
— «Ды правду ты, Пылагеюшка, гываришь,
гываришь,
Права, права гываришь.
Ды маё ли ты сирьдечушка висилишь,
висилишь,
Права, права висилишь».

15. После венца

Ишла ишла солнушка на пазалисью.
Ой лилё на пазалисью.
Шотьчи но, шотьчи но зыкатилисья.
Ой лилё шотьчи но зыкытилисья.
За те тучи сё за болыки (воблыки).
Ой лилё сё за болыки.
Ишла, ишла ш Праскоуюшка сё па застылью.

Ой лилѣ сѣ па застылью.
Шотьчи на, шотьчи на стынавилисья.
Ой лилѣ шотьчи на стынавилисья.
Ударила ключикыми ап дубовой стол.
Ой лилѣ ап дубовой стол.
Крикнула-гаркнула громким голысам.
Ой лилѣ громким голысам.
— Я табе, я ш табе, роднай батюшка,
Ой лилѣ радимай мой.
Я ни ключьница
Ой лилѣ я ни ключьница.
Я табе, мой родьнинькяй, ни ларечьница.
Ой лилѣ ни ларечьница.
Ключьница я чужому ащцу, чужой матери.
Ой лилѣ чужой матери.

16. Ягытка су ягыткай сыкаталыся;
Ягытка у ягытки сѣ спрашивала:
— Ягытка, Виденьюшка! ты иде была?
Ясныя Микалаивна! Ты иде была.
— Сокыл мой Хвѣдурушка, яснай мой Тихынывич,
Тваём садику.
— Ягытка Виденьюшка, што там дельла,
Ягытка, Микалаивна, што там дельла?
— Сокыл мой Хвѣдурушка! Я святы ирвала;
Яснай мой Тихынывич, юсѣ ялыя.
— Ягытка, Виденьюшка, у ва што клала,
Ягытка Микалаивна, ю во што клала?
— Сокал мой, Хвѣдурушка, тваю шапычку,
Яснай мой, тваю ялюю.
— Ягытка, Виденьюшка, каво дорила?
— Сокыл мой, Хвѣдурушка, тваво батюшку;
Яснай мой Тиханавич, тваю матушку.

17. Величальные песни

Жениху и невесте

В нас па сеням, па сеньошкам,
Пы навым синям часьтиньким,
Там хадила пагуливала мыладая баярыня,
(О)на будила, пабуживала сваяво друга мильва:
— Ты устань-ка, мой милай друх,
Прыбудися, надёжа мая,
Я скажу тибe дивушку, диваваньца виликыя:
Кык сарвался наш ворон конь
Сы сталба сы дубовыва,
Сы калечка сиребринывы.
— Ни тужи, мая вумница,
Ни гарюй, мая разумница!
Кык тада нас Бох памилываить,
Гысударь нас пажалываить,
Зывидём в саду вишинья
Са калинюю-малиною, сы чарною смародинаю.

18. Нас пад яблынкаю,
Пад садоваю, пад мядоваю
Ды два яблычка валяюцца;
Кык Иван ныд жаной виличаица:
— Ты, Грахьвенушка, разуй,
Свет Павлывна, пыцалуй!
— Я хатела, друх, разуть,
Пызабыла, как завуть.
— Ды усё люди гыварять,
Шту Иванам завуть,
Ды другия гыварять,
Усё Ильинывычам.
19. Уш ты рыбушка, рыба акунёчик,
Слатка рыбушка кырасёчик.

Ны (они) паймають ету рыбу, станут рушить,
Ны парушимши ету рыбу станут кушить.
Дыгадайся, Иванушка, дыгадайся,
Ни пускай-ка Грахьвенушку зы вароты,
Кык Калушшински рибяты выраваты,
Ны паймають Грахьвенушку, пыцалують,
Скрось тонкыя белыя пылатенцы,
Чирис низыны жирелы.
Дыгадался Иванушка, дыгадался,
Ни пустил ён Грахьвенушку зы вароты.

20. В нас ва полю, в нас ва полю рибина стаяла.
И вой яли, и вой яли рибина стаяла.
Буйны вятры, буйны вятры юставали рибину
шшатали.
И вой яли, и вой яли рибину шшатали.
Я (а) хто-ш каму, я хто-ш каму ю грамытку
пишить.
И вой яли, и вой яли ю грамытку пишить.
Я хто-ш каму, я хто-ш каму чилабетьица
пишить (пришлить).
И вой яли, и вой яли чилабетьица пришлить.
Сваей жане сваей жане Грахьвенушки
Иванушка пишить.
И вой яли, и вой яли Иванушка пишить.
Сваей жане сваей жане свет Павльвня
(Павльвни)
Ильинович пишить.
И вой яли, и вой яли Ильинович пишить.
Живи мая, живи, мая Грахьвенушка,
живи ни пичалься.
И вой яли, и вой яли живи ни пичалься.
Ю грусъ таску, ю грусъ таску ю(у)грусъ
таску ню давайся.

И вой яли, и вой яли ю(у) грусъ таску
ню давайся.
Я сам х табе, я сам х табе скоро у госьти буду.
И вой яли, и вой яли скоро у госьти буду.
Выду, выду зы вароты луга шту балоты
И вой яли, и вой яли луга шту балоты.
Гляну, гляну у чиста поля святы рысьсвятаяють.
И вой яли, и вой яли святы рысьсвитають.
Иван Ильич, Иван Ильич едить.
И вой яли, и вой яли Иван Ильич едить.
Платья на ём, платья на ём кык мак рысьсвитаить.
И вой яли, и вой яли кык мак рысьсвитаить.
Шапка на ём, шапка на ём золытам увита.
И вой яли, и вой яли золытам увита.
Вярхушичькя макушичькя блёскими убита.
И вой яли, и вой яли блёсками убита.

21. Женатому гостю

У Павла Ильинывича есь камчатныя горинка,
Лёли, лёли, лей ли-ли камчатныя горинка.
Купаресныи (не ё) лавычьки,
Лёли, лёли, лей ли-ли купаресныи лавычьки.
Сё зимчужныи коничьки.
Лёли, лёли, лей ли-ли сё зимчужныи конички.
Ю нас па сеням, па сеничкам,
Па навым синям часьтиньким,
Лёли, лёли, лей ли-ли па навым синям часьтиньким
Там хадила пагуливила
Маладая (мыладая) баярыня.
Лёли, лёли, лей ли-ли мыладая баярыня.
Лисавета Сирьгеивна.
Лёли, лёли, лей ли-ли Лисавета Сирьгеевна.
На будила-пабуживала
Сваяво друга мильва (верныва).

Лёли, лёли, лей ли-ли свьяво друга милыва.
Ты юстанья, юстанья, мой милай друх,
Прыбудися, надёжа мая,
Лёли, лёли, лей ли-ли прыбудися, надёжа мая.
Я скажу табе дивушку,
Диваванья (диваваньица) виликья,
Лёли, лёли, лей ли-ли диваваньица виликья.
Кык сарвалси (сарвался) наш ворын конь
Сы сталба сы дубовыва,
Лёли, лёли, лей ли-ли сы сталба сы дубовыва.
Сы калечкя сиребриныва.
Лёли, лёли, лей ли-ли сы калечкя сиребриныва.
Ни тужи, мая вумница,
Ни гарюй, мая разумница.
Лёли, лёли, лей ли-ли ни гарюй мая разумница.
Зывидём с табой зелян сат,
У зияном саду вышинья.
Лёли, лёли, лей ли-ли у зияном саду вышинья.
Сы (са) калиныю-малиныю,
Сы чарною смародинюю.
Лёли, лёли, лей ли-ли сы калиныю-малиныю
Сы чарною смародинюю.

22.Холостому величальная песня

Свалялись, свалялись Питреявы кудри,
Чем часать Питреявы кудри, чем масьлить
Питреявы кудри.
Кинимся, кинимся ва новьи гырада,
Купим мы, купим драбиныва масла,
Размасьлим мы, размасьлим мы Питреявы кудри.
Кинимся, мы бросимся ва новьи торги гырада,
Купим мы, купим мы гребинь-грибляшочик,
Расчешим мы, расчешим мы Питреявы кудри.
Чем свитить, чем свитить Питреявы кудри.
Кинимся-бросимся ва новьи торги гырода,

Купим мы, купим мы макава свету,
Рысьсвитим, рисьсвитим Питреявы кудри.

23. Тоже холостому

Ю нас ю гароди ничаво ни родить,
Зырадила мята, прапала ни жата.

Пайдить кы суседу сярпа пыпрасити,
Мятушку пажати, в пуки пывязати.

Ды хто ш у нас холыс, ды хто ни жанатай?

Григорьюшка холас, Сирьгеивич ни жанат,

За што ш яво девки любять, за што пычитають?

Што хорыша ходить, манерна ступаить,

Сапох ни ламаить, чулок ни мараить.

На коня садица, а конь висилица,

Ён плётгычкай машить, а конь пад им плашить.

Ён по полю едить, святы рысьсвятаяють,

На двор юзьяжаить, матушка стричаить:

— Дитель маё детитка, ужоль ныглиделся

На красных ты девак, ны маладых малодак?

— Радимыя матушка, тада ныгляжуся,

када сам жанюся.

9. Крестьянская свадьба

в Малоярославском уезде.

Родители, имеющие сына-жениха, потолковав между собою и родственниками, что парню пора жениться, и перебрав всех знакомых девушек-невест, избирают одну из них и присуждают сыну. Сваха выбирается большею частию из родни, бойкая и расторопная баба.

Сваха отправляется одна в дом невесты; как-то неловко, будто с боязнию входит в избу и, перекрестясь, раскланивается во все стороны, говоря «Бог помочь» или «спорина в руки.»—«Здравствуй, матушка (имя), — отвечает ей хозяин, — садись-ка, гостья будешь.»—

«Спасибо (имя). Не знаю уж садиться, или нет.» — «Что же, чего ж не садиться? Садись да скажи нам что хорошенькаго?»—«Не с бездельем, с дельцем пришла к вам (имя отца или матери).» При этом сваха садится.— «С каким же?» — «Да вот у вас есть товарец, а у меня купец; так как бы нам поторговаться?» Невеста в это время выходит вон из избы и, несмотря на вопрос свахи «куда бежишь?», не останавливается и не показывает вида что слышала. —«Ну матушка (имя свахи), какого же купца сулишь нам?» — «Да вот братец мой (такой-то) хочет посватать дочку-то вашу за сынка, так и просили сходить к вам. Что скажете?» — «Надо подумать об этом: дело такое, минутой не обдумаешь». — «Как не подумать, подумать надо. Когда же, скажите мне, на ответ-то?» — «Ну, побывай через денька два, три; подумаем, посоветуемся с родными, у девки спросим. Побывай, побывай».

Сваха прощается и уходит. В назначенный день она снова является уже за окончательным решением, и если отец, мать и невеста согласны, то предлагаются со стороны их условия, сколько жених должен дать кладки, и если родители жениха будут согласны, то чтобы приходили на запой. Сваха отправляется в дом жениха и передает там условия, и если родители жениха соглашаются, то посылают сваху обратно и назначают день запоя.

В этот день отец и мать жениха отправляются в дом невесты (куда приглашается как почетный гость староста деревни) и, помолясь Богу, выпивают по стакану вина вместе с хозяевами, называя друг друга сватушком и сватьюшкой. В этот день назначают время свадьбы, которая иногда бывает через год после запоя.

Если невеста имеет отца и мать, то за неделю до свадьбы, а неимеющая отца и матери недели за две на-

чинает выть.

Каждое утро и каждый вечер она садится у стола и, склоня голову на руку, плачет с причитаньем. Подруги ее, услышав голос, сбегаются к ней на подмогу и, обнимая ее поочередно, причитают с ней.

В продолжение этой же недели подруги живут у невесты и помогают приготовить приданое, т.е. занимаются шитьем и большею частью подстрачиванием утиральников. Невеста в последнее время носит траур, т.е. темный сарафан и белый платок на голове.

Накануне свадьбы утром топят баню, куда подруги невесты ведут ее с песнями. По выходе из бани невеста кланяется отцу и матери и подругам с следующими словами:

Спасибо тебе, родимый батюшка,
На жаркой на банюшке;
А тебе, родимая матушка,
На легком пару:
И вам, милые подруженьки,
На мягком на веничке.

Затем садится она на лавку к столу и начинает петь.
Ходила я, горькая,
Во теплую банюшку,
Смывала я, несчастная,
Девичью красоту.

Девушки же, между тем, ее величают разными песнями.

Истощив запас песен, девушки начинают унимать невесту от рыданий, приводя ей в резон, что скоро начнется вечер.

Невеста уходит одеваться. В это время делают приготовления к вечеру, т.е. накрывается стол и прибирается изба. Вскоре приходит отец и мать жениха с родными, исключая сына, и приносят с собою выговорен-

ные вино и закуски; и тут уже начинается попойка. Когда вино свекра выпьется, то отец и мать невесты приносят своего и начинают угощать так: отец невесты с штофом, мать со стаканом, а невеста с подарками. Они обходят всех родных жениха и дарят рушниками, холстом, платками и т.п. Невеста, одарив и угостив всех, уходит к себе и начинает снова плакать, припевая:

Пропил меня родимый батюшка,

На винной чарочке,

Проела меня родимая матушка

На сладком пряничке.

Открасовалась я во красных девушках.

Выпивши и поевши, отец, мать и родные жениха уходят домой. Место их занимает жених с своими товарищами, они приносят с собой орехов и пряников. Жених садится в переднем углу, рядом с невестой, и по его сторону садятся парни, а по сторону невесты девушки. Посторонние же зрители, не участвующие в церемонии, поют песни.

Посидев, жених с товарищами уходят, а девушки остаются ночевать с невестой.

На другой день утром невеста по обыкновению плачет; если же нет у нее ни отца, ни матери, то она идет на погост, сопровождаемая подругами, и, пав на могилу отцу, причитает:

Расступися, мать сыра земля,

Ты откройся, гробовая доска,

Встрепенись, родимый батюшка,

Благослови меня великим благословеньцем.

То же самое причитается и на могиле матери.

В это же утро кто-нибудь из жениховых родных приносит невесте кладку.

Возвратясь с кладбища, девушки готовят не-

весту к венцу.

Одетая невеста входит в общую избу, где все уже готово к благословению. Невеста, рыдая и причитая: «благослови меня родимый батюшка своим великим благословеньцем в чужие людюшки,» кланяется в ноги отцу. Точно так же она подходит ко всем родным, не исключая и малых детей, кланяется и просит благословения. После благословения сажают ее за стол, а она причитает:

Не спускай меня, родный батюшка,

Со широкаго подворьяца;

Уж тебе ль, родимый батюшка, не слуга была.

А тебе, родима матушка, посол вольный.

Подле невесты, на место жениха, садится невестин брат или ближайший родственник, вооруженный половником или веселком (чем мешают тесто), и дожидается жениха, чтобы продать ему сестрину косу. Около невесты садятся две родственницы-женщины, по большей части сестры родные или двоюродные; и с этих пор постоянно уже бывают при невесте, потому, вероятно, и называются «глазки». Сидя около невесты, они держат в руках по блюду. В одном лежит ломоть хлеба и две ложки, а в другом, гребень, зеркало, платок и повойник. Блюда завязаны платками, концами вниз.

Является жених с дружкой, свахой и некоторыми из родных. Выезжая из дому, все поезжане размещаются в известном порядке, так, в первой повозке дружка, сваха и жених, в остальных родные, смотря по степени родства, в последней же телеге ставится сундук, в котором заключается вино, пиво, хлеб и разные съестные припасы; кучер на последней повозке называется кормовой. При входе в дом невесты, все молятся Богу и раскланиваются на все стороны

дружко же обращается к продающему косу, чтобы тот уступил место жениху; продающий, помахивая оружием, сперва не соглашается, но мелкая серебряная монета, даваемая ему женихом, оканчивает переговоры, и жених занимает свое место. Жених и все поезжане садятся по сторону невесты не прямо, а обходят по лавке с той стороны, где сидят родные невесты. Обычай этот соблюдается почти везде и непременно. Начинается потчеванье, в котором жених и невеста не участвуют; они сидят, понутив голову, не говоря ни слова и не смея взглянуть в сторону. Потом все встают, молятся Богу и отправляются в церковь. Невеста с женихом в некоторых деревнях садятся вместе, в иных же порознь. Для поезда запрягаются лучшие телеги, на дуги навязываются колокольчики, бубенчики, разноцветные платки.

Между тем как совершается брак, кормовой подъезжает к церкви, где обступают его крестьяне и требуют околишной. Кормовой удовлетворяет их из сундука, и, смотря по содержанию этого сундука, крестьяне остаются иногда довольными, иногда и нет.

После венца, в церкви, где-нибудь в уголке молодой и все родные обступают молодую, а глазки заплетают ей волосы на две косы и надевают повойник. Молодая же, между тем, сидит, закрывши лицо руками и изредка только открывает его, чтобы удовлетворить требованиям глазков. Она должна, например, посмотреться в зеркало и поправить на себе повойник; в противном случае век будет ходить кривошлыкою. Потом должна посмотреться в зеркало в одно время с женихом, при чем их спрашивают, «кого они видят?» Молодой должен назвать по имени свою жену, а жена мужа. Бывает, говорят, что застенчивая ново-

брачная не может при этом произнести имени мужа и тогда долго и в замужестве не называет его по имени. Случалось, что под старость, прожив десятки лет замужем, жена начинает называть мужа по имени.

Возвратясь из церкви в дом жениха, молодых отводят в особую избу и при них остаются дружка, сваха и глазки; гости же сидят в другой горнице. В это время родные невесты приносят ее приданое: дерюгу, сундук и подушку. Дорогой приданое несут непременно таким образом: два крестьянина, обвязав веревкой сундук, поддевают его на шест; на другом же шесте привязываются дерюга и подушка. Носильщики называются дерюжниками. Они останавливаются у крыльца, ожидая встречи и распевая песни. Родные невесты выходят к ним с вином, угощают каждого и приглашают обедать. Приданое относится в ту избу, где сидят молодые. Отобедав, дерюжники возвращаются домой, и если их хорошо угостили, то они собирают со стола ложки, навязывают вместе на шест, который сверх того украшен красным платком, и так идут с песнями и пляской.

Молодой в то же время отправляется в дом невесты, где останавливается у крыльца, ожидая встречи. При входе молодой подносит теще пряник, теща же дает молодому холст, чтобы он отнес дочери ее в подарок. Молодой приглашает к себе тестя и тещу и уходит домой, где его встречают отец, мать и жена, которой он тут же и передает подарок матери.

С возвращением жениха и с приходом тестя и тещи пир продолжается до той поры, когда молодых отводят в клеть.

Утром чуть свет дружка стучит в дверь клетки, спрашивая молодого, не хочет ли он пить, и если молодой доволен своею судьбою, то просит пить, если нет, отказывается.

Свадебные песни Малоярославского уезда.

1. Что летел сокол из Новагорода,
А другой летел из Киева,
А третий летел из каменной Москвы.
Они крылушками машут: «Отворяй ворота!»
Федосья по сенишкам похаживает:
«Бояре, вы бояре, вы Федотовны!
Станьте, бояре, вы к одной стороне!
Слушайте, бояре, что я буду говорить:
Сулил мне батюшка семь городов,
Повыдавши, батюшка,— нет ничего».
2. Накануне свадьбы, на девичнике, в доме невесты
ставят на стол елку, обвешанную лентами, шелком и
свечами, и поют:
(если невеста сирота)
Уж ты ель моя, елушка,
Золотая сосенушка!
Все ли на тебе сучки веточки?
Все ли не тебе верхушечки,
Золотые макушечки?»
— Все на мне сучки веточки,
Одного сучка только нетути,—
Самой верхушечки,
Золотой макушечки».
— «Ты Федосья Никифоровна!
Все ли у тебя гости собраны?
Все ли они у тебя посажены?»
— Все у меня гости собраны,
Все они у меня посажены.
Одного гостя нетути,

Что родимой матушки.

3. Ай на море утушка умывалася,
Свет серая полоскалася,
Что чернилами начернилася,
Что смуглилами насмуглилася.
В тереме девушка полоскалася,
Свет красная полоскалася,
Что белилами набелилася,
Что румянами нарумянилася,
Нарумянившись, слезно плакала,
По новым сеням похаживала:
«А и свет-то мои, сени новья,
Сени новья с переходами!
А и свет-то моя, воля вольная,
Воля вольная, нега матушкина!
А и свет-то мой, соловей в саду,
Соловей в саду, — он рано вставал,
Он рано вставал, голосисто певал,
Голосисто певал, меня младу разбуджал».

11. Средства от порчи новобрачных.

Идя к венчанию, жених, невеста и все провожающие их, подвязывают филейные черного цвета пояса для того, чтобы их не испортил колдун.

Перед венчанием жених и невеста вешают на нательный крест бумагу с написанной на ней молитвой «Да воскреснет Бог» для того, чтобы их колдун не испортил.

В первый день бракосочетания новобрачных, с утра и до отхода их ко сну, в спальне их оставляют на все

время женщину, пользующуюся доверием, для караула, чтобы кто-нибудь из любопытных, приходящих в этот день смотреть убранство спальни, не мог бы подкинуть какого-либо заколдованного предмета для порчи новобрачных — из мести к ним.

12. Крестьянская свадьба в Тарусском уезде.

По выборе невесты, родители жениха подсылают узнать стороною — будут ли согласны родители невесты. В случае благоприятного известия открывается явное сватовство, для чего отец и мать жениха и один или два ближайших родственника отправляются в дом невесты.

Пришедших хозяева сажают, только не за стол; после обычных приветствий и обычного сватанья начинается договор о кладке, как это сказано в описании предыдущей свадьбы (Малояроsl.у.). Кладка состоит из денег (около 30 руб.) и некоторых вещей, как например: басовицы, чулок, мыла, блюда и проч; сверх того жених обязывается поставить известное количество вина на свадьбу. Тут же назначаются дни пропой и свадьбы. По заключении уговора пьют вино, привозимое обыкновенно женихом, и закусывают.

На пропой собираются все родные жениха и невесты; родня женихова занимает первые места за столом. Во время обеда невеста обносит всех вином, ее дарят деньгами; за последним блюдом—за круглым (сальник) — мать невесты или сама невеста дарит гостей платками, а ее опять отдаривают деньгами.

В канун свадьбы бывают вечерины, на которые собираются женихова родня и невестины подруги. Невеста с подругами ходит в баню, где пьют вино и поют;

за вечерюю невеста, как и в день пропя, обносит гостей вином и дарит платками; после ужина она уходит с подругами в особую горницу, где причитывает. Подруги с нею ночуют.

В день свадьбы к жениху собираются родные. Жених одевается в задней избе, при чем крестные расчесывают ему голову; когда он оденется, дружка докладывает, что собрался: отец и мать идут к нему с хлебом-солью и благословляют его. Затем дружка ведет жениха в переднюю избу; переступая через каждый порог, жених крестится, а дружка показывает вид, что ищет колдовства. По приходе в переднюю избу снова начинаются благословения отца и матери и всех родных, при чем дружка приговаривает: «благослови (такой-то) князя молодого с суженой ехать, у суда Божия стоять, злат венец принять» и проч. Потом жених с поезжанами садятся за стол и все, кроме жениха, закусывают. После закуски дружка ведет жениха и сажает в повозку, за ним садятся и поезжане; дружка и мать жениха обходят с иконами три раза поезд, при чем мать кладет в каждую повозку немного хмелю. Не доезжая до дому невесты, поезд останавливается; дружка идет к дому, собравшиеся крестьяне бросают перед ним палку и требуют за дозволение пройти околишной; дружка угощает их вином, и его пропускают. Войдя в дом, дружка молится Богу, поздравляет свата и сватью, благодарит за вечерины и спрашивает, согласны ли принять жениха. По получении согласия, все подъезжают и, выйдя из повозок, останавливаются у порога.

Между тем одевают невесту, благословляют и сажают за стол; с правой стороны садятся два мальчика, а с левой две или три женщины. Дружка, войдя в избу, спрашивает: «Зачем вы тут сели?» — «Давай денег, встанем», — отвечают мальчики. — «За что?» — «Мы лапти

плели невесте», дружко дает им денег, и они встают; с теми же вопросами дружко обращается и к женщинам: «Мы шили на невесту, иглол много переломали»; дружко и у них выкупает места. Затем расстилают войлок, сажают невесту и под правую ногу ставят ей мерку с овсом. Дружко приносит пироги, говядину, три ковриги хлеба, соль и проч. и, обращаясь к свату, говорит: «Сватушка, хочешь убавь, хочешь прибавь»; сват прибавляет еще ковригу хлеба; все это относится в чулан. После угощения невестою девушек вином отец и мать выходят с иконами навстречу жениху; он прикладывается к иконам, кланяется будущим тестю и теще в ноги и целуется с ними. Дружко ведет жениха на место, по лавке, за спиною невесты, а потом обносит невестину родню вином. За обед садятся женихова родня, крестная мать и сваха невесты. После обеда все встают, кроме жениха с невестою; когда же к ним подойдет отец невесты, они также встают, он соединяет их руки и дает наставление вроде следующего: «Люби, как душу, тряси, как грушу, дурных речей не слушай» и проч. Невеста, голося, благодарит родителей за хлеб-соль. Для отправления в церковь невесту сажают с крестною матерью и свахою, а жениха с крестным отцом и свахою. Отъехав некоторое расстояние, дружко останавливает поезд (он забыл что-то), девушки запирают перед ним дверь, он выкупает пропуск; войдя и помолясь Богу, дружко благодарит свата за хлеб-соль и просит его с роднею в гости к жениху. После венца женщины повязывают молодую, за что дружко дарит их.

В доме молодого встречают: отец с иконою и хлебом-солью, мать с иконою и корцем квасу; молодые прикладываются к иконам, кланяются в ноги и целуются с родителями. За обед в особой избе садятся только молодые, свахи, дружко и двое вечерних. После

обед дружка и сваха отводят молодых спать. В это время собирается невестина родня, дружка и хозяйева встречают их с хлебом-солью и сажают на почетные места; тогда только начинается настоящий обед. В пол-обеда гости спрашивают: «За кем пируем, поминки у тебя что ли?» — «Нет, свадьба.» — «Так давай сюда молодых.» Дружка вводит молодых по очереди. Пир продолжается до поздней ночи.

13. Свадебные песни Калужского уезда.

1. Я в высоком терему сижу,
Я далечу по заре слышу, 2
Как сокол лебедушку кличет, 2
Ты, лебедушка луговая, 2
Полети ко мне поскорей, 2
У меня приволье, доволье: 2
У меня луга зеленые, 2
На лугах трава шелковая, 2
На траве цветы голубые, 2
На цветах пташки садовые, 2
Они поют, поют, распевают, 2'
Свет Катеринушку взвеселяют, 2
Чтоб Катеринушка не тужила, 2
Григорьевна не горевала, 2
Из лица красы не теряла, 2
Она из глаз слезы не роняла.
2. В тереме светушко не жарко горит,
Ни жарко, ни ярко, ни вспыхивает,
Высоко, печально свет Анна сидит,
Высоко, печально Никифоровна сидит.
Свое тело белое уронивала,
Всех матушек, нянюшек укладывала:
«Вы нянюшки, мамушки, ложитися спать,

- Ложитися спать, вам некого ждять,
А мне, красной девушке, всю ночь не спать,
Всю ночь не спать, ковер вышивать,
Ковер вышивать, мила друга ждять,
Мила дружка ждять, авось подъедет, подойдет.
По улице едет, шумно ветер шумит,
К крылечку подходит, сапожки скрипят,
На крылечко всходит, колечко стучит».
Стукнул я колечком, грякнул я серебряным,
Екнуло сердечушко да у Катеринушки,
У избу усходит, Богу молится,
Богу молится, со всеми здоровится:
«Здравствуй, здорово, и тесть и теща,
А еще здорово, свояченица!»
3. Била, била на Волге вода,
Била, била ключевая,
Шила, шила свет Анна ковер,
Вышила на коня хвору.
Рассерчал Тихон сударь,
Рассерчал свет Васильевич,
Перескочил через тын на огород,
Разломал весь железный тын,
Поломал калину с малиной,
Черную ягоду смородину,
Выпужнул из саду соловья.
Да всплакнула свет Анна душа:
«Да и кто же будет рано мене будить?
Да и кто по зорям веселить?»
4. «Давно ж тебе, Катеринушка,
Давно говорили,
Ой ляли, ай ляли, ляли!
Давно говорили

(Припев этот повторяется после каждого двух стихов с прибавлением последнего стиха)

Давно ж тебе, Григорьевна,
Давно голосили.

Пойди, выйди, Катеринушка,
За новы ворота.

Глянь-ка, глянь-ка, Григорьевна,
Во чистое поле.

В чистом поле, в синем море
Девки воду носят.

Оне носят, оне носят,
Коромысло гнется.

«Что ж ты, коромысленько,
Долго не ломилось?»

— «Спроси, спроси, Катеринушка,
У свово Николая.»

— «Что ж ты, что ж ты,
Николай сударь,

Долго не женился?
Кого ж, кого ж,

Никитович,
Кого дожидался?»

— «Тебя, мой друг, Катеринушка,
Тебя дожидался:

Пушай моя Катеринушка,
Пушай возрастает,

Пушай моя Григорьевна,
Дары вышивает.»

— «Не гцевайся, Николай сударь!
Куды дары шила,

Куды дары шила,
Скоро поспешила,

Скоро поспешила,
Даров не нашла.

5. Не долго веночку на ступке висеть,
Не долго Авдотьюшке в девушках сидеть,
Не долго Васильевне русу косу плесть.
Вечер мою косушку девушки плели,
Плели, плели косушку, золотом вили,
Вили, вили золотцем, жемчуг низали.
Плакала Авдотьюшка по русой косе:
«Коса-ль, моя косушка, русая коса!
Бывала, я тебя, косушка, часто гладила,
Бывала, я тебя, русая, мелко плела,
А теперь, косушка, у год однова.
6. Во трубушку трубили рано на заре,
Рано-то ранешенька, свашенька пришла,
Пришла, пришла свашенька не милостива,
Начала мою косушку и рвать и метать,
Начала мою русую на две заплетать,
Плесть не плесть мою косушку — все на две косы,
Вить не вить мою русую — кругом головы,
Быть не быть Авдотьюшке — Павловой женой.
7. Вился, вился коченочек,
Миленький дружочек.
Мил по улице гуляет,
Ину излюбляет,
Он иную излюбляет,
Меня спокидает.
Я во горенке сидела,
В окошечко глядела.
Я в окошечко глядела,
Мне зазорно стало.
Мне зазорно, перезорно,
Очень неприятно.

Как сказали: в Петербурге
Дорог, дорог перевоз.
Как Николай свет Катеринушку
На ручках перенес.
Перенес, перескочил,—
Ничего не намочил.
Ничего не намочил,—
Башмачок с ножки соскочил.
Как Катеринушка на бережку
Расплакалася.
Свет Григорьевна на крутеньком
Раскуражилася.
Как и Николай сударь
Ее уговаривал:
«Ты не плачь, свет Катя,
Не плачь, душечка моя:
Я во славушку пойду,
Башмачки тебе куплю,
Башмачки литые,
Пятки золотые.»

8. Невесте

Как при вечере, вечере,
(Каждый стих поется два раза)
При последнем часу вечера,
При свет Катеринином девичнике
Прилетали ясны соколы,
Ясны соколы залетные.
Один садился под окошечко
На серебряну решеточку,
На золочену причалинку.
Причалинка сколыхнулась,
Ясен сокол вострепенулся,
Вострепенулся, полетел

Мимо садика зеленого,
Мимо терема высокого,
Что узрела, увидела
Его родная матушка,
Говорила своей дочери:
«Ты дитя ль мое дитяtko,
Ты Катерина Григорьевна,
Ты прият-ко ясна сокола,
Ясна сокола залетного,
Добра молодца заезжаго!»
— «Ты родимая матушка,
Я бы рада его прияла,—
Мое сердце не оборотится,
Живой кровью обливается,
Резвы ножки спотыкаются,
Белы ручки опускаются,
С плеч головушка скатилась.
Ты, родимая матушка!
Рассуди ты мой дивный сон,
Что я нонче во сне видела:
Будто у наших у широких у ворот
Сине море разливается,
Сизый селезень купается,
Сера утка окунается.»
«Ты дитя-ль мое, дитяtko,
Ты Катерина Григорьевна,
Сине море — подворьице твое,
Серая утица — свашенька,
Сизой селезень — суженый твой.»

9. Величальная до свадьбы (т.е. до венчания)

Как сказали: Павел грозен,
Он грозен, грозен, не милостив,
Он садился на ворона коня,

12. Он поехал мимо тестева двора,
Становился против красного окна,
Он ударил копьём в ворота.
«Дома-ль тесть? Дома-ль теща моя?
Дома-ль грозная свояченица?
Дома-ль жизнь, радость Авдотьюшка душа?
Если дома,— ее выпшлите ко мне,
Если в людях,— сходите за ней,
Если спит, не будите ее.
Я и сам до Авдотьюшки дойду,
Про себя, Васильевну, разбуджу.»
13. Услыхала Авдотьюшка душа,
Закричала громким голосом своим:
«Уж вы няньки, вы мамки мои,
Вы сестрицы-подруженьки!
Вы сходите к моей матушке,
Вы возьмите золотые ключи,
Отоприте дубовые сундуки,
Вынимайте что нет лучше сукна,
Шейте, кройте Павлу кафтан,
Чтоб не длинен, не короток был,
Чтоб по самыя пяточки».
10. Уж вы девки, вы девушки,
Ваши горькия семена,
Вас немножко посеяно,
От Москвы да до Киева, 2
Да до Тульского города.
Разлилась, разлелеялась
По лугам вода вольная,
По кустам по ракитовым,
По цветам по лазоревым.
Унесло, улелеяно со двора,
Со двора три кораблика:

Как первой-то корабль поплыл —
 С сундуками с дубовыми,
 А другой корабль поплыл —
 Со перинами с пуховыми,
 Как и третий корабль поплыл —
 Со душой красной девушкой,
 Со Наталией Павловной.
 Ворочал ее батюшка
 Среди двора стоячи:
 «Воротись, мое дитятко!
 Позабыло ты, дитятко,
 Свои золоты ключи
 На шелковом поясе
 На дубовом на столике».
 — «Я не ключики забыла,
 Позабыла волю батюшкину,
 Позабыла негу матушкину».

11. Свахе

Я не знала, не ведала,
 Ко мне сваха приехала, 2
 Молодая, спесивая, 2
 Потому все журливая,
 Под святые села на лавочку.
 Она не пьет, не ест, не кушает,
 Только речи выговаривает,
 Чужу сторону выхваливает:
 Как чужая сторонущка,
 Она сахаром усеяна, 2
 Она сытою улитая.
 — «Не рассказывай, свашенька!
 Я сама знаю и ведаю:
 Как чужая сторонущка —
 Польном поле усеяно, 2
 Горячими слезами улитая».

12. Если сваха нещедро дарит певичам, то они поют ей следующее.

Околеть тебе, свашеньке,
Под углом, под банею
Без свечей, без ладона,
Без свечей, без ладона,
Без попа, без дьякона,
Поминать тебя, свашенька,
Молодой кобылятинкой.

13. «Соколы, мои соколы,
Соколы мои ясные, 2
Вы куда, соколы, летали?» 2
— «А мы летали, летали,
С моря на море летали».
«А вы что ж, соколы, видали?»
— «А мы видели, видели
Серую утицу на море, 2
Сизокрылую на синем.»
«Да и что же вы ее не поймали?»
— «Мы хотя ее поймали,
Крылья, перья повыщипали,
На синё море бросили:
Поплыви-ко-ся, утица,
Вдоль по морю по синему, 2
К селезенюшке серому,
К хозяину прежнему». 2
— «Вы купцы, добрые молодцы,
Вы, калужские щегольцы, 2
Вы куды, куды, купцы, ездили?» 2
— «А мы ездили, ездили,
С город на город ездили».
«Да и что же вы, купцы, видели?»
— «А мы видели, видели

- Красну девушку во тереме, 2
 Раскрасавицу во новеньком».
- «Да и что же вы ее не возымили?» 2
 «Мы хотя ее и возымили,
 По рукам нас ударили, 2
 Караул приставили, 2
 Караулы-то крепкие,
 Перемены редкия».
14. Ой от горницы до горницы
 Да до горницы
 Ой лежат ковры, лежат ковры
 Да все шелковые.
 Ой по тем коврам, по тем коврам
 Шла свет Аннушка душа.
 Ой в руке несет, в руке несет
 Зеленое вино,
 Ой в другой руке, в другой руке
 Меда стойные,
 Ой под тасикой, ой под тасикой
 Был крупичатый пирог.
 «Уж ты стой постой, ты стой постой,
 Свет Аннушка душа!
 Ой дай испить, ой дай испить
 Зеленое вино!
 Ой дай скушать, ой дай скушать
 Меда стойные!
 Ой дай скусить, дай скусить
 Бел крупичатый пирог!»
 — «Я не для тебя, не для тебя
 Я пирог пекла,
 Я не для тебя, не для тебя
 Ставила меды,
 Я не для тебя, не для тебя

Пирог пекла.
Я пекла пирог, пекла пирог —
Ради матушки своей,
Ставила меды, ставила меды —
Ради батюшки своего,
Я курила вино, курила вино —
Ради братцы своего».

15. Ой на море — там досточка лежала,
Ой ляли, ли ляли, ляли! — лежала.
(Таким образом припев повторяется после каждого стиха с прибавлением к ним последнего слова)

На досточке Катеринушка стояла,
Белешенька рубашеньки мывала.
По бережку Николай сударь гуляет,
За утками, за лебедками стреляет:
Что не раз стрельнет — лебедушку ушибет,
На белую Катеринушку взирает.
«Куда-ж, моя Катеринушка хороша!
Куда-ж, моя Григорьевна пригожа!»
— «Николай сударь! мой батюшка был хорош,
И в матушку хорошая родилась,
Тебе, мой друг, Николай сударь, годилась —
У лебеда лебедушка под крылом».

14. Полотенца в свадебной обрядности.

На девичник невеста подносила по полотенцу своей работы всем мужчинам из жениховой родни.

...Особенно нарядный рушник с вырезами¹, с прошивами, с лентами вышивает невеста для жениха, и это полотенце жених надевает к венцу, заткнув за пояс, причем длинные расшитые концы висят чуть не до

¹ Вышивка «вырезами» — традиционная калужская вышивка, выполняемая в технике «цветной перевити» с геометрическими узорами и мотивами всадников, птиц, зверей. (Н.В.)

земли. Рушник надевается и невестой к венцу вокруг шеи под фату — «дымку», «дынку», которой закрывают невесте в церкви часть лица.

...Пестрыми рушниками обматывают дуги, когда везут на повозках невесту со свахами в церковь.

... Расшитыми утиральниками гамаюнки снабжали своих мужей, когда они отправлялись пировать на какую-нибудь свадьбу. В эти утиральники завязывали монеты, которыми приезжие гости отплачивали девицам за то, что они величали их на свадьбе.

Величальная д.Верховая

Жена на свадьбу Ивана собирала,

Собирала, собирала,

Полотенце ему раскатала,

Раскатала, раскатала.

Золотой гривенек завязала,

Завязала, завязала, —

Завязавши, ему приказала,

Приказала, приказала:

Тебя будут там, мой друг, величать,

Величать, величать,

А меня, молодую, вспоминать,

Спомянуть, споминать.

Ты отдаривай, не скупись,

Не скупись, не скупись,

Золотым гривенком отдарись,

Отдарись, отдарись.

Проводы в солдаты

Проводы в солдаты (рекруты) по времени возникновения является самым поздним из семейно-бытовых обрядов. Он сформировался не ранее XVIII в. и не получил столь четкой выраженности, как свадебный и похоронный обряды. Содержание обряда — прощание рекрута с вольной жизнью, родны-

ми, товарищами, определило характер действий (гульба, прощальные застолья) и особенности поэзии. Уход на службу в армию на 25, а потом на 20 лет осознавался как трагическое событие, навсегда разлучающее человека с домом, поэтому основными произведениями, сопровождающими этот обряд, стали лирические песни с мотивами дороженьки, разоренного гнезда и т.п., а также причитания.

15. Рекрутские песни

1.
кая! — Ты дорога ль моя, дорожунья, торна — широкая!
С чего ты моя дорожунья, с чего пыльна стала?
— Уж как же мне, дорожуньке, как пыльной не быть?

Что и день и ночь по мне, дорожуньке, и ходют, и ездют.

Что вели по мне, по дорожуньке, коней под коврами,

Что и шел ли-то один конь не весел,

Йон не весел, голову повесил,

Йон за што, за што жа он повесил?

2.
— Ты о чем, ты о чем, ты, моя кукушечка, о чем ты кукуешь?

— Да ведь как же мне, кукушечке, как мне ни куковать?

Что один-то был зеленый сад — и тот стал засыхать,

Что одно у меня тепло гнездышко — и то разорили,

Что один-то был соловушко, да и тот вылетает,

Что один в меня мил сердечный друг — и тот отъезжает,

Что одной красную девушку мене спокидает.

А я одна, красная девушка, дома остаюся,

Много горя-горюшка наберуся.

3. Ох ты Ванюшка-Ванюша,
Ваня, миленький дружок,
Размалиновой душок!
Проторил Ваня дорожку
Через речушку на горку,
К Татьянину окошку.
— Уж ты Танюшка-Татьяна,
Таня, белая, румяна,
Ты ускрой, Таня, окошко
У середняго немножко!
— Я бы рада б, я б открыла.
Я боюсь, боюсь батюшки,
Опасаясь я матушки.
В мово батюшки беседа,
В моей матушки весела,
У ворот-то ворот холопи,
Все Иванушкины злодеи.
(О)ни хотят Ванькю поймати,
Ручки, ноженьки Вани сковати,
Во солдаты Ванюшу отдати!
4. В нас по Питерской по дорожки
Там йшли-прошли два егаря молодых.
Позади-то идут матушки родныя.
Да (о)на йдет-идет, сама слезнешенько плачет.
Молодой егарь матушку плакать вынимает:
— Ты не плачь-ка-ся, не плачь, матушка родная,
Ни наполнишь ты синего морюшка слезами,
Да не воротишь ты свово сына словесами
Да не есмен сокол сы тепла гнезда сылетает,
Молодой егарь сы квартирушки сыюзжает,
Красна девушка молодого егаря провожает,
Начала (о)на молодого егаря оставляти.

5. Девчоночка лесом шла, красавица темным шла,
Себе дружка не нашла, заплакала, в лес пошла.
Почудилось девушки: в лесу листики шумять.
Зеленая древушка — веселешунька стоять.
Белая березушка низко к земле клонится,
Кы этой березушки слетались пташечки,
(Слетались пташечки), горькая кукашечки.
Кукуеть кукашечка по своему теплу гнезду,
Горюеть горюшечка об своем худом житью.
Калина с малиною ранешунько расцвели,
Родимая матушка себе сына родила,
Не собрамшись с разумом, у солдаты отдала.
— Служи, служи, дитяtko, двадцати пяти годов,
Отслужимши службушку, приди к дяде под окно:
— Родимой мой дядюшка, пусти ночку мочевать!
6. Не студен, холоден ветерок поносит,
За ветром-та мне, младцу, ничаво не слышно,
За туманом мне, младцу, ничаво не видно.
Только слышна-то, видна милой голосочик.
Ни донской-то казачек по роще гуляет,
Ни донской ли казачек в гусельки играет?
Ни душу-то он душу, девку забавляет.
— Ты не плачь-ка, не плачь, раскрасавушка,
не плачь, не печалься!
Что не быть, вить, не быть твоему
разлюбезному, не быть во солдатах!
Только быть не быть твоему разлюбезному
во донских казаках!
Как чесал, вот чесал казак кудерки, чесал
казак русы.

Похороны

Традиционный похоронный обряд включает в себя ряд обычаев, исполнение которых следует в строгой очередности: прощание с умершим, вынос тела, дорога на кладбище, похороны. Обязательность соблюдения обряда в его мельчайших деталях поддерживалась множеством поверий. В ряде губерний, особенно северных, похороны сопровождаются причитаниями. Запись похоронного причитания в Калужской губернии свидетельствует, что традиция похоронной причитания была известна и в Калужском крае.

16. Поверия, связанные с умершим.

Из дома, в котором есть умерший, до его погребения не выметают сор, опасаясь, чтобы еще кого-нибудь из этого дома не вымести, то есть похоронить.

Если у умершего глаза не закрылись, то предполагают, что покойник высматривает кого-нибудь из своих родных, чтобы взять с собой на тот свет.

Отец или мать своих умерших детей при погребении не выносят из дома, потому что боятся, как бы всех своих детей не переносить на кладбище.

После убитого грозой человека дождь идет шесть недель, омывая его.

17. Похоронное причитание

Плач дочери по матери

Родимая матушка,

Желанная матушка!

На кого ж ты нас (или: меня, горькую) бросила?

Кто об нас обдумает,

И кому мы будем нужны,
Кому мы будем больны,
И кто об нас так соболится,
Как ты была, наша матушка?
Куда мы ни придем,
Куда ни прибудем,
Ты нас встречала,
Стречала ты нас, ласкала;
А теперь мы горькии,
Никому не будем больны
И никому не нужны;
И напоминать про нас будет некому,
И стретить некому,
И приклониться нам будет не к кому!

Если дочь замужняя, то она прибавляет следующие три стиха:

(Зарастут мои все стежечки-дорожечки,
Перестанут ходить мои ноженьки
Ко родимой моей матушке).
Я приду к ея могилушке,
Возбужу свою родимую матушку:
«Встань-ка, проснись, моя матушка,
Воскинь ты свои очи ясныя,
Промолви хоть одно словечко
Со мною, горькой сиротою!
Трудно мне, горькою, жить в чужих людях,
Подумать мне не с кем
И слова сказать некому.
Со всех сторонушек холодный ветер дует,
Ни к одной стороны меня не пригреет.
Возьми меня, родимая матушка,
К себе под правое крылушко.
Не давай-ка мне, горькою,
На свете страдать и горе мыкать».

ПРИМЕЧАНИЯ

Роды, крестины, детство

1. Поверья, связанные с родами.—Глухарев, с.12, 7, 16, 17.

Записал Н.П.Глухарев в г.Боровске и Боровском уезде.

2. Крестины.

1—Добровольский I, с.210-211.

Записал В.Н.Добровольский в с.Сабурово Мещовского уезда.

2— Шереметева, с.21.

Записала М.Е.Шереметева в 1925 г. на Гамаюнщине.

3. Поверья, связанные с новорожденным.—Глухарев, с.15, 18, 13, 10.

Записал Н.П.Глухарев в г.Боровске и Боровском уезде.

4. Колыбельные песни. (1—8)— Чернышев, № 59—66.

Записал А.Косогоров в 1897 г. в д.Калужкино Мещовского уезда (тексты даны в диалектной записи, сплошной текст оригинала передан стихотворными и строчками).

Свадебные обряды и поэзия

5. Свадебный обряд в Мосальском уезде.

В этом разделе публикуются описания свадебных обрядов, записанных в разных селах Мосальского уезда (сс. Сильковичи, Пятницкое, Жерелево, Спас-Деменск, Петросельи). Информаторы, рассказывая о свадьбе, акцентируют различные ее моменты — то, что больше им запомнилось. Поэтому каждая из записей как бы высвечивает отдельные части обряда. В целом же свадебный обряд Мосальского уезда предстает как сложное драматическое действие, где традицией определена строгая очередность событий (сватовство, запой, девичник, сборы к венцу, встреча новобрачных в доме жениха, свадебный пир) и состав основных действующих лиц со стороны невесты и жениха. Каждая из записей вносит свои дополнения, ряд интересных деталей, знакомит с поэтическими произведениями — причитаниями, свадебными песнями, величаниями, корильными песнями, приговорами и т.п., которые служат своего рода поэтическим комментарием к происходящим событиям.

Тексты передают живую речь информаторов, что определяет образность и эмоциональность рассказов.

Село Сильковичи—Добровольский II, с.214-218.

В тексте дается подробное описание первой части свадебного обряда (до венца).

Село Пятницкое.— Там же, с.218-229.

Текст ценен приведенными причитаниями матери невесты и самой невесты и подробным описанием второй части свадьбы — после венца, с величаниями новобрачных, главных устроителей свадьбы и гостей.

Село Жерлево.—Там же, с.229-232.

Село Спас-Деменск.—Там же, с. 232-236.

Особый интерес представляет включение в свадьбу игры ряженных «в лошадь» («конницу»).

Сельцо Петросельи.— Попроцкий, с.169-173. (Перепечатано из «Калуж. губ. вед.», 1851, №№ 42,43)

Этот и предыдущие два текста содержат эпизоды, которых нет в других записях (выкуп дружкой невесты, обычаи на следующий день после свадьбы, обряжание невесты в поневу и др.)

6. Крестьянская свадьба в Мещовском уезде.—Ляметри I.

В тексте дается описание (собирателем) свадебного обряда, от начала — сватовства до послесвадебного дня, когда, по обычаю, молодые отправляются по воду. Тексты приводимых песен показывают, что уже в сер.ХІХ в. в свадебный обряд наряду с традиционными включаются и песни «новые». В данном случае, песня «Закладайте нам карету» относится к числу поздних лирических песен, она лишь слегка переделана в соответствии с моментом свадьбы.

7. Сватовство.— Добровольский I, с. 211-213.

Записал В.Н.Добровольский в с.Сабурово Мещовского уезда.

Текст воспроизводит один из важнейших моментов свадебного обряда.

8. Свадебные песни Мещовского уезда.—Чернышев, №№ 42-45, 106-112, 146.

Тексты даны не в той последовательности, в какой

они расположены в сборнике, а согласно ходу свадьбы, их традиционной закреплённости за определёнными моментами местного обряда. Тексты даются в записях, передающих особенности местного говора; №№ 42-45 в сб. Чернышева, напечатанные сплошным текстом, переведены в стихотворную форму.

1. Звонкыя, громкыя у леса арешинка.— №146.

Записал И. Картуков в с. Шалово Троицкой волости Мещовского уезда.

2. Плавыла достычкыя сириди моря.— №106.

Этот и последующие тексты записал А. Картуков в д. Калужкино Гостинской волости в 1897 и 1899 гг.

3. Ни лятай, галушка, рано под зырю.— №107.

4. Пы лугам, лугам, пы зилёным лугам.— №50.

5. Свяла, свяла липушка алыми святами.— №46.

6. Валюць сасну с кырина далой.— №47.

7. Сабрала Виденьюшка кырагот девак.— №48.

8. Лители гусюшки ни кагакнули.— №48.

9. Скукавалась кукушечка, скукавалась рябушечка.— №50.

10. На мари утушка сыкупалыся.— №51.

11. Што ш ты, дуброва, дубровушка, рана зашумела.— №53.

12. Я пайду мылада х торгу на ярмынку.— №111.

Примечание собирателя, А. Косогорова: «Песня эта теперь уже не поётся; рассказал мне ее мужчина лет сорока девяти или пятидесяти: пела эту песню его мать старушка, умерла 76 годов 12 лет тому назад».

13. Ни лижи, белай зайкя, ны пути ны дароги.— №112.

14. Ни свитёл месяц дарожункю асвитил.— №113.

15. Ишла, ишла солнушка на пазалисю.— №108.

16. Ягытка су ягыткой сыкаталыся.— №85.

17. В нас па сеням, па сенюшкам.— №41.

18. Нас пад яблынкаю.— №42.

19. Уш ты рыбушка, рыба акунёчик.— №43.

20. В нас во полю, в нас во полю рибина стаяла.— №109.

21. У Павла Ильиньвичя есь камчатныя горинка.— №110.

22. Свалялись, свалялись Питряевы кудри.— №44.

Глава 2. Семейные обряды и поэзия.

23. Ю нас ю гароди ничаво ни родить.—№45.
9. Крестьянская свадьба в Малоярославском уезде.— «Калуж.губ. вед.», 1860, №20 (а также Попроцкий, с.173-178).
Записал Толмачев.
10. Свадебные песни Малоярославского уезда. — Шейн П, №№1953-1955.
Записала Е.Г.Дурново в д.Костино.
1. Что летел сокол из Новагорода.—№1954.
2. Уж ты ель моя, елушка.—№1953.
3. Ай на море утушка умывалася.—№1955.
11. Средства от порчи новобрачных.—Глухарев, с.16, 7.
Записал Н.П.Глухарев в г.Боровске.
12. Крестьянская свадьба в Тарусском уезде.—«Калуж.губ.ведом.», 1860, №20 (а также Попроцкий, с.178-179).
Записал Толмачев.
13. Свадебные песни Калужского уезда.— Шейн П, №№1956-1969.
Записала М.А.Баскакова в с.Ахлебиново.
1. Я в высоком тереме сижу.—№1956.
2. В тереме светушко не жарко горит. — №1957.
3. Била, била на Волге вода.—№1958.
4. Давно ж тебе, Катеринушка.—№1959.
5. Не долго веночку на ступке висеть.—№1960.
6. Во трубушку трубили рано на заре.—№1960.
7. Вился, вился коченочек.—№1961.
8. Как при вечере, вечере.—№1962.
9. Как сказали: Павел грозен.—№1963.
10. Уж вы девки, вы девушки.—№1964.
11. Я не знала, не ведала.—№1965.
12. Околеть тебе, свашеньке.—№1966. Песня из разряда корильных.
13. Соколы, мои соколы.—№1967.
14. Ой от горницы до горницы.—№1968.
15. Ой на море там досточка лежала.—№1969.
14. Полотенца в свадебной обрядности.—Шереметева, с.21-23.
Записала М.Е.Шереметева в 1925 г. на Гамаюнщине.

Автор-этнограф, исследуя крестьянское прикладное искусство Калужской губ., обращает внимание на обрядовую роль холста (полотенец). В свадебном обряде полотенец выполняли многообразные функции: являлись ценным подарком — знаком согласия девушки на брак, обозначали основных участников обряда, полотенец символизировало единение жениха и невесты и др.

Проводы в солдаты

15. Рекрутские песни.— Якушкин.

Записал П.И.Якушкин в 1846 г. в с.Андроновское Лихвинского уезда.

1. Ты дорога ль моя, дорожунья.—№314. Текст уникален.

2. Ты о чем, ты о чем, ты, моя кукушечка, о чем кукушшь.—№321.

3. Ох ты Ванюшка-Ванюша.—№341.

4. В нас по Питерской по дорожки.—№243.

5. Девчоночка лесом шла, красавица темным шла. — №305.

Текст контаминирован: первая часть — лирическая любовная песня, вторая со слов «Калина с малиною» — начало широко известной рекрутской песни.

6. Не студен, холоден ветерок поносит.—№256.

Похороны

16. Поверья, связанные с умершими.—Глухарев, с.8, 9, 14.

Записал Н.П.Глухарев в г.Боровске и Боровском уезде.

17. Плач дочери по матери.—Шейн, №2530.

Записал А.Марков в д.Маковицы Тарусского уезда.

Автор-этнограф, исследуя крестьянское прикладное искусство Калужской губ., обращает внимание на обрядовую роль холста (полотенец). В свадебном обряде полотенец выполняли многообразные функции: являлись ценным подарком — знаком согласия девушки на брак, обозначал основных участников обряда, полотенец символизировал единение жениха и невесты и др.

Проводы в солдаты

15. Рекрутские песни. — Якушкин.

Записан П. И. Якушкин в 1846 г. в с. Андреевское Любимского уезда.

1. Ты дождь, ты дождь, ты дождь, ты дождь. Текст уникален.
2. Ты о чем, ты о чем, ты, моя кукушечка, о чем кукуешь? — SHNNDQM RBNDQSH N
3. Ох ты Ванюшка-Ванюшка. — №341.
4. В нас по Питерской по дорожке. — №342.

Материалы данного раздела знакомят с народной магией — средствами, с помощью которых изгонялась (или насылалась) болезнь. Представление о болезни как неких вредных силах, вселяющихся в человека или животное, заставляло людей (знахаря) обращаться за помощью к более могущественным силам — природе, входить с ней в сговор. Значение придавалось не только производимому действию, но и слову — заговору, который в виде то простого заклинания, то развернутой поэтической формулы становился средством магического воздействия. Действие и слово могли обретать и самостоятельное значение. Даже если знахарь использовал рациональные средства народной медицины, убежденность в их действенности наделяла эти средства в глазах знахаря и исцеляемого магической силой.

1. Заговоры.

1. От нечисти и чирьев

Как сук сохнет, так чтобы у раба Божья (имя рек) сох чирей, из земли в землю три сажени; будьте мои слова крепки и лепки, отныне и до веку.

Обводить больное место осиновым сучком или безымянным пальцем до трех раз. После каждого обвода больной должен плюнуть через левое плечо.

2. Как унять кровь

Едет кузнец на море на карей лошади; лошадь карая, кровь стала. Кровь-яровица, красная девица, поиграла, пошутила на белом камушку; нитка, оборвися, кровь у раба Божия (имя рек) уймися!

3. От золотухи

Заря зарница, красная девица, поди ко мне на помочь; поможи мне, Господи, из раба Божия (имя рек) золотуху выговорить, пересудную, передумную, переговорную, полунощную, буйную-буйновицу, желтую-желтавицу, синюю-синявицу, красную-красавицу и разсыпчатую; золотуха-красуха, поди из раба (имя рек), из буйной головы, из ясных очей, у чистого поля, у синего моря, на ростани, повороты, на глубокие болота; как конь воды не спивает, травы не съедает, околел, онемел,— так бы у раба (имя рек) околела, онемела у буйной голове, у ясных очах; как частые звезды с неба сыплются, так бы у раба (имя рек) золотуха выкатилась из буйной головы, из ясных очей.

4. От зубной боли

Мария, Марфа, Пелагея, три сестры Лазаря! Подите к брату своему Лазарю и спросите его: не болят ли у него зубы, не ломают ли кости? «Нет, сестры, не болят у меня зубы, не ломают кости, а болят зубы у кошки, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у овцы, у барана, а чтоб у раба Божия (имя рек) не болели отныне и до веку».

Заговор этот может помочь только тем, кто не дергал зубов.

5. На зубы

Исповедывал Иоан истину в сухом дереве и воде: «Был я в поле, видел мертвых, у мертвых зубы не болят». Так чтобы и у меня, раба Божия (имя рек) не болели.

При троекратном произношении заговора плюют через левое плечо. Заговор помогает только не дергавшим зубов.

6. На зубы

Подойти к рябине и погрызть ее несколько раз, приговаривая: «Рябина, рябина, вылечи мои зубы, а не вылечишь — всю тебя изгрызу».

7. От глазной болезни

Больной должен выйти к ключу и, налив пузырек воды, бросить в источник копейку, сказав: «Как чиста эта вода, так чтоб и глаза мои были чисты». Далее, достав из того же ключа песку, надобно сказать: «Как здорова эта земля, так чтоб и глаза мои были здоровы».

Пришедши домой, песок следует завязать в тряпицу и прикладывать ее к голове и больным глазам, которые промывают три раза в сутки ключевой водой.

8. От руды или крови

Есть море Окиян, в том море Окияне стоит остров, на том острове воздвигнута церковь попа римского, в том храме святая девица держит у себя разные иглы и шелковую нитку, зашивает она рану кро-

вавую и ране болеть и крови идти заповедает, и ничем не прикасается.

9. *От ужаления змею, ужом, козюлькою и пр.*

На море, на острове лежит куча елового дору, в этом во дору лежит руно черного барана, в этом руне свито гнездо, в этом гнезде лежит змея шкуропея (вар. шкура пегя). Матушка змея шкуропея, вынь свой ярый яд из костей, из мощей; наговариваю, отговариваю раб Божий (имя рек) из костей, из мощей, из жил, из поджилков, из состава, из полусостава, из буйной головы, из реберной кости, из горячей крови, из тощего живота, из дробных кишок. Матушка змея шкуропея, вынимай своих деток; колодные, болотные, лесовые, летучие, ползучие, боровые, подможные, подконечные, переярец; не уймешь своих деток, пойду царя Давида просить все пропасти его сократить, все недуги исцелить и нечистую силу змеи отвратить.

10. *От укушения бешеною собакою*

Царь Хлеб¹, не я тебе наговариваю, отговариваю от всякого гада, от скверной нечистоты, от шальной собаки (какой-то шерсти); наговариваю, отговариваю (имя рек) из костей, из мощей, из жил, из поджилков, из состава, из полусостава, из буйной головы, из реберной кости, из горячей крови, из тошаго живота, из дробных кишок. На море Окияне, на поле сеяне, на высоком кургане стоит дом железный, медные верей, серебряные ворота, золотые замки; замкам не отмыкаться, шали не отрыгаться.

¹ Хлеб — Глеб

2. Рассказ об исцелении от лихорадки.

Лихорадки суть 12 сестер, дев отвратительной наружности, из которых каждая имеет особенное название, как например, лихорадка, лихоманка, желтуха, бледнуха, ломовая, трясуха, гнетуха, варагужа и др. Самую старшую сестру их воображают прикованную 12 цепями к железному стулу, которая, как царица или повелительница, держит в правой руке символ смерти — косу. Прочие одиннадцать дев находятся у ней в повиновении, и она предписывает им правила, которым они должны следовать. Если лютейшая из сестер, как говорят крестьяне, сорвется с чапей (цепей) и поселится в ком-нибудь, то одержимый недугом отчаивается в выздоровлении и ожидает смерти. Равным образом и горячки представляются в образе 12 старух, столь же отвратительных, как и лихорадки.

Во время весеннего разлития рек муж (одной крестьянки), возвращаясь с мельницы, увидел на берегу женщину, сидящую на железном стуле и выслушивающую донесения сестер своих... и, подстрекаемый любопытством, остановился посмотреть. Вот что он узнал: одна из сестер рассказывала, что поселилась в доме знаменитого барина, где ее приняли очень радушно, дали мягкую постель и вдоволь сладкого, и просила у старшей сестры позволения там остаться. Получив согласие, она отошла в сторону. За ней является другая и говорит, что она поселилась у самого бедного крестьянина, где ей, повидимому, не очень рады, мроят с голоду, кроме черного хлеба, ничего не дают; постелей ей служит пук соломы. Эта просила дозволить ей переменить место пребывания. Царица, милосердившись, дозволила ей переселиться в дру-

гой более удобный дом. Потом приступила третья, говоря: «и мне также хорошо; меня приютила жена такого-то крестьянина (здесь она назвала имя слушающего), молока и яиц много». Услышав это и не дождавшись донесения прочих сестер, муж наш опрометью поскакал домой, и, положив жену свою на солому, не давал ей ничего есть опричь (кроме) черного хлеба. Лихорадка, наскучив скудным обедом крестьянина, улизнула восвояси.

3. Средства от болезней.

1. От лихорадки. Настояв стакан вина золою, снимают с ведра обруч, с которого наскоблив стружек, надев его на шею больного, окуривают больного при трехкратном произнесении следующих слов: «Тетка-баба, отойди от раба Божия (имя рек)». Потом дают больному выпить вино и золою трут ему лицо и сердце.

... от простудных лихорадок носят при себе летучих мышей, если их нет, расколоть грецкий орех, посадить в скорлупу паука и, связав орех как можно крепче, носить на кресте.

2. От родимца (женские припадки во время беременности). Связывают больную тремя поясами и умывают святой водой, потом разбивают над головой страждущей горшок, и родимец тот же час ее оставляет.

3. От каменной болезни советуют принимать истолченное в порошок стекло, которое и разбивает камень.

4. От бородавки. Чтобы свести бородавку, над ней завязывают на нитке узел и ее бросают в навоз и, как нитка в навозе сгниет, так и пропадет бородавка.

5. Для излечения парня. Всем известно, что когда у юноши начнут пробиваться усы, так он иногда бывает очень болен. У крестьян есть средство от этой болезни. Когда парень лежит на усу¹, стоит только растворить ворота дома и ввести в избу, где находится больной, девушку с распущенными волосами и сидящую на помеле. Один поцелуй такой девушки прогоняет болезнь. Впрочем, это средство не приводится в исполнение, а рассказывается вроде шутки.

6. От усталости. Крестьянин-пешеход кладет под пята крапиву, которая, разбивая кровь, уничтожает усталость.

Советуют также для прекращения усталости вбивать в обувь сырые куриные яйца, впрочем, это средство не многим известно.

4. Средства для семейного согласия.

Если нет согласия между мужем и женою, то кто-нибудь из супругов должен принести в дом свой цветок — царевы очи, и тогда водворится между ними тишина и спокойствие.

Если муж бьет жену свою, то для укрощения его буйства стоит только положить под покойника осколок или конец того орудия, которым муж бил жену. Говорят, что от этого средства супруги будут жить столь миролюбиво, что никто из них не осмелится поднять друг на друга даже и пальца.

¹ «болеть на усу» — заболевание юношей, когда начинают пробиваться усы.

5. Средства для оздоровления скота.

1. Обряд опахивания

Во время падежа скота у крестьян существует обычай опахивать землю или, как выражаются они, прогонять смерть. Для этого, испросив позволение у помещика или управляющего имением, крестьянки всего селения, растрепанные, в одних рубашках, собираются в полночь, впрягают нагую девку в соху, а вдову ставят на место оратая; прочие же вооружаются дрекольями, кочергами, сажалками (ухватами), косами, вилами и т.п. Таким образом отправляется шествие вокруг всей деревни или села. Будучи уверены, что все несчастья, а в особенности скотский падеж напускаются каким-нибудь еретиком или чернокнижником, которые, по преданию старины, часто обращаются в четвероногих животных для причинения людям вреда, крестьянки при опахивании земли с ожесточением бьют попавшего навстречу, которого принимают за оборотня или же за самую смерть. Если кошка вскарабкается от них на дерево, то они срубают и самое дерево и убивают ненавистное для них животное. Беда и запоздалому путнику!.. Если ему случится встретиться с этой процессией: он не ускользнет от побоев. Обошедши таким образом всю деревню окуривают ладонем дома, сараи, клетки, овины и вообще всякое строение. Наконец, выкопавши яму, наполняют ее навозом и, зажегши его, переводят через него больной и очумленный скот. Утверждают, что по опахивании таким образом земли падеж совершенно прекращается. Иногда, для прекращения падежа, скотину, павшую от заразы, закапыва-

ют под воротами дома вверх ногами. В продолжительных эпидемических болезнях прибегают также к опаживанию земель. Во время холеры, бывшей в 1848 году, почти все селения Мещовского уезда были опажены.

2. При отеле коровы

Когда отелится корова, то в рученец (12 день) омаливают ее. Для этого варят молочную кашу и ставят ее в чашку овса, находящуюся в решете, наполненном сеном. Потом, помолившись Богу и положивши по нескольку поклонов, хозяйка дома снимает крестообразно в четырех местах по частичке каши и каждую из них кладет в сено по соответствующим сторонам. Наконец, вынув горшок с кашей и перемешавши овес с сеном, выносят к отелившейся корове для того, чтобы она давала больше молока и была бы здорова. Сами же едят кашу всею семьею; иногда приглашают также своих родственников и знакомых.

3. Если пчелы не приносят меду

Если у кого пчелы не приносят меду, то должно положить в улей волчью губу, и пчелы принесут обильное количество меду.

4. Если на стадо нападут черви

Если на стадо нападут черви, то берут от коровы червяка, обертывают ее же шерстью и кладут в расщелину засохшего дерева так, чтобы он не мог уйти. Говорят, что когда он околеет, то ни одна скотина не будет подвержена болезни.

5. От моровой язвы

Крестьяне, желая сохранить скот свой от моровой

язвы и прочих поветрий, пригоняют 18 августа (в день св. мучеников Флора и Лавра) лошадей к церкви тех святых, где по окончании обедни и молебна, окропляют лошадей святой водой.

6. От падежа скота и птицы

В день преподобных Нила и Власия крестьяне не работают, чтобы предохранить скот свой от падежа, а в день св. Никиты служат молебны о домашних птицах, а преимущественно о гусях.

6. Лечение болезней травами.

Конопля... доставляет большую пользу, прикладывая к ране от укушения змеи или ужа происшедшей, которую очень скоро заживляет. Если у кого истрескаются руки или ноги (летом от грязи или жару, а зимою от мороза), то также полезно прикладывать к ним этим растением.

Крестьяне не употребляют в пищу гороху при кожных болезнях или ранах, а также если болят глаза, потому что он увеличивает раны, а в глазах усиливает воспаление. Горох, истертый в порошок, советуют присыпать к обожженному месту.

Морковь доставляет пользу во многих болезнях: 1) от золотухи советуют пускать в уши сок, выжатый из моркови; 2) если кто ест тертую морковь с хлебом, то излечивает болезнь (болезнь) на ус; 3) от нечисти советуют делать мазь из тертой моркови и серы, которую наперед нужно прекипятить; 4) топят это растение и пьют от многих болезней, и наконец, 5) кто носит при себе морковь, то ни одна бешеная собака не

причинит никакого вреда. Морковную ботву, перекипяченную в воде, пьют от кашля.

К ране, причиненной бешеной собакой, советуют прикладывать огуречный лист или измятые пшеничные зерна.

У кого болят глаза, то хорошо прикладывать к ним вареные яблоки, смешанные с женским молоком. Иногда против этой болезни употребляется дикая рябина (*tanacetum vulgare*). Она растет по пахотным местам, имеет листочки крестиками, а цвет желтый. Перекипятив траву рябины в квасе, прикладывают к больным глазам. Если эти средства окажутся недействительными, то трава земляника и ее ягоды доставляют большую пользу. Высушив землянику и настояв ею воду, промывать глаза, которые очистятся через три дня. Бельма с глаз вылечивают следующим образом: берут васильков и, положив их на жар, окуривают глаза. Испарение цветов, действуя на болезнь, уничтожает ее.

Для уничтожения головной боли прикладывают ко лбу и вискам тертую свеклу, смешанную с уксусом или кислым квасом. Свекольный сок советуют давать детям от грыжи. Глина, смешанная с уксусом или квасом, служит для прервания огневицы (горячки). Вот еще лечение этой болезни: берут не разрезанного на куски луку и, сварив его в молоке, прикладывают под коленками; к затылку же, для уничтожения жара, прикладывают сырую мягкую говядину, нарезанную ломтями. Травоведы советуют пить от горячки траву стародубка (*adonis vernalis*), перекипяченную в молоке. Трава эта растет по оврагам, вышиною в четверть и имеет листики длинные и острые.

Глава 3. Народная магия и народная медицина

Есть трава ужин (*sedum talephium*), растет по болотам и лугам, имеет лист похожий на капустный, а цвет белый. Она очень полезна от зубной боли, если положить ее на больные зубы, а если переварить с молоком и положить в рот, то уничтожает цинготную болезнь.

Есть трава перекоп (*magabium peregrinum*), растет при реках, цветом красновата и имеет красный корень. Собирают эту траву в мае месяце и прикладывают к обрезанному месту, а иногда и к ране.

Трава, называемая болотная былица (*magabium vulgare*), растет около всякой реки: высока, как крапива; цвет имеет красноватый и тяжкий запах. Эту траву собирают в августе месяце. Перекипятив ее в воде, дают пить страждущему моровую язвой. Есть поверье, что, если кто носит эту траву при себе, то медведь не причинит тому никакого вреда.

От головного лома советуют делать шелок из травы, называемой дубиною (*ajuga geneversis*, *guetaum pedunculata*) с примесью дубовых листьев. Трава эта растет под дубами и по каменистым местам.

Трава, называемая зяблица, растет по гнилым местам и выходит кустиками, когда земля снимет с себя снеговой покров свой; имеет желтый цвет, вышиною в четверть. Траву эту, перекипяченную в молоке, дают пить детям от бессоницы, а настоянную в воде, взрослым от колики.

От ящера советуют пить перекипяченную в квасе траву суровец (*falaga arvensis*), которая растет при воде, вышиною в аршин, цвет имеет красноватый и длинные листья.

От жабы дают пить натошак траву маму (мать и мачеху) (*tussilago forfara*), перекипяченную в молоке.

Трава воронова растет по пескам, вышиною в четверть, криком своим подражает крикам птиц и животных.

верть, листочки крестиками, в середине черная ягода, имеет тупой и белый корень. Траву эту, настоянную в воде, пьют от нечисти и чирьев.

От желчи пьют траву вороново гнездо, которая растет по пескам и имеет желтый цвет; листья ее похожи на капустные. От кори и оспы советуют умываться настоем травы молодовик, которая растет кустиками по берегам рек, имеет голубой цвет и листья, подобные капустным.

От изжоги или, как говорят крестьяне: у кого горит душа, советуют пить настоянную в воде траву горчица (*brunella vulgaris*). Эта трава растет по берегам рек, вышиною в четверть, имеет белый цвет и красный корень.

Есть трава слых, белая, а иногда желтая, растет прямо, как свеча. настояв вино этою травой, дают пить потерявшему слух. Впрочем, пускают также в уши воробьиной желчи.

Трава переповик растет по берегам, имеет беловатый лист и красный цвет, корень ее бел, а листья похожи на рассадку, рвут траву эту с корнем и, высушив, толкут в порошок, которым присыпают обрезанное место.

Если у кого болит горло, то употребляют мазь, составленную из перекипяченного пресного меда, ржаной муки и коровьего масла. Эту мазь прикладывают к больному месту.

От сильного кашля и коклюша пьют натошак переваренный мед с тремя зубцами чесноку.

От ознобления членов готовится мазь следующим образом: натирают белой репы и кипятят ее с гусиным салом до тех пор, пока репа не покраснеет; потом, процедив сквозь тряпичку в холодную воду, застывшею мазью натирают обмороженные члены.

7. Порча. Порчельник.

Люди, занимающиеся лечением болезней, называются у крестьян знахарями, бабками, лечейками. Между мужиками-знахарями есть такие, которые познания свои часто употребляют во зло; они даже и товарищам своим по ремеслу стараются причинить какой бы то ни было вред. Подобные знахари известны под именем колдунов или ворожей. Слова колдун и ворожея тождественны и почти однозначны со словами — порчельник и чернокнижник. Крестьяне раболепствуют, так сказать, перед порчельниками, которые играют самую важную роль на всех крестьянских свадьбах и пирушках. Первая и самая главная причина, заставляющая крестьян трепетать и раболепствовать перед порчельниками, та, что последние, предавшись заживо злему духу, силою и могуществом его причиняют людям разные напасти, напускают по ветру на большое пространство разные болезни, и портят не только людей, но и животных и растения. Вторая причина, заставляющая уважать порчельников та, что если известные крестьянам средства против болезней не действительны и не приносят больному пользы, то прибегают к порчельнику, как к самому лучшему лекарю и самому лучшему травоведу. Наконец, для отыскания чего-либо пропавшего, крестьяне спешат к ворожеям, которые гаданием на картах или бобах и разными наговорами и заклинаниями узнают истинную правду и объясняют суеверам, каким образом можно найти пропавшее.

Самые мучительные и самые трудные к уврачеванию порчи суть: икота и стекла. Признаки первой: внутренний жар, судорожное движение членов, такое же иканье, причем страждущий то икает тяжело, то криком своим подражает крикам птиц и животных.

Все это сопровождается известными припадками, время для которых назначается самим порчельником. Припадки называются черной немочью, от чего, кажется, и произошла брань: «черная немочь ты возьми». Утверждают, что страждущий икотою одержим злым духом, который и испускает пронзительные крики. Самое несносное и мучительное положение страждущего при чтении Евангеля, при пении херувимской песни и при кадении ладаном. Здесь припадки гораздо сильнее и крики ужаснее. Говорят, что где-то в Мещовском уезде есть старуха, страдающая более 20 лет икотою, и что средства, предпринятые к уврачеванию ее, остались без всякого успеха.

Стекла столь же ужасный недуг, как и первый. Порчельник заклятием своим пускает по ветру мелко истолченные стекла, которые находят себе место в руках, ногах и вообще во всем теле врага его. Страждущий этой болезнью должен или сидеть, или стоять, или лежать, смотря по тому, в какой части тела находятся стекла.

По уверению травоведов, эти две порчи не могут никакими средствами быть излечены; даже порчельник, напустивший эти болезни, не в состоянии уврачевать их. Известно одно средство лечения этих порчей, которое, говорят, некоторым помогало. Вот оно: нашептывают на муку с водою таинственные слова, и делают квас, называемый обыденным (в один день приготовленный), и дают пить его страждущему в течение 12 дней. Этот квас должно употреблять вместо питья, как захочет больной, и чем чаще, тем лучше. Диета — воздержание от вина и пива. Сверх того, наливши в горшок штоф приготовленного квасу, кладут фунт меду, несколько зверобоя и от девяти столбов по три щепочки; потом замазывают горшок наглухо

тестом, ставят его в печь и дают перекипеть составу. Через каждые три дня потом, вытиравши больного в бане, дают ему пить этого настоя по стакану, как потогонного средства. Этот состав применяется до трех раз. По прошествии 12 дней снова отправляются к знахарю, который, наговорив снова муку и воду, приказывает повторить еще 10 дней. Этим и оканчивается лечение. Нужно заметить, что при лечении этим средством, не должно подавать ничего нищим из съестного; деньги подавать позволяется; в противном же случае лечение будет недействительно. Если порчельник не сделает больному никакой пользы, то оставляют последнего на произвол судьбы, и в таком случае промысел Божий и неусыпные молитвы могут прекратить страдания.

Есть еще третий род порчи — волоса или, как называют крестьяне — волосатик. От этой порчи гораздо легче вылечить страждущего, чем от первых двух. Я сам был свидетелем, как изгоняли волоса у одного крестьянина. Волос ничто иное, как застаревшая рана, на которой сделалось нагноение, и если положить на нее ржаные колосья и поливать теплой водой, то мокрота, прилипая к колосьям, тянется наподобие ниток. Принимая такие нити за волоса, крестьяне наши уподобляют их щетине и утверждают, что это порча. Есть поверье, что волоса находятся большею частью в руках или в ногах или по жилам. Это делает порчельник для того, чтобы враг чувствовал нестерпимую боль при движениях. Гнездо волос находится в одном месте, от которого идут отрасли по членам и возрастают со дня на день. Если волоса находятся в страждущем определенное порчельником время, то сами собою открывают несколько ран: самую большую в том месте, где находится гнездо, вокруг кото-

рой для каждого волоса находятся маленькие скважины, из которых вытекает гной и материя. Когда рана открыта, то кладут на нее веник и обливают теплым щелоком из дубовой золы. Щелок, падая чрез веник на рану, изгоняет, так сказать, самое гнездо с его отпрысками, а выгнавши гнездо, заживляют уже рану прикладыванием свежих листьев травы подорожник. Если же рана не открыта, то на место, где страждущий чувствует боль, прикладывают осиновые стружки, напитанные медом, или лепешку, сделанную из ржаной муки с вином. От этих снадобий образуется язва и, когда она достаточно увеличится, приступают уже у лечению ее описанным средством.

Добросовестный знахарь при виде больного старается узнать, испорчен он или нет? Для этого натирает пальцем руку или ногу больного, и если выступит сине-багровая кровь наподобие лап, то смело заключает, что страдалец подвержен порче. Иногда узнают порчу по кресту или по ступени. Для прекращения несогласия между мужем и женой, происшедшего вследствие порчи, знахарь дает одному из супругов наговорную воду, с которой он должен обойти против течения солнечного три раза дом свой и, входя в ворота, сделать на них крест заблаговременно приготовленным веничком из трех сучков березы; потом начертить крест на всех окнах дома, на всех дверях, столах, скамейках, палатах, печах и пр. Оставшуюся воду дают пить испорченному. При лечении такую воду не должно подавать милостыни и даже не давать никому взаймы из харчевого (съестного) до семи дней; в противном случае лечение будет недействительно.

Раз, проезжая в имение знакомого мне помещика, я увидел, что на одной десятине, засеянной хлебом,

во многих местах связано суровой ниткою (наподобие снопов) по несколько колосьев ржи, которые загнуты вниз. На вопрос мой, что это значит? ответили: «евто залом». Изволите видеть, что это за залом? Порчельник, желая сделать кому-нибудь зло, заламывает с известными заклятиями растения, от чего они, хотя и приносят плод, но вредный для хозяина загона и его семейства или для скота его, смотря по тому, на кого падают заклятия злого человека. Старожилы говорят, что заламывающий колосья порчельник вынимает спорину из хлеба, и уверяли меня, что видели много порчельников, заламывающих рожь, которая во время действия их колыхалась, как будто от сильного ветра, причем заламывающие были с распущенными или всклокоченными волосами и даже нагие. Поймать порчельника нет никакой возможности, потому что злой дух имеет о них неусыпное попечение и сохраняет их. Таким же образом — как рожь, заламывают и прочие растения и деревья. Крестьяне отыскали средства снимать заломы. Для этого нужно три раза обходить залом, начиная с востока и, на каждой из четырех сторон горизонта, став спиною к течению солнечному, распуская ладон, произнося следующие слова: «если ты спроста, то и я спроста; если ты с хитрости, то и я с хитрости». Сделав это, вырывают с корнем каждый сноп и сжигают его на месте. Хлеб же, собранный с десятины, на которой находится залом, сами хозяева не употребляют ни в пищу, ни на посыпку корма животным, но спешат распродать.

Иногда вместо залама порчельник, привязав к ноге серп, прожинает крестообразно весь загон или весь клин озимого хлеба, произнося таинственные слова. Это называется прожином. Чтобы уничтожить прожин, собираются из всей деревни от мала до велика,

и каждый из них сожинает по несколько стеблей ржи так, чтобы в общем числе составилось не менее трех и не более девяти снопов, которые и покидают в поле на гниение. Есть поверье, что если заломавший съест столько хлеба, сколько можно вымолотить из нажатых снопов, то, чтоб он не употреблял в пищу, всегда будет чувствовать голод и непременно умрет голодной смертью.

Если еретик-колдун желает иметь изобилие меда, то он в день Зосима и Савватия, Соловецких чудотворцев (17 апреля) вынимает из ульев осот и в 12 часов ночи отправляется к мельнице для погружения ее в воду при произнесении заклятий. Сделав это, он спешает как можно скорее в свою пасеку. Если же кто увидит в это время еретика, то заклятия его остаются недействительными. Заклятый мед известен под именем наговорного. Он никогда не употребляется на конон для поминовения по усопшим и, почитая его дьявольским наваждением, утверждают, что будто бы он имеет кровь. Всякий мужик, покупая мед для поминков, сперва посмотрит на солнце, имеет ли он красноту или нет, и если он совершенно чист, то покупает его; в противном же случае почитает его за наговорный. Если у кого разведется большое количество пчел, то крестьяне говорят: «ён накликал саг пчел». Мед от накликанных пчел есть также наговорный. Чтоб накликать пчел, знахарь собирает в мешок первый отроившийся рой, к которому привязав камень, опускает также в воду при произнесении заклятий.

В трех верстах от Мещовска, близ селения Медведок, стоят два засохшие дуба. Предание гласит, что сюда собираются со всех сторон колдуны, колдуницы и ведьмы для забав и игр. Это высказала одна умирав-

шая старуха, которая слыла во всем околотке величайшей еретичей. Сказанные дубы получили такую крепость и силу, что ни один топор и ни одна пила не в состоянии их отделить от корня. Они столько достопамятны в устах народа, что произошла от них бранная поговорка: «що ты так зла, ай давно на медведских дубах не была».

Порчельники, по мнению крестьян наших, силою своего властелина, злого духа, и чародейством своим могут превращать врагов своих в разных животных, да и сами принимать на себя вид их. Так, случалось, что иногда весь свадебный поезд превращали в сорок, волков и других плотоядных животных. Это, пожалуй, подтвердят и примером. Некогда один крестьянин-охотник, убивши волка, стал снимать с него шкуру, и что же увидел? женщину в кичке и поняве. Людей, обращенных в животных, называют оборотнями. Крестьяне так верят в существование оборотней, что, опасаясь испытать на себе все ужасы мести порчельников, приглашают последних на пиры и свадьбы, где дают им самое почетное место, место дружки при поездах. Для причинения людям вреда порчельники и сами обращаются в собак, волков и проч. Мне рассказывала одна старуха, что когда ей случилось однажды идти ночью по деревне, то на пути встретилась ей большая черная собака. Старуха хотела защититься от нее своей палкой, но собака сказала: «Иди, иди своей дорогой: тае не замают».

Крестьяне говорят, что ни один ерегик-колдун и ни одна еретича-колдунья не могут умереть до тех пор, пока не передадут чародейства своего другому. Но часто случается, что лицо, которому чернокнижник желает передать свои познания, откажется от такого страшного наследия; тогда умирающий может

передать чары свои даже предмету неодушевленному, который получает силу чародейства только на три дня. Первый, в течение этого времени прикоснувшийся к этому предмету, становится против своего желания еретиком-колдуном. Смерть порчельников люта и страшна: они в течение нескольких часов претерпевают различные адские мучения; злой дух, с которым они при жизни были в стачке, теперь становится их тираном и мучителем: он раздирает тело еретика и помещается во внутренности его. При смерти порчельника вынимают одну доску из потолка для того, чтобы душа его скорее оставила тело; но когда они умрут, то их выносят на кладбище подобно употреблявшим в пищу картофель, т.е. не в ворота дома, но через разобранное звено.

По смерти своей порчельники ежедневно, в полуночное время, посещают дом свой, и родственники, ожидая прихода его, оставляют на столе один прибор. Пришедши домой, он отыскивает в печи приготовленное для себя кушанье, поев которое, отправляется осматривать двор, лошадей, коров и прочих животных. Но лишь только прокричит петух, он стремглав бросается в могилу и лежит там ниц до обычного времени.

Чтобы избавиться от личных посещений порчельника, то должно только, по уверению крестьян, вбить в могилу его осиновый кол или оставить в печи жареную кошку, при виде которой мертвец навсегда оставит прежнее жилище свое. Кошка, по мнению крестьян, есть животное, которого ненавидят и порчельник, и злой дух.

8. Средство от порчи и гибели на войне.

Летающий змей, при посещении ... крестьянки, высказал ей о благодетельном свойстве двух трав — ревенки и солнечника; только способ приобретения их сопряжен с величайшими опасностями: злой дух, во владении которых они находятся, не допускает воспользоваться этими растениями. Первая получила свое название, как гласит предание, от того, что ревет по утренним и вечерним зорям. Если настоять этой травы в вине и дать выпить порченому, то он скажет, кто его испортил. Вторая трава растет при водах и при больших реках, вышиною в аршин и имеет 12 различных цветков. Эту траву полезно иметь при себе всякому воину: от нее он делается храбр и неустрасим в битвах. Копать ее должно в мае месяце, в 12 часов по полудни. Говорят, что очень немногие имели при себе этот талисман и возвращались домой увешанными орденами и прочими отличиями. Они, приступая к выкапыванию солнечника, ограждали себя крестным знаменем, читали три раза Символ Веры и молитву к Пресвятой Богородице.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Заговоры

1. *От нечисти и чирьев.*— Ляметри II, кн. 5/6, с.15. Записал П.Ляметри в Мешовском уезде.
2. *Как унять кровь.*— Там же (перепеч.— Майков, №158).
3. *От золотухи.* — Майков, №93. Записано в Жиздринском уезде.
4. *От зубной боли.*—Ляметри II,с.15.(перепеч. Майков, №70).
5. *На зубы.*— Там же (перепеч.— Майков, №66).
6. *На зубы.*— «Калужские губернские ведомости», 1863,

с.210. (перепеч.— Майков, №80).

Записал А.Томачев в Калужской губ.

7. *От глазной болезни.*— Ляметри II, с.16.

8. *От руды или крови.*— Там же, с.15 (перепеч.— Майков, №145).

9. *От ужаления змею, ужом, козюлькою и пр.*— Там же, с.16 (перепеч.— Майков, №177).

10. *От укушения бешеной собакой.*— Там же, с.16 (перепеч.— Майков, №173).

2. Рассказ об исцелении от лихорадки.

Ляметри II, кн. 5/6, с.13-14.

В этом пересказе бытовавших поверий отражено представление о лихорадках как вредоносных существах, посылаемых могущественной злой силой. В основе первой части рассказа лежит, вероятно, заговор, об этом свидетельствуют перечисление сестер-лихорадок, число 12, описание старшей сестры, сидящей на железном стуле и прикованной 12 цепями — все это атрибуты поэтики заговора. Вторая часть рассказа является сюжетным развитием традиционного поверья.

3. Средства от болезней.

Средства от болезней — это описание большей частью магических действий, возможно, что некоторые из них сопровождались заговорами.

1. *От лихорадки.*— Ляметри II, кн.5/6, с.14,13.

Записано в Мещовском уезде.

2. *От родимца.*— Там же, с.14.

3. *От каменной болезни.*— Там же, с.15.

4. *От бородавки.*— Глухарев, с.15.

5. *Для излечения парня.*— Ляметри II, кн. 5/6, с.7.

6. *От усталости.*— Там же, с.6.

4. Средства для семейного согласия.— Там же, с.7.

5. Средства для оздоровления скота.

1. *Обряд опахивания.* Там же, с.8-9.

Этот обряд проводили и при повальных эпидемиях, например, при холере.— (М.Е.Шереметева. Крестьянская

одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925, с.24.)

2. При отеле коровы.— Там же, с.7.

3. Если пчелы не приносят меду.— Там же, с.8.

4. Если на стадо нападут черви.— Там же, с.8.

5. От моровой язвы.— Там же, с.8.

6. От падежа скота и птицы.— Там же, с.8.

6. Лечение болезней травами.— Ляметри II, кн. 7/8, с.25-27.

«Должно заметить, — пишет Ляметри, — что травовед или, как говорят крестьяне, знахарь не передает никому своих познаний, хотя бы ему давали большие деньги. Он полагает, что, передав секрет, сам не будет иметь успеха при пользовании больного». (с.25).

Приведенный «Травник» раскрывает еще одну грань знахарского искусства, основанного на знании трав и их лечебных свойств. Он интересен самим перечнем растений, произрастающих в Калужской губ., а также местными названиями некоторых трав и их описанием. Можно заметить, что знание действительно лечебных свойств растений нередко сопряжено с повериями, основывающимися на созвучиях слов, обозначающих травы и болезни (у кого горит душа — пить горицу; трава «слых» от потери слуха и др.)

7. Порча. Порчельник.

Там же, с.28-33.

Глава из очерка П.Ляметри «Некоторые черты из крестьянского быта Мещовского уезда» содержит уникальный материал, представляющий взгляды крестьян на людей, обладающих якобы вредоносной силой, а также описанием характерных болезней и напастей в результате насыла порчи.

8. Средство от порчи и гибели на войне.

Там же, с.35-36.

Приметы и поверия

Приметы и поверия, связанные с проведением обрядовых действий, помещены в соответствующих разделах. В данный раздел включены повседневные приметы и поверия: о погоде, о результатах предстоящих хозяйственных дел, какого-либо задуманного предприятия, запреты и предсказания, сулящие несчастья. В основе многих бытовых поверий лежат представления о могущественных силах, которые могут выступать покровителями человека либо, напротив, принести несчастье. Эти силы обнаруживают себя, как правило, в необычном (курица кричит петухом), неожиданном (заяц на дороге). Нарушение привычного настроения жвало, грозило непредвиденным — несчастьем. Доверяли нечетным числам, боялись конечного числа, отсюда запрет на пересчитывание яиц, птенцов, рыбы, дичи. В среде старообрядцев бытовали свои поверия, отразившие особенности религиозных воззрений.

Близко к повериям стоят сны, поскольку символика снов восходит к традиционным представлениям, которые находят выражение в традиционных символических образах и символических ситуациях, характерных для фольклора, в том числе произведений обрядовой поэзии.

1.

1. Зима устанавливается тогда, когда снег ложится на влажную землю. Если снег ляжет на мерзлую землю, то он растает до начала зимы.
2. Какая будет погода на всеядной неделе (перед Масленицей), так будет и на масленой неделе.
3. 29 февраля. Св.Касьяна считают сердитым, немилословным.
4. Когда с 8 марта пройдет 40 морозов, тогда настанет тепло.
5. Зимняя дорога испортится или за неделю до Благовещения, 25 марта, или спустя неделю после Благовещения.
6. Какая погода на Благовещенье, такая и на Пасхе.
7. Если на Евдокию курица напьется у порога до обеда

— урожай огурцов.

8. Грачи, прилетевшие весной дружно, означают дружную весну.
9. Если в мае наступают сильные холода, то или кто-либо утонул, или же разворачивается дуб.
10. После Царя Константина (21 мая) морозов не бывает.
11. Если на Самсона (27 июня) будет дождь, то семь недель будет идти дождь.
12. На Покров Пресвятой Богородицы, 1 октября, с какой стороны будет ветер, то такая будет зима.
13. При новолунии, полнолунии и ущербе луне погода меняется.
14. Когда дым расстилается по земле, будет дождь.
15. Когда дым поднимается столбом, то будет хорошая погода.
16. Лягушки квакают до первого грома.
17. Если кошка скребет у двери, то к дождю.
18. Если синица начинает с утра пищать, то ожидают непременно к ночи мороза.
19. Когда ворона начинает каркать, суетиться, летать туда и сюда, и вверх и вниз, то на другой день будет дождь, а зимою снег или оттепель.
20. Свинья, бегущая из стада с визгом, предвестник грозы.
21. Когда пригоняют стадо домой, то замечают, какая корова шла впереди: если красная или белая, то следующий день будет ясный; если серая, бурая или рябая, то пасмурный, а если черная, то ожидают дождя.
22. Если пчелы с утра начинают играть, т.е. с быстротою летают взад и вперед, то на тот же самый день будет дождь; ежели с вечера они кучкой сидят около отверстия, через которое входят в улей, то на утро предвещают ненастье, при предстоящей же ясной погоде, они причутся на ночлег в свой улей.

23. Крестьяне считают тот сев для себя несчастным, если при первом выезде для обсеменения полей, встретятся с ними или священник, или вдовец, или вдова, или девка, или холостой, или особорованный маслом, а потому для избежания подобных встреч выезжают для посева ночью.
24. Если сеятель на ниве или гряде, по случайности, не замечая того сам, не засеет части замли (что называется обсевком), то кто-нибудь из его дома в этом году умрет.
25. Гречиха сеется при появлении на полях красных козючков, известных под именем гречишных, а в крестьянском быту под именем божьих коровок.
26. Один из недельных дней, пятница, особенно почитается крестьянами. В этот день женщины считают за большой грех мотать и прясть, чтобы не оскорбить усопших родителей, которым кострика может засорить глаза.
27. Во время снятия с гнезда яиц не надо брать сена, а то в этом гнезде не станут куры нести яйца.
28. Кур на яйца сажают с вечера и яиц кладут нечетное число.
29. На наседку, сидящую на яйцах, никому не дают смотреть, боясь, что она не выведет цыплят.
30. Яиц от своей домашней птицы в подарок не дают — переведется птица.
31. Если курица пропоет петухом, то это к недобру.
32. Если курица в декабре или январе снесет яйцо — к несчастью.
33. Пение петуха в начале ночи — к благополучной ночи.
34. Кошка лапой обтирает свою мордочку — к гостям.
35. Вой собаки означает несчастье.
36. Держать в доме кроликов — к несчастью.
37. Если во время мытья полов пойдет дождь, то хозяин

будет долго жить.

38. Карканье вороны на каком-либо здании предвещает беду или несчастье его хозяину.

39. Когда пролетит мимо огня ночная бабочка или моль, жители Теребенской волости Жиздринского уезда крестятся и говорят: «Ах, Божа мой, смерточка!». Жители Подбужской волости Жиздринского уезда называют бабочку «варагушей» (лихорадка).

40. Потрогать лошадь около сиделки и если она сейчас же станет есть сено, то придется скоро ехать.

41. Встреча в дороге священник или покойника — к неблагоприятию.

42. Если пройдем или проедем перебежит дорогу заяц или черная кошка, то в дороге с ним случится несчастье.

43. Выходя на охоту, охотник должен у дома посмотреть на все четыре стороны для того, чтобы была удачная охота, а если не посмотреть, то охота будет неудачная.

44. Если, выходя на охоту, собака будет валяться на земле — неудачная охота.

45. У рыбакова не спрашивают, много ли он наловил рыбы, а то плохо будет ловиться она.

46. Вьюнов, налимов и всякую рыбу, не имеющую чешуи, не едят.

47. Если сморчки не родятся — не будет и грибов.

48. Если после мелкого дождя не появятся грибы, то говорят, что в этом дожде купалась ведьма.

49. Ловят красное насекомое с черными пятнышками под названием «Божья коровка», сажают его на ладонь и, поднимая руку вверх, говорят: «Коровушка, буренушка, скажи, где мой жених (или невеста) живет». В какую сторону насекомое полетит, то в той стороне живет суженый.

50. В понедельник на первой неделе Великого поста у старообрядцев все обеденное и чайное белье, то есть: скатерти, салфетки и полотенца снимают и отдают в стирку, как имеющие следы скоромной пищи.

51. Многие из крестьян-старожилов не употребляют в пищу картофелю и считают за величайший, смертный грех есть картохи, картошки, потому что растение это, будучи не природным русским, а вывезено из земли бусурманской и шло через неверные руки. Старожилы предполагают, что картофель имеет голову, руки и ноги: но что по вынугии его из земли, у него остается одно только туловище, прочие же части не видны для православных. Сверх того утверждают, что в этом растении есть кровь. И в самом деле, если разрезать красный картофель, то в середине его есть краснота, которую и принимают за бусурманскую кровь. Когда умрет тот, который при жизни употреблял в пищу картофель, то его должно выносить на кладбище не в ворота, но через разобранное звено.

2. Сны

Куклу видеть во сне или кто даст ее — к лучшему, к деньгам или к исполнению желаемого.

Лепешки — к письму или к свиданию.

Дрова, если кто принесет их, — к деньгам и вообще к хорошему.

Кольцо предвещает женитьбу или рождение ребенка.

Яйца видеть целыми — к хорошему.

Бить яйца — к смерти родственника или к пропаже.

Калачи — к деньгам видеть или к удовольствию.

Баранки и картохи сырые — к свиданию.

Жареные картохи — к свадьбе.

Ножик или булавка — злодеи.

Деньги видеть медные — слезы, бумажки — к сплетням.

Идти по новому мосту — к новостям или к хорошему.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Приметы и поверья

1-17.— Глухарев, с.19.

Записано Н.П.Глухаревым в г.Боровске и Боровском уезде.

Тексты даны в иной последовательности, нежели в источнике.

18-23.— Ляметри II, кн.5/6, с.2, 3, 5.

Записано П.Ляметри в Мещовском уезде.

24.— Глухарев, с.8.

25-26.— Попроцкий, с.141, 144.

Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

27-38.— Глухарев, с.11-15.

39.— Добровольский II, с.209.

Записал Н.В.Добровольский в с.Теребень Жиздринского уезда.

40-50.— Глухарев, с.9-15.

51.— Ляметри II, кн.5/6, с.6-7.

Записал П.Ляметри в Мещовском уезде.

Старообрядческое поверие.

2. Сны.— Чернышев, N32.

Записал А.Косогоров в д.Калужкино Мещовского уезда.

Диалектный словарь Калужской губернии

("Местные слова")

Жители Калужской губернии говорят великорусским языком, но в произношении весьма многих слов жителями Моссальского и западной части Жиздринского уездов заметно влияние Белоруссии. По некоторым оттенкам в языке и некоторым обычаям жители западной части Моссальского уезда разнятся от жителей восточной его половины; первые и ныне слывут под именем Полехов, а последние под именем Полян. Но разница, в настоящее время весьма мало заметная, постепенно сглаживается временем. Вот некоторые из местных слов, употребляемые народом в Калужской губернии.

А — буква, употребляемая иногда в словах вместо **Я**, — напр. Ванька вместо Ванька.

Анамнясь, анамедни — несколько дней назад.

Асичка — род шапки.

Бажонный, бажонинький — один, единственный, иногда хороший, милый.

Баран — глиняный рукомойник.

Батрак — наемный рабочий.

Баить — говорить.

Братина — чаша, миса.

Боты — сапоги.

В — предлог, употребляется вместо **У**, и обратно **У** употребляется вместо **В**; напр., вместо у стены — в стены, вместо в церкви — у церкви. Буква **У** заменяется также буквою **В** в некоторых словах; напр., вместо ударил — вдарил.

Вышка — чердак.

Ветряк — ветреная мельница.

- Вякать — лаить.
Вертина — овраг с крутыми берегами.
Галамя — давно.
Гамза — казна, деньги.
Гутарить — говорить, рассказывать, вместо гутарить употребляются слова баить, калякать.
Домовина — гроб.
Дежа — квашня.
Дром — бурелом — чаща в лесу, глушь, трущоба, так что трудно пройти; последнее означает также лес, поваленный бурей.
Дуже — сильно, очень, весьма.
Жерело — провал земли.
Жилейка — свирель.
Закута — хлеб.
Замашки — женский род конопли, иногда посконь.
Зипун — кафтан.
Зля — для.
Злякаться — испугаться.
Зякать — кричать.
Извар — ушат.
Истый — подлинный.
Ион — он, ион бае.
Казюлька — змея.
Калбина — небольшое озеро.
Каляный — крепкий, колючий, твердый.
Каманика — ежевика,
Карачун — злой дух.
Квелить — сердить, дразнить.
Коник — лавка в избе, самая ближняя к дверям, делаемая обыкновенно ящиком для хранения разных вещей.
Корец — ковш.

Карявый — неровный, шороховатый, исковерканный, изломанный, нехороший, угреватый.

Красна — холсты.

Крошево — капуста рубленая.

Круговой — окружной начальник.

Крупец — колодезь, источник.

Кулига — лужайка.

Куява — разгильдяй, растрепанный.

Лазник — мелкий кустарник, ивняк.

Ладунка — бутылочка.

Лог — лощина, овраг с отлогими берегами.

Матерый — довольно большой.

Надобить — надобно, должно.

Незля — нельзя.

Оба-полы — по обе стороны.

Оборы — веревочки для привязывания лаптей по-
верх онуч.

Окно воловое — верхнее малое, так называемое в
отличие от большого или красного.

Осел — петля, полезай в осел.

Отара, отава — толпа, гурьба, даже гурт.

Переш — прежде, наперед, иногда говорится на-
передки.

Плахта — повязка.

Повадно — хорошо, поваднее, лучше, сручнее.

Повесть — соломенная кровля.

Половник — уполовник.

Помет — порода.

Понява, понева — женский сельский костюм.

Плевый — малоценный, ничтожный.

Пуня — сарай для сена.

Пырки — индейки.

Рели — качели.

Робить — делать.

- Руда — кровь.
- Сапожемки — время с 1 по 15 августа.
- Семен день — 1 сентября.
- Скверно — холодно.
- Склянка — всякий стеклянный сосуд.
- Снизаться — одеться, отсюда сниз — нижнее платье, иногда употребляется слово оболотаться.
- Стежка — тропинка.
- Сутиски — сумерки.
- Ташка — мышка, носят под ташкою.
- Терези — весы.
- Толока — сборище, так большей частью называется общая работа.
- Тешить — доить.
- Усей — недавно, почти то же значение имеет слово номнясь, анамнясь, васейка, галамя.
- Х — эта буква заменяется **Ө** или **Ф**, напр., хвилин, Хведор; иногда же буква **Х** заменяется буквою **Ф**, напр., фарать, фастать, форост, куфня, — от последней замены не могут отказаться до сих пор и купцы.
- Хотится — хочется, хотишь — хочешь.
- Хряк — боров.
- Цыпки — болезнь вроде чесотки, та же болезнь у лошадей называется мокрец.
- Чапельник — сковородень.
- Чуфиснуть — поклониться в ноги.
- Шатун — черт.
- Шарить — искать.
- Шляки — бабки.
- Я** — употребляется в спряжении глаголов вместо **ит**, напр., ион едя — вместо он едит.

ПРИМЕЧАНИЕ

Местные слова.— Попроцкий, с.183-186.

Источник, из которого Попроцким взят словарь, не указан.

Тот же перечень слов под заголовком “Словарь языка или наречия простолюдинов Калужской губернии” опубликован в кн. “Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 г.” Составил В.В.Ханыков. Издание Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. Москва, 1878.

- Плахта — повязка.
 Повидно — хорошо, похвально, лучше, круче.
 Повесть — сочиненная краля.
 Половник — уполовник.
 Помет — порода.
 Помята, помята — женский гальский мазком
 Пуня — сарай для сена.
 Пырки — мидейки.
 Рели — качели.
 Робить — делать.

Список собирателей

БАСКАКОВА М.А. (годы жизни неизв.), корреспондент П.В.Шейна. Записи свадебных, хороводных, лирических песен, описание обряда «Похороны масленицы» из с.Ахлебинино Калужского уезда опубликованы в сб. «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках и т.п.», т.1, вып.1,2, СПб., 1898, 1900 гг.

ГЛУХАРЕВ Николай Поликарпович (годы жизни неизв.), житель ст.Балабаново Калужской губ., краевед. В конце XIX-нач.XX вв. предпринял собирание материалов по истории г.Боровск и Боровского уезда, используя архивы, публикации в газетах, журналах, личные записи. В 1913 г. в г.Боровске опубликовал «Материалы для истории города Боровска и его уезда». В книгу вошли предания и легенды, обычаи и обряды, поверья и приметы, гадания, пословицы и поговорки, а также 6 сказок в пересказах, песни каллик перехожих (духовные стихи), 9 исторических песен (зап. П.В.Киреевского в с. Слобода Боровского уезда), 2 детские песни (зап. П.В.Шейна). Особый раздел книги составил «Боровск и его уезд в русской поэзии» (стихи В.Брюсова, А.Навроцкого, В.Жуковского и Н.Миловидова). «Материалы...» были изданы на пожертвованные средства. Н.П.Глухарев предполагал продолжить свой труд, но дальнейших публикаций не последовало.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Владимир Николаевич (1856-1920), русский этнограф, фольклорист, член-сотр. Импер. Русского Географического общества; учился в Московском университете. Главный труд — «Смоленский этнографический сборник» (1891-1903). Записывал песни, свадебный обряд в деревнях Жиздринского

и Мосальского уезда, записи Д. опубликованы в «Живой стороне» (1898, вып.2-3; 1902, вып.2).

ДУРНОВО Е.Г. (годы жизни неизв.), корреспондент П.В.Шейна. Записи песен (свадебных, хороводных, лирических), записанных ею в с.Костино Малоярославского уезда опубликованы в сб. «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях...», т.1, вып.1-2.

ЕЛЕОНСКАЯ Елена Николаевна (1873-1951), выдающийся фольклорист и этнограф, действ.член Этнографического отделения Имп.общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ), с.1917 г.— член Русского географического общества. Основные работы посвящены сказке, заговорам, народной магии. Исследуя архаические формы фольклора, Е. уделяла много внимания живому бытованию и новым жанрам фольклора (частушке). Большое значение Е. придавала собирательской работе. Е. принимала деятельное участие в разработке «Программы для собирания произведений народной словесности», которая была издана в 1912 г. Комиссией по народной словесности Этнографического отдела ОЛЕАиЭ и разослана местным обществам любителей фольклора. В Калужской губернии Е. записывала фольклор в Козельском и Перемышльском уездах («Гадание под Новый год...», «Крещение и похороны кукушки»). Основные работы были опубликованы до 1929 г. в журналах «Этнографическое обозрение» и «Русский архив».

КАШКАРОВ Василий Михайлович (годы жизни неизв.), историк, член-учредитель Калужского церковного историко-архивного общества. В журнале «Калужская старина» (1902-1904) опубликовал ряд очерков по истории Калужского края. В своих исследованиях привлекал фольклорный материал — топо-

графические и исторические предания, былички, устные рассказы, записанные им в Калужской губернии.

КОСОГОРОВ Андрей (1882-?), сын крестьянина д.Калужкино Гостинской вол.Мещовского уезда, учился в Мещовском уездном училище. Корреспондент В.И.Чернышева, составителя сборника «Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда» (СПб., 1901). С 1897-1900 гг., следуя инструкции Чернышева «по возможности точно передавать произношение», записал в с.Калужкино от разных информаторов и передал составителю сборника 158 произведений различных фольклорных жанров, в т.ч. песни, сказки, устные рассказы, загадки и др.

ЛЯМЕТРИ Петр Александрович (1824-?), этнограф, сотрудник «Калужских губернских ведомостей». Работал преподавателем Мещовского уездного училища, с 1859 г. — Калужского уездного училища, а также в губернском статистическом комитете. В 1850-1860-е гг. в «Калужских губернских ведомостях» опубликовал ряд этнографических очерков.

МАРКОВ Алексей Владимирович (1877-1917), собиратель и исследователь фольклора. Будучи студентом Московского университета, записывал фольклор в Тарусском уезде. Записи опубликовал в сб. П.В.Шейна «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях...» (т.1, вып.1). В последующие годы проводил записи фольклора в Архангельской губ. («Беломорские былины» (1901); «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г.»)

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ (дочь священника) (годы жизни неизв.) — корреспондент П.В.Шейна. Записи песен из Жиздринского уезда опубликованы в сб. «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях...»,

т.1, вып.1,2.

ПОПРОЦКИЙ Михаил, полковник Генерального штаба (годы жизни неизв.) — составитель сб. «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Калужская губ.», т.9, ч.1-2, 1864. Генеральный штаб, будучи вспомогательным органом командования по управлению войсками, выполнял также военно-научную работу. Одним из капитальных трудов Г.Ш. явились «Материалы для географии и статистики России» (тт.1-15, 1859-68). Во 2 т. «Материалов... Калужская губ.» составителем М.Попроцким опубликованы этнографические сведения, взятые из разных источников, в т.ч. из «Калужских губ.ведомостей».

ТОЛМАЧЕВ А. (годы жизни неизв.) — записывал фольклор в Калужской губернии, сотрудничал в отделе неофициальной части «Калужских губ.ведомостей» в 1850-1860-е гг.

ШЕРЕМЕТЕВА Мария Евгеньевна (1886-1964) — историк, исследователь этнографии и фольклора Калужского края. С 1921 г. — научный сотрудник Калужского исторического (государственного) музея. В 1920-х гг. ею опубликован ряд работ по народной одежде Калужской губернии, набойке и пр., а также статьи по обрядовому фольклору, содержащие уникальный материал. В начале 1930-х гг. Ш. записала крестьянскую свадьбу в районе Гамаюнщины. Работы Ш. публиковались в Калуге, а также в журналах «Советская этнография», «Краеведение».

ЯКУШКИН Павел Иванович (1822-1872), русский писатель, известный фольклорист, этнограф, учился в Московском университете. В Калужской губернии записывал фольклор в Лихвинском и Жиздринском уездах в 1845-1846 гг. Я. — один из первых

фольклористов, определивший принципы собирательской работы (точность записи, фиксация диалектных особенностей, внимание к вариантам, новациям в фольклоре и др.). Калужские записи («Дневник пешеходца») были опубликованы лишь в 1983 г. («Собрание народных песен П.В.Киреевского». Записи П.И.Якушкина. Т.1, Л., 1983).

- с. Жерелево Гл. 2, № 5(3)
- с. Пятницкое Гл. 1, № 1(1)
- с. Милославское Гл. 1, № 1(1)
- с. Терехово Гл. 1, № 1(1)
- с. Сильковичи Гл. 2, № 1(1)
- с. Стас-Деминское Гл. 2, № 1(1)
- Перемышльский уезд
- с. Амбигино Гл. 1, № 2(1)
- д. Шамордино Гл. 1, № 1(1)
- с. Копыльское Гл. 1, № 1(1)
- д. Теребовля Гл. 1, № 2(1)
- д. Савостьяново Гл. 1, № 1(1)
- с. Копыльское Гл. 1, № 1(1)
- д. Кожухово Гл. 1, № 3(4)
- д. Милославское Гл. 1, № 1(1)
- Луховицкий уезд Гл. 1, № 2(1)
- с. Андрониковское Гл. 2, № 1(1)
- с. Тучково Гл. 1, № 2(1)
- с. Говенино Гл. 1, № 3(2)
- д. Милославское Гл. 1, № 2(2)
- д. Боранино Козельск Гл. 1, № 2(1)
- д. Боранино Сушкин Гл. 1, № 1(1), 2(2)
- Малоярославский уезд Гл. 1, № 2(1), 3(1)
- с. Костино Гл. 1, № 1(1-3)
- Малоярославский уезд Гл. 1, № 6(1), 8(9-18)
- 10(1-4), 24, 23, 22, 42, 41, 21(1-2), 24(1), 25(1)
- Гл. 2, № 6(1), 8(1), № 1(1-2), 4(1), 7(1), 8(1), 10(1), 23(1)
- 3, 2(1), 4-8 Гл. 1, № 1(1), 18(1), 23(1), 25(1), 26(1)

Географический указатель мест записи текстов

Боровский уезд Гл.1, №№ 9(5-17), 23. Гл.2 № 16.
Гл. 3 № 3. Гл.4 №№ 1(1-17, 24, 27, 28, 40-50).
г.Боровск Гл. 1 №№ 12(1), 28, 32, (2), 38, 39.
Гл. 2 №№ 1, 3, 11.

Жиздринский уезд Гл. 3, № 1(3).

с.Милеево Гл. 1, № 27.

с.Теребень Гл. 4, № 1(38).

Калужский уезд

г.Калуга Гл. 1, № 22.

с.Ахлебинино Гл. 1 № 51(3). Гл. 2, № 13(1-15).

д.Квань Гл. 1, № 17.

д.Колупаново Гл. 1, № 15.

д.Песочна Гл. 1, № 21(1).

д.Цвеленово Гл. 1, № 14(2).

Козельский уезд

д.Клюксы Гл. 1, № 30(3).

д.Кожухово Гл. 1, № 30(4).

д.Маслово Гл. 1, № 9.

Лихвинский уезд Гл. 1, № 28.

с.Андроновское Гл. 2, № 15(1-6).

с.Гулево Гл. 1, № 21(2).

с.Зеленино Гл. 1, № 30(2).

д.Машковичи Гл. 1, № 25(2).

д.Большие Козлы Гл. 1, № 29(1).

д.Большие Сушки Гл. 1, № 14(1), 29(2).

Малоярославский уезд Гл. 1, № 50. Гл. 2, № 9.

с.Костино Гл. 1, № 10(1-3).

Мещовский уезд Гл. 1, №№ 6, 8(9-18),

10(1-4),24,33,36,42,45,47,51,(1-2),54(1),55(1).

Гл. 2, №№ 6,8. Гл. 3, №№ 1(1-2,4,5,7,8-10),2,3(1-3,5,6),4-8. Гл. 1, №№ 1(18-23,25,26,51).

с. Калужкино Гл. 1, №№ 1-5, 7, 8 (1-8), 11, 12(2), 25(1), 28(2), 32(1), 41, 43, 49, 52(1-2), 53(1). Гл. 2, №№ 4(1-8), 8(2-23). Гл. 4, №№ 2

с. Сабурово Гл. 1, №№ 53(2), 54(2). Гл. 2, №№ 2(1), 7 д. Шалово Гл. 2, №№ 8(1)

Мосальский уезд Гл. 1, № 34.

д. Варваренки Гл. 1, № 35.

с. Жерелево Гл. 2, № 5(3).

с. Пятницкое Гл. 1, № 53(3). Гл. 2, № 5(2).

с. Петросельи Гл. 2, № 5(5).

с. Сильковичи Гл. 2, № 5(1).

с. Спас-Деминск Гл. 2, № 5(4).

Перемышльский уезд

д. Горки Гл. 3, № 30(1).

д. Шамордино Гл. 1, № 46.

Спас-Деминский уезд

д. Коськово Гл. 1, № 31.

д. Салово Гл. 1, № 37.

Тарусский уезд Гл. 1, №№ 19-23, 44. Гл. 2, № 12.

д. Маковицы Гл. 1, № 51(4-7). Гл. 2, № 16.

«Гамаюнщина» — территория в 2-12 км от Калуги, на правом берегу Оки, включающая 17 сел Калужского и Перемышльского уездов.

Гл. 1, №№ 25(3), 48, 55(2). Гл. 2, №№ 2(2), 14.

Источники. Список сокращений

Глухарев — Глухарев Н.П. Материалы для истории Боровска и его уезда. т.1. Легенды, обряды, обычаи, поверья, приметы, гадания и др. Боровск, 1913.

Добровольский I — Добровольский В.Н. Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губ.— «Живая старина», 902, вып.2.

Добровольский II — Добровольский В.Н. Свадебный обряд в Калужской губернии.— «Живая старина», 1902, вып.2.

Елеонская I — Елеонская Е.Н. Гаданье под Новый год в Козельском уезде Калужской губернии.— «Этнографическое обозрение», 1909, №2-3.

Елеонская II — Елеонская Е.Н. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1912, №1-2.

Кашкаров — Кашкаров В.М. Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии.— «Калужская старина», 1903, т.3.

Ляметри I — Ляметри П. Крестьянская свадьба в Мещовском уезде.— «Калужские губернские ведомости», 1855, №№47,48,50.

Ляметри II — Ляметри П. Некоторые черты из крестьянского быта в Мещовском уезде.— «Экономист», СПб, 1862, кн.5/6, 7/8.

Майков — Майков Л.Н. Великорусские заклинания. Т. II, СПб, 1869.

Попроцкий — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами штаба Калужской губернии. Составил М.Попроцкий, т.9, ч. II, СПб., 1864.

Чернышев — Чернышев В.И. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда. Сб.ОРЯС, 1901, т. LXX, №7.

Шейн I — Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п. Т. I, вып.1, СПб.,

1898.

Шейн II — Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах..., т.1, вып. II, СПб., 1900.

Шереметева I — Шереметева М.Е. Крестьянская одежда Гамаюнщины. Калуга, 1925.

Шереметева II — Шереметева М.Е. Земледельческий обряд — закликание весны в Калужском крае. — Сборник Калужского государственного музея. Калуга, 1930, с.33-60.

Шереметева III — Шереметева М.Е. Масленица в Калужском крае. — «Советская этнография», №2, 1936, с.101-121.

Якушкин — Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И.Якушкина, т.1, Л., 1983 (Из рукописного фонда ГИМ).

Избранные исследования по теме

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982.

Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб.тр. М., 1994.

Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.-Л., 1962.

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы (Под ред. К.В.Чистова, Т.А.Бернштам). Л., 1978.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX-нач. XX вв. М., 1979.

Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX в. М., 1957.

Содержание

Предисловие	3
<i>Календарные обряды и поэзия</i>	23
Святки	
Масленица	
Весенние обряды и поэзия	
Летние обряды и поэзия	
Примечания	
<i>Семейные обряды и поэзия</i>	84
Роды, крестины, детство	
Свадебные обряды и поэзия	
Похороны	
Примечания	
<i>Народная магия и народная медицина</i>	209
Заговоры	
Рассказ об излечении лихорадки	
Средства от болезней	
Средства для семейного согласия	
Средства для оздоровления скота	
Лечение болезней травами	
Порча. Порчельник	
Средство от порчи и гибели на войне	
Примечания	
<i>Приметы и поверия</i>	234
Тексты	
Сны	
Примечания	
<i>Диалектный словарь Калужской губернии</i>	240
(«Местные слова»)	
<i>Список собирателей</i>	245
<i>Географический указатель мест записи текстов</i>	250
<i>Источники. Список сокращений</i>	252
<i>Избранные исследования по теме</i>	253

ББК 82 – 02.1 (2Р – 4 Калж)

Ф75

Составление, подготовка текста, предисловие и
примечания к.филолог.н. Н.М.Ведерниковой

Научный редактор Е.Д.Андреева

Рецензент к.филолог.н. С.Е.Никитина

*Редактор Н.В.Николаева

Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях
XIX – начала XX вв. Выпуск 1. Народные обряды и поэзия.

Сборник публикаций обрядов и обрядовой поэзии - календарных праздников, традиционных семейных обрядов, заговоров и др., бытовавших на Калужской земле в XIX - начале XX вв. Фольклорный материал, представленный в этом сборнике, характеризует народные традиции как часть живой культуры того времени. Фольклорные тексты сопровождается удобный в пользовании научный аппарат.

Выпуск адресован не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей, для которых не утратили ценность традиции народной культуры - преподавателям, учителям гимназий и школ, студентам, руководителям и участникам фольклорных коллективов.

Периодический подписной альманах

«Русская традиционная культура», №№ 4 – 5, 1997 г., 254 с.

М., ООО «Издательство «РОДНИКЪ»

103030, Москва, ул. Суцёвская, 21

Адрес редакции:

113114, Москва, ул. Дербенёвская, 16.

Компьютерный набор – А.Ю.Смоленцева

Компьютерная верстка и дизайн – Д.С.Захарьин, Н.П.Лакутина

Формат 60 x 84 1/16. Гарнитура академическая.

Бумага офсетная № 1.

ISBN 5 – 86443 – 027 – 7

РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

ПОДПИСНОЙ АЛЬМАНАХ ПО РУССКОМУ ФОЛЬКЛОРУ
С НОТАМИ, ЗВУКОВЫМИ И ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЯМИ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОДБОРКИ
НА ОСНОВЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ
И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

подлинный фольклор из разных областей России

НАША ЦЕЛЬ

**СПОСОБСТВОВАТЬ СОХРАНЕНИЮ И УТВЕРЖДЕНИЮ
ИСКОННЫХ НАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ,
ОБЕСПЕЧИТЬ ДОСТУП К НИМ ДЛЯ НЫНЕШНЕГО
И БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ, ВЕРНУТЬ НАРОДУ
СОЗДАВАЕМЫЕ ИМ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ
ДУХОВНЫЕ БОГАТСТВА**

НАШ ДЕВИЗ

**РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР НЕ ЭКЗОТИКА,
А ДУХОВНАЯ ОСНОВА САМОСОХРАНЕНИЯ НАРОДА**

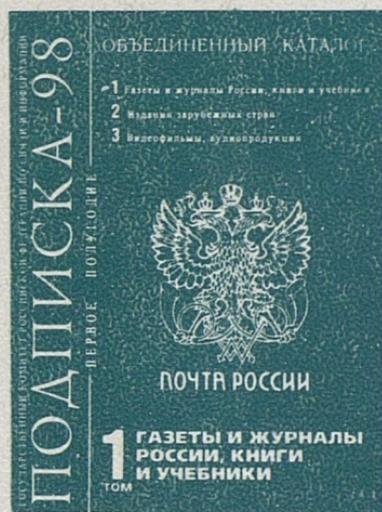
*Подписка по всей России
по Объединённому каталогу (обложка зелёного цвета)
«ПОДПИСКА-97» (стр. 95),
«ПОДПИСКА-98» (стр. 142)*

Подписные индексы

34242 и 34278

Наложным платежом издания не высылаются.
Получить их можно по предоплате почтовым переводом
в адрес редакции при объеме заказа – от 50000 рублей.

Тел./факс (095)235-0372

Вниманию подписчиков!

Подписка на периодику по русской традиционной народной культуре, выпускаемую ООО «Издательство РОДНИКЪ», осуществляется по Объединённому Каталогу «ПОДПИСКА-98», т. 1 – «Газеты и журналы России, книги и учебники».

Индексы 34242 и 34278 – альманах «Русская традиционная культура» на стр. 142 Каталога; индекс 40611 – альманах «Традиционные промыслы и ремёсла» на стр. 152 Каталога; индекс 40910 – сборник «Я вхожу в мир искусств» на стр. 161 Каталога.

Каталог «ПОДПИСКА-98» (обложка зелёного цвета) рассылается по всем почтовым отделениям России и СНГ. Требуйте этот Каталог в почтовых отделениях по месту Вашего проживания.

Подписной Каталог должен находиться в доступном для клиентов месте в каждом почтовом отделении. Отсутствие данного Каталога в операционном зале, а также использование рукописных и иных вписок вместо него рассматривается как грубое нарушение правил распространения печати по подписке и договоров с распространяющими организациями.

Подписка на все указанные здесь издания также принимается в любое время года в редакции по телефону (095)235-2932.